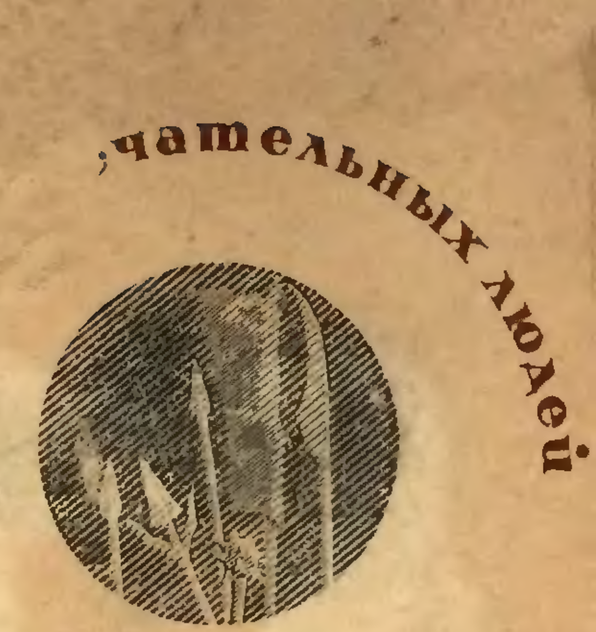
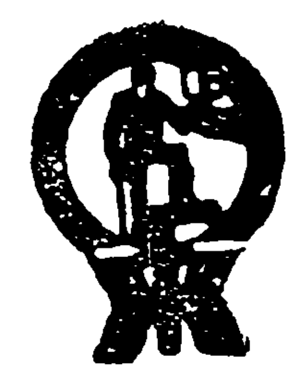

М. ТОМАРА

Бабек

Жизнь замечательных людей

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ · МОСКВА · 1936

М. Томара

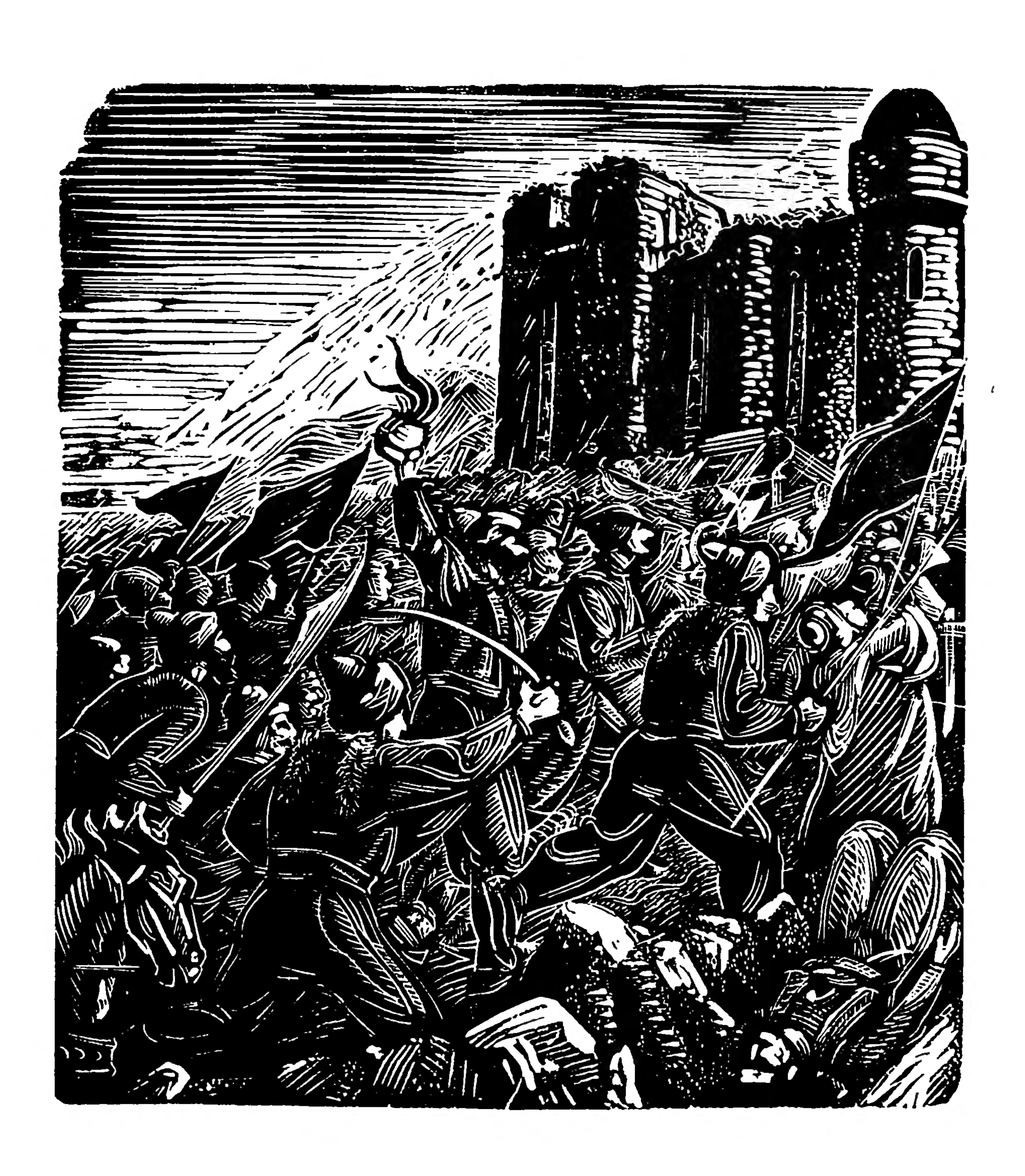
Бабек

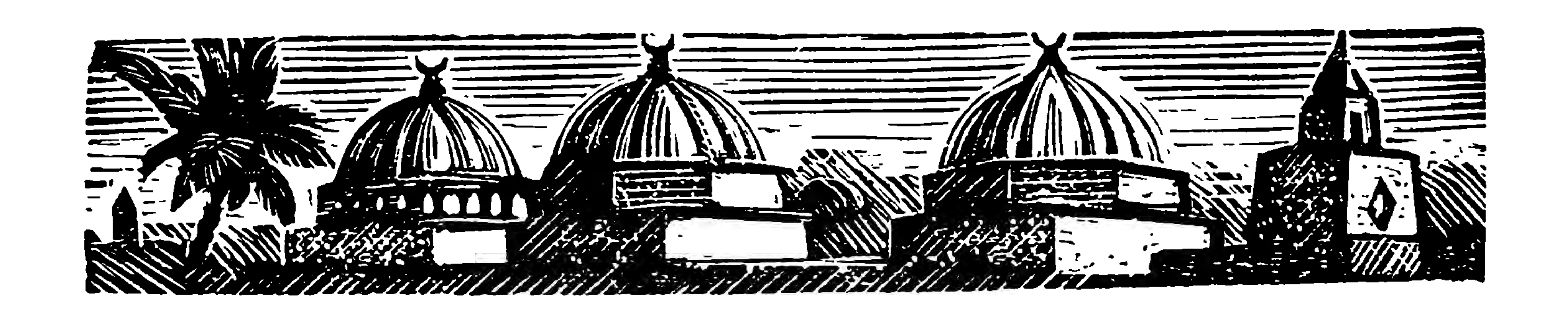
15 /87/ выпуск

Редактор ИОСИФ ГЕНКИН
Техредактор А. М. ИГЛИЦКИЙ
Обложка Г. С. БЕРШАДСКОГО
Гравюра на дереве А. М. КРИТСКОЙ

Издатель Жургазоб'единение
Уполномоченный Главлита Б—30491
Тираж 40 000. Зак. тип. 591. Изд. № 293
Сдано в набор 26.VIII. 1936 г.
Подписано к печати 26.X. 1936 г.
Формат бумаги 72×108/32
3 1/8 бум. листа. 106.624 зн. в бум. л.
Типография и цинкография
Жургазоб'единения, Москва, 1-й Самотечный, 17

Бабек

Хуремиты *

Это было в начале VI века. Арабские кони еще не топтали нив и пастбищ Ирана, страной правили еще цари из туземной династии Сассанидов, господствовала официальная религия Зороастра и в бесчисленных храмах горел священный неугасаемый огонь — лучшее творение доброго бога Агура Мазды, дававший тепло в холодные ночи и свет, от которого бежали злые духи и хищные звери.

Иранский крестьянин, прикованный к земле, принадлежавшей не ему, а либо царю, либо знати — крупным феодалам, занимавшим высокие посты при дворе, правившим провинциями, командовавшим войсками, — этот крестьянин стонал под бременем налогов и податей, земельных, подушных и иных. Не слаще жилось и тем из крестьян, которые находились под властью мелких помещиков, дехканов, разбогатевших крестьян, происходивших из старших в роде среди первых поселенцев того или другого селения.

* Слово «хуремит» обозначает по-арабски людей веселой разгульной жизни.

Феодалы беспрерывно восставали против царей, свергали и убивали их. Цари не щадили враждебных им феодалов. «Царь Гормизд, — как говорит арабский историк Табари, — казнил 13 600 человек из знати, заботился о простых воинах, а с рыцарями был скуп; с трудом переносил общество знати, был благосклонен к ничтожным людям». Феодалы его свергли.

Хозрой II «притеснял знать» и был убит.

Такую же борьбу с феодалами вел и царь Кавад.

В его время, т. е. в начале VI века, появился в Иране мобед, т. е. служитель религии Зороастра, — Маздак, который стал проповедывать странное, неслыханное дотоле учение. Он не проповедывал никаких ересей, никаких отклонений от государственной религии, он учил, что надо быть добродетельным, избегать всяких преступлений. Преступления же всегда происходят из-за женщин и из-за богатства. А потому, чтобы не было преступлений, надо уничтожить право собственности, раскрепостить женщин, а богатство передать бедным.

В случае надобности он прибегал для вящшего убеждения слушателей к уловкам и приемам, излюбленным его сословием. Он прятал в подземелье преданного человека и зажигал над подземельем священный огонь. И вот из огня раздавался голос, повелевавший слушаться Маздака и исполнять его веления.

Да и без этих ухищрений учение Маздака привлекало широкие массы иранской бедноты. Крестьянство Ирана, находясь в крепостной зависимости у крупных и мелких землевладельцев, неизбежно разорялось от чрезмерных обложений и повинностей.

В угнетенных массах издревле ходили предания о бывшем когда-то золотом веке, о добром царе Ширвине, при котором крестьянин жил в довольстве на

собственной земле, не зная крепостной зависимости, ни угнетения господ, ни невыносимого бремени налогов. И тверда была вера, что Ширвин появится, прогонит господ и вновь настанет золотой век. И вот, казалось, долгожданное время пришло. Сотни тысяч обнищавших крестьян покидали ненавистные места и шли за Маздаком. Революционное учение широко разливалось по Ирану. Народные волнения и крестьянские восстания вспыхивали в разных краях Ирана.

Царь Кавад вел ожесточенную борьбу с феодалами, но не мог с ними справиться: войско Ирана состояло из ополчения, которое набиралось теми же феодалами; отряд личных телохранителей царя был явно недостаточен для этой борьбы. Торговая буржуазия имела тогда еще весьма мало значения.

Стремясь успокоить народные волнения и вместе с тем привлечь на свою сторону крестьянство, чтобы, опираясь на него, обуздать феодалов, Кавад приблизил к себе Маздака, сделал его своим главным советником и предпринял ряд реформ в духе его идей. Женщины освобождались от гаремного заточения, земли отбирались у помещиков. Феодалы упорно боролись за свои привилегии, и плохо вооруженные крестьяне не были в состоянии одолеть закованных в броню конных рыцарей. Победа, в конечном счете, осталась за феодалами; крестьяне были разбиты, и Кавад был взят в плен и заточен в крепость. Скоро, однако, ему удалось бежать в соседнее государство, лежавшее на север от Аму-Дарьи, к турецкому хакану. Хакан согласился оказать ему поддержку, и через четыре года после бегства из Ирана Кавад вернулся при помощи турецких войск и вновь овладел престолом.

Революционное движение, поднятое проповедями Маздака, принимало все более грозный характер, и Кавад предпочел помириться с феодалами, отменить реформы, навеянные учением Маздака, и бросить все силы на подавление восставшей бедноты. Что касается Маздака, то, по некоторым источникам, сам Кавад, по другим — его сын и преемник Хозрой Нушерван велел схватить проповедника и предать его мучительной казни. Приверженцы Маздака подверглись жестоким гонениям. За последние годы царствования Кавада им и его преемником было истреблено более ста тысяч маздакитов.

Движение было подавлено. Приверженцы Маздака загнаны в глубокое подполье, но идеи его продолжали жить в угнетенных массах, наравне с легендой о царе Ширвине. Особенно многочисленные приверженцы Маздака остались в северных областях Ирана: в Азербайджане, западном Джебале, Гиляне, Мазандеране и Хорасане. Много было их и в Иране, — в окрестностях иранской столицы Мадаине, или Ктезифоне.

Прошло сто лет, и кочевники восточной Аравии, гонимые земельной нуждой и недостатком пастбищ, ринулись на благодатные нивы Ирана для захвата богатой добычи и тучных полей. В битве при Кадезии они громили многочисленное, но нестройное ополчение Ирана, взяли и разграбили столицу, поделили несметную добычу. Земли Савада, принадлежавшие до того царю, перешли в собственность мусульманского государства, а крестьяне оставлены на земле с обязанностью платить казне халифа подушную подать и оброк за землю — харадж. Обложение было едва ли тяжелее, чем при туземных царях. При исключительном плодородии низовьев Тигра и Евфрата, ко-

торые давали урожаи пшеницы сам-сто в первый год и сам-тридцать во второй год от оставшихся на поле неубранных зерен, харадж в размере четырех дирхемов с джериба * казался не слишком обременительным; тяжело было то, что за пахотные земли, которые крестьянин не мог засеять, он должен был платить оброк в размере одного дирхема с джериба.

После небольшой передышки арабы двинулись на восток. В битве при Нехавенде, на пороге Иранского плоскогорья, была разгромлена последняя армия царя, и шестнадцать лет спустя после битвы при Кадезии весь восток Ирана подпал под власть правителей арабов — халифов.

Арабы не встречали почти никакого сопротивления. Могущественные феодалы, особенно многочисленные в восточных провинциях, предпочитали покоряться без боя и заключать с арабами мирные договоры. Им оставлялись их земли, они продолжали управлять своими подданными, сохраняли свою религию, только должны были платить единовременно условленную по договору сумму и затем ежегодно вносить определенную дань. Конечно, в этих областях положение крестьянства ухудшилось, так как платежи арабам перекладывались на крестьянство, а бремя оброков и повинностей, лежавших на нем ранее, не снималось. Единственным выходом из тяжелого положения для крестьянина оставался переход в ислам. Перешедший в ислам освобождался от крепостной зависимости, уходил из селения, забирая свою движимость. Поле свое он должен был передать односельчанам. На его односельчан перекладывались и все повинности, ко-

* По исчислению известного востоковеда Кремера, дирхем в переводе на современные деньги равен золотому франку (37,5 коп. зол.). Джериб равен приблизительно $^1/_{30}$ гектара.

торые нес уходящий. Общая сумма дани с селения не уменьшалась с его уходом, и тяжесть ее давила еще больше на оставшихся.

Сам новообращенный направлялся в город, должен был приписаться к какому-нибудь арабскому племени и заносился в списки арабского войска, получал права на жалованье, которое первое время халифата уплачивалось всем мусульманам. Приписка к арабскому племени делала его клиентом (мевла) этого племени, что ставило его в положение раба, отпущенного на волю своими господами. Он оказывался в полной зависимости от своего патрона: не имел права жениться, не мог выдать дочь замуж без согласия своего патрона; если он умирал без прямых наследников, его имущество переходило к патрону. Арабы глубоко презирали покоренные ими народы: например, в разговоре между собой они называли друг друга почетным именем: «О, отец такого-то Абу Бекр—отец Бекра, Абуль Аббас — отец Аббаса», новообращенных же называли просто по имени, наравне с рабами. Общественное положение клиента в арабской империи характеризует поговорка того времени: «Молитву делает недействительной прикосновение к молящемуся собаки, осла и мевла». Таким образом прав, присвоенных мусульманину-завоевателю, новообращенный не получал, однако положение его на некоторое время улучшалось и он освобождался от крепостной зависимости и уплаты подушной подати, мог уйти в город и заниматься там торговлей и ремеслами; жалованье, положенное каждому мусульманину, поддерживало его существование. Однако выплата жалованья производилась только первое время халифата, и скоро оно стало выплачиваться только военнослужащим.

В северо-западных областях Ирана, в Азербайджа-

не, в Арране, Мукане, Гамадане, крупных феодалов было мало, и многие из них погибли во время войны, зато был многочислен класс мелких помещиков-крепостников, дехканов. Часть их оказала арабам сопротивление, земли их были завоеваны и стали государственной собственностью, на крестьян был наложен оброк и подушная; часть же дехканов предпочла покориться без боя и заключить мирные договоры на условиях уплаты дани. Впрочем и там, где дехканы потеряли свои земли, они приспособились к новому строю. Арабы-завоеватели, большей частью из кочевых племен, были неграмотны, незнакомы ни с земледелием, ни с ведением каких-либо книг и отчетностей, не знали к тому же языка подвластных им народов. Дехканы перешли в мусульманство и стали посредниками между населением и новыми хозяевами; из них набирались агенты по сбору оброков и податей, счетоводы, управители селений.

Таким образом, в этих областях положение крестьян ухудшилось. Где действовали договоры, им приходилось нести двойное бремя: выплачивать дань арабам и нести обычные повинности своим дехканам; там, где земли стали государственными, помимо уплаты хараджа и подушной правительству, им приходилось выносить всяческие утеснения и вымогательства со стороны сборщиков. Если по местным условиям харадж взимался деньгами, с крестьян требовали уплаты полновесным серебром, между тем как в обращении были почти исключительно старые потертые монеты сассанидских времен; если харадж взимался в виде части урожая (половина с орошенных естественно и четверть или треть с орошенных искусственно земель), сборщики обвешивали и обмеривали крестьян при приемке продуктов и кроме того прижимали

их тем, что не позволяли расходовать ничего из урожая, пока он полностью не собран и доля правительства не выделена.

Самый взнос платежа являлся поводом к унижениям и оскорблениям. Установился, например, обычай: после того, как плательщик опускал деньги в руку принимавшего платежи, прислужник последнего ударом кулака в шею выталкивал крестьянина из комнаты. Впрочем и дехканам и старшинам, ответственным за сбор налогов с своих селений, жилось не сладко. Если платежи не были собраны и внесены полностью к сроку, арабские чиновники подвергали их истязаниям: подвешивали им на шею тяжелые камни или кувшины с водой, выставляли голыми на полуденное солнце, заставляли часами стоять на одной ноге и т. д.

Чем дальше, тем больше ухудшалось положение крестьянства. Когда халифов, живших в Медине и опиравшихся на мединских землевладельцев, сменили халифы дома Оммайядов, ставленников арабской родовой знати, перенесших столицу в далекий Дамаск, — положение крестьянства Ирана стало невыносимым. Арабская знать требовала денег и денег, халифы осыпали ее золотом, и миллионы, стекавшиеся в Дамаск, расходились тут же на подачки знати, на роскошь двора, на постройки дворцов и мечетей. В провинции ничего из этих богатств не возвращалось. В странах, где земледелие основано на искусственном орошении, халифы не тратили ничего на прорытие каналов, на очистку их, возлагая эту работу на само население, а нередко одно только поддержание уже существующих каналов требовало от крестьян половину их рабочего времени.

В непрерывном стремлении увеличивать доходы с иранских областей халифы придирались ко всякому

поводу, чтобы возбудить против феодалов и дехканов обвинение в нарушении мирных договоров. Тогда население какого-либо феодального поместья признавалось мятежным, посылались войска для его «усмирения», движимость побежденных отбиралась как военная добыча, земли поступали в казну, а с крестьян, ограбленных войском, выколачивались немедленно и подушная и хараодж.

И все более и более усиливались в крестьянстве Азербайджана, Аррана, Гамадана, прикаспийских провинций, Хорасана древние мечты и надежды на возвращение золотого века, когда не будет господ и не будет налогов; не забытое еще учение Маздака о свободной земле все сильнее овладевало умами. Один из основных элементов древних анимистических верований крестьянства, мало затронутых религией Зороастра, — вера в переселение душ — окрыляла их надежды на то, что скоро придет время, когда душа доброго царя Ширвина, прошедшая через многие воплощения, вселится в могучего вождя, который избавит их от ужасов голода и унижения.

Но недовольство правлением Оммайядов царило не только у иранских крестьян. Недовольны были и жители городов, как Куфа, Басра, расположенных по нижнему течению Тигра и Евфрата, в области, называвшейся Савад. Арабы, завоевав Иран, создали тут два военных лагеря: Басру у Персидского залива и Куфу на Евфрате. Эти лагери разрослись скоро в большие города, и поселившиеся в них воины, разбогатевшие от грабежа, занялись прибыльной торговлей с Дальним Востоком, издревле поставлявшим свои товары в Персидский залив.

Торговля умножала богатства жителей этих городов, но политика Оммайядов тормозила дальнейшее раз-

витие этой торговли. Ежегодное выкачивание из самого Савада многих миллионов, пренебрежение к ирригации, приводившее в упадок земледелие, понижало покупную способность населения восточных провинций. Беспрерывные войны, которые вели Оммайяды с Византией на суше и на море, закрывали торговой буржуазии Савада выход к Средиземному морю, делали рискованной, а то и невозможной торговлю с Европой и с самой Византией. Наконец, ее раздражали и разоряли постоянные наборы в войско, которым подлежали мусульмане. А строгие правители Савада не допускали уклонений от этой повинности. Когда жители Куфы вздумали отказаться от похода в далекие страны, правитель, присланный халифом Абдал Меликом, Хаджадне об'явил, что уклоняющихся постигнет смертная казнь, и эта мера не оказалась пустой угрозой.

Еще большее недовольство царило среди иранских феодалов, привыкших играть первую роль при дворе Сассанидов, занимать командные посты. Если они сохраняли свою старую веру и не переходили в ислам, то считались неполноправными гражданами, платили подушную; если же, благодаря мирным договорам, они сохраняли свое положение во главе округа или области, то ежечасно рисковали оказаться мятежниками и лишиться всего; если же они принимали ислам, то приходилось записываться клиентом (мевла) и становиться в подчиненное положение к патрону — арабу. Правда, богатому и влиятельному феодалу удавалось обычно избрать своим патроном самого халифа, все же и такое подчинение оскорбляло их гордость.

Была еще одна группировка, арабского происхождения, которая ненавидела Оммайядов и их опору —

арабскую родовую знать, группировка опасная и энергичная: то были многочисленные потомки родственников Мохаммеда, ветвь его дяди Аббаса и ветвь одного из его двоюродных братьев, Али, мужа его дочери Фатимы. Они считали себя обойденными Оммайядами, считали, что престол халифов принадлежит по праву им, сынам дома Гашима. Из них потомки Аббаса были очень богаты, кроме того эту группировку поддерживала буржуазия Савада, которая финансировала широкую пропаганду, развитую ими в провинциях, с лозунгом «долой нечестивых Оммайядов, убийц сынов дома (пророка), угнетающих народ и нарушающих законы ислама». И пропаганда имела громадный успех. Крестьяне возлагали надежды на восстание, которое облегчит их положение, иранские феодалы рассчитывали вернуть себе первое место в государстве, торговая буржуазия Савада надеялась на переворот, который откроет ей торговые пути на запад и поднимет производительные силы страны и покупную способность населения.

Этой пропаганде удалось сыграть решающую роль, когда на дальнем востоке халифата, в Хорасане, выступил с проповедью в пользу сынов дома Гашима сын седельника, иранец Абу Муслим. На зов его откликнулись сотни тысяч; вся масса иранского крестьянства стекалась под черное знамя пророка, развернутое Абу Муслимом. Популярность его была огромна; многие иранцы самого Абу Муслима считали воплощением Ширвина, тем спасителем, который пришел дать угнетенным свободу и землю. Деньги на вооружение, на транспорт давала буржуазия Савада. Примкнули к движению и иранские феодалы. Их по существу реакционные стремления в данное время имели одну и ту же цель, что и стремления крестьян

и буржуазии, имели одного и того же врага — арабскую родовую знать и ее ставленников Оммайядов. Опытность феодалов в военном деле давала им значительное преимущество перед остальными приверженцами Абу Муслима, который поддался их влиянию и ничего не предпринимал без совещания с ними. Хорасан изгнал арабов; войска Абу Муслима лавиной прошли по территории Ирана, уничтожая сторонников правительства, вторглись в Месопотамию, разгромили войско халифа Мервана II, которому удалось бежать в Египет, где вскоре он был убит. За немногими исключениями был истреблен весь род Оммайядов и вместе с ними все их приверженцы. Всего, по свидетельству арабских историков, погибло до 500 тысяч человек. На престол халифов взошла «богом благословенная» династия Аббасидов, которая должна была принести счастье и благополучие всем классам, боровшимся за нее.

Надежды крестьянства были, конечно, обмануты. Таков удел всех крестьянских восстаний, даже удачных, если они происходят под руководством эксплоататорских классов. Нечего и говорить, что иранские феодалы и дехканы, добившиеся теперь привилегированного положения при дворе, отнюдь не сочувствовали стремлениям крестьян к освобождению. Феодалам нужны были командные высоты и много денег, т. е. усиление налогового пресса, усиление эксплоатации крестьян. И интересы купечества Савада находились в противоречии с интересами крестьян. Для него важен был рост роскоши у знати и при дворе халифов, перенесших в угоду ей свою резиденцию в новоотстроенную столицу на берегу Тигра, в Багдад. Для нее важен был рост потребления ценных заморских товаров — основы ее торговой деятельности, — а

потребители таких товаров могли быть только в городах. Крестьяне же жили своим натуральным хозяйством, ни пряностей, ни шелков не покупали. Для буржуазии важно было снижение цен на продукты сельского хозяйства, удешевление рабочих рук, занятых в производстве ценных товаров, которыми славились ремесленники многих городов Ирана, и потому она добивалась усиленного выкачивания из селений сельскохозяйственной продукции в натуре.

В Багдаде и других городах Савада, где сосредоточивались громадные богатства, существовал, естественно, громадный спрос на все товары, в том числе и на зерновые продукты, почему и цены на них были чрезвычайно раздуты спекуляцией. И халиф Мансур отменил в Саваде и других местностях взимание хараджа с зерновых хлебов деньгами. Денежные сборы были оставлены только для пальмовых насаждений, виноградников и других ценных культур. Была установлена повсеместно система мокасама (пропорционального деления), по которой крестьяне отдавали половину урожая, если поле орошалось только дождем, и четверть или треть, если применялось искусственное орошение. Применение этой системы создало большой приток зерновых продуктов в города, и цена на хлеб упала.

Кое-какие затраты на ирригацию правительство сделало, но именно в Саваде, где было больше всего ценных культур и пальмовых насаждений. Впрочем, уже при преемнике Мансура, халифе Махди, система мокасама была распространена и на ценные культуры.

Налоговый пресс был насколько возможно усилен, и доход центрального правительства, достигавший при Оммайядах едва 300 миллионов дирхем

(столько же франков = 112 миллионам руб. золотом), поднялся до 400 миллионов (150 миллионов руб. золотом).

Непосильное бремя налогов, бесправие, угнетение и вымогательство агентов власти создавало для крестьян чрезвычайно тяжелые условия, но вместе с тем масса крестьянства покорно переносила свою тяжкую долю, попрежнему мечтая о свободе и земле, о грядущем пришествии Ширвина. Были, однако, среди крестьян и люди более активные, которые не довольствовались мечтаниями — отказывались гнуть спину перед господами. Они бросали землю и уходили в горы, поднимали бунты против власть имущих и богатых, нападали на купеческие караваны, отбивали скот у помещиков, убивали арабских агентов. Эти непокорные пользовались глубокими симпатиями односельчан, которые им помогали, укрывали их от преследования властей, доставляли им, в случае надобности, с'естные припасы.

Такое повстанчество особенно усилилось при первых Аббасидах в гористых местностях Азербайджана и Джебаля, где легко было укрыться от преследования в непроходимых ущельях и густых лесах. Повстанцы вели, в сущности, настоящую партизанскую войну с правительством халифов, но не было еще организующей силы, которая могла бы об'единить их разрозненные действия.

По мере развития борьба эта приобретала постепенно и свою идеологию.

Еще не заглохли в крестьянстве предания о проповеди Маздака, об его учении, о возвращении земли тем, кто ее обрабатывает своим трудом, об освобождении женщин из гаремного затворничества. Все шире и шире развивается среди крестьянства северного

Ирана учение хуремитов по своим социальным стремлениям близкое к маздакизму.

Арабские историки донесли до наших дней весь поток грязной клеветы, которым окружали хуремитов господствующие классы арабского халифата. Они

Ущелье в Азербайджане

обвиняют их во всех пороках, описывают ночные оргии хуремитов, когда после пьянства мужчины и женщины якобы предавались необузданному разврату; хуремитам приписывали намерение установить общность жен и имущества.

Во всей истории хуремитского движения мы не встречаем ни одного случая какого-либо обобществления женщин. Напротив, мы видим, что даже вож-

ди имели по одной жене, что многоженство, дозволенное исламом и другими религиями Востока, у них не было принято. Несомненно только, что женщина у хуремитов освобождалась от домашнего рабства, получала свободу выбора мужа. Брак совершался без всяких формальностей, уничтожалось затворничество, женщины без покрывал могли находиться в обществе мужчин, участвовать в разговорах и пирах. С точки зрения правоверного мусульманина все это представлялось чудовищным, казалось верхом разврата, и этим арабы пользовались, окутывая хуремитов бесстыдной клеветой.

Что касается обобществления имущества, то приходится и этот пункт считать вымышленным. Воспоминания об эпохе первобытного коммунизма едва ли могли уже жить в народе, особенно после двухсот лет арабского владычества, когда подати взимались в индивидуальном порядке. Скорее всего стремления хуремитов были направлены на освобождение от крепостной зависимости, от налогов и повинностей, на закрепление за каждым крестьянином владения той землей, которую он обрабатывал своим трудом. По крайней мере во всей истории хуремитского движения мы не встречаемся с обобществлением земли, даже тогда, когда хуремиты стали полными хозяевами Азербайджана, как во время успехов Бабека.

Как известно, все социальные движения на Востоке развивались в древности под религиозным флагом. Про хуремитов арабские историки говорят, как про религиозную секту, ветвь религии Зороастра, как про последователей Маздака. На самом деле хуремиты очень сильно отличались от Маздака. Он почти не отходил от основных религиозных установлений Зороастра, тогда как хуремиты не признавали единого

бога, считали, что мир существует вечно, вечно существуют и души людей; душа умершего переходит в тело другого человека или даже в тело животного, смотря по тому, хорошо или дурно жил умерший человек на земле, и крепка была у них вера в то, что душа легендарного царя Ширвина, после ряда воплощений, перейдет в тело человека, который восстановит золотой век, когда не будет ни налогов, ни господ. Они не знали никаких обрядов и молитв, считали дозволенным все, что ислам запрещал: вино, свиное мясо; у них не было никаких священнослужителей, никаких жрецов.

Хуремитами были не только крестьяне. К ним примыкали и многие дехканы. Унижаемые и оскорбляемые арабами, потерявшие свое положение, а нередко и имущество, они хотя и приспособились к новому строю и в большинстве своем приняли ислам, но таили глубокую ненависть к завоевателям; эта ненависть об'единяла их с крестьянами-хуремитами, хотя, конечно, их мечты были связаны с восстановлением их власти над крестьянами, когда изгнаны будут чужеземцы. Они были как бы правым националистическим крылом хуремитского движения.

До нас дошли литературные памятники, характерные для этой части хуремитов. Так, Исхак ибн Хасан (умер в 821 г.), хуремит родом из Согдианы, в одном стихотворении гордится своим неарабским происхождением, своими предками, которые не носили арабских имен. Причина его ненависти к арабам ясно сказывается в следующих строках:

Решили все дети Маада, стар и млад,
И дети Кахтана все вместе и порознь
Отнять мое добро, но от грабежа моя защита —
Добрый меч с острым лезвием

Я позвал на помощь рыцарей из Мерва и Балха,
Славных среди благородных,
Но увы! Не близки жилища моего города,
И не многие помощники смогут притти,
Ведь отец мой Сасан, а Кифа, сын Гормизда
И Хакан, если хочешь знать, мой двоюродный брат.
В язычестве мы ногами попирали выи людей,
Все покорно шли за нами, как будто их тянули веревками.

Этот хуремит был явно феодального происхождения; он ссылается на свое родство с иранскими царями, зовет на помощь рыцарей, а причина его ненависти — отобрание его земель.

Дехканы шли под знамена хуремитов там, где хуремиты были сильны: где они изгоняли арабов, они старались втереться в милость хуремитских вождей; но когда счастье покидало повстанцев, они их предавали и переходили на сторону угнетателей. Яркие примеры такого двурушничества показывает история Бабека.

Плохо жилось крестьянству не только в Иране.

В западной половине халифата, в Сирии, в Египте, положение крестьян значительно ухудшилось с воцарением Аббасидов и перенесением столицы в Багдад. Эти провинции, бывшие при Оммайядах центральными, стали окраинами, правители их мало считались с предписаниями центра, да и центр ими интересовался лишь с точки зрения получения дохода, оставляя население на полный произвол правителей. Золотой поток, стекавшийся при Оммайядах в Дамаск и его области, устремился теперь в Багдад, и громадные расходы двора и придворных уже не питали торговлю и промышленность Сирии, спрос на земледельческие продукты сократился, доходы земледельцев упали, а харадж и подушная взимались в прежнем размере, а то и в большем: жадность пра-

вителей, не боявшихся жалоб на них в отдаленный Багдад, не имела пределов.

По всей империи халифов крестьянство стонало; от времени до времени в отдельных провинциях проходили волны народных бедствий, голодовок и чумной эпидемии. Через два года после вступления на престол Аббасидов—чума в городе Рее, в следующем году чума в Сирии; в 775 году чума распространилась по многим провинциям; спустя восемь лет чума в самом Саваде, в 815—816 году чума в Багдаде и в Сирии, в 816—817 году голод в Джебале, Хорасане и Рее, в 822—823 году голод опять в плодороднейшем Саваде. У нас нет сведений о народных бедствиях специально в Азербайджане, но надо думать, что в нем было не лучше, чем в других провинциях халифата. Имеется лишь известие о великом бедствии, постигшем Азербайджан в 799 году вследствие набега хазар, прорвавшихся через горные ущелья Кавказа, разграбивших и разоривших Закавказье, Азербайджан и Армению.

Все эти бедствия, все эти притеснения и вымогательства, вся нищета крестьянства приводила к вспышкам недовольства, переходившим нередко в открытые восстания.

В течение почти столетия, с 751 по 839 год, редкий год проходил без восстания в империи халифов. Правда, эти восстания носили чисто местный характер, возникали стихийно и сравнительно легко подавлялись: еще не было у крестьян, живущих даже в одной и той же области, чувства солидарности; бунт в одном селении не поддерживался соседними. Однако заслуживает внимания то, что чем дальше, тем эти восстания охватывают все более обширные территории и становятся все более длительными. Восста-

ние Моканны в Мавераннахре захватило всю область и продолжалось два года (778—780); оно было поддержано одновременным восстанием в Хорасане.

Восстание в Египте продолжалось три года (829—832) и не только охватило всех крестьян-коптов Египта, но и арабов-колонистов; бедственное положение и тех и других будило классовое самосознание и заставляло забывать национальные противоречия.

Самым грозным восстанием, до основания потрясшим империю халифов, было восстание хуремитов в Азербайджане, которое продолжалось двадцать два года (817—839), охватило несколько областей и потребовало для подавления большого напряжения сил со стороны халифата. Восстания хуремитов в Азербайджане происходили и раньше (например, восстание 808 г.), но они были, как и все крестьянские восстания, чисто стихийными, вспыхивали то в одном округе области, то в другом. Тут же восстание было организованным, имело твердое руководство выдающегося человека. То был Бабек. Причинами восстаний были, как всегда, притеснения и вымогательства агентов власти, усиление податного бремени. Но здесь, в Азербайджане, эти притеснения и вымогательства приняли особенно острые формы в начале IX века ввиду некоторых особенностей местного аграрного строя.

Азербайджан был завоеван арабами после упорных боев с местным населением. Поэтому, по закону ислама, земли должны были перейти в казну халифа, движимость населения поступить в добычу воинам, а сами жители стать рабами победителей. Однако арабы предпочли после первых же военных успехов заключить мирные договоры с дехканами и представителями городов. По этим договорам жители сохраняли свое имущество, продолжали обрабатывать свои

Мост в Азербайджане

землю, получали право исповедывать свою религию, только должны были платить арабам ежегодную дань.

Арабские гарнизоны были размещены в разных пунктах области, главной базой их стал город Марага. Как и в других областях халифата, заключенные договоры не соблюдались жадными Оммайядами. Притеснения и придирки легко приводили к местным бунтам, а этого было достаточно, чтоб правительство могло считать договоры нарушенными и приступить к новому «завоеванию», т. е. к отобранию земель и обращению движимого имущества жителей в военную добычу. В результате жители обнищали, земли стали казенными, однако сельское население не обращалось в рабство, а оставлялось на своих участках в крепостной зависимости у новых господ. Некоторые земли Оммайяды раздали во владение арабским главарям; так, Мохаммед ибн ар Равад из племени Азд получил Тавризский округ, Али ибн Морра—Карызский округ, людям из племени Гамдан даны земли в Миане; некоторые земли остались во владении доказавших свою преданность дехканов.

Большая же часть Азербайджана была отдана во владение правителю области Мервану, члену семьи правящей династии. Живя на месте, правитель видел бедственное положение своих крестьян, понял, что его собственные доходы зависят от под'ема их благосостояния; он «оживил» земли, т. е. провел искусственное орошение, помог крестьянам инвентарем, так что их положение было несколько лучше, чем в других местах.

Положение крестьян резко изменилось с падением династии Оммайядов и воцарением Аббасидов. Имения Мервана перешли опять в казну, а к началу

девятого века были отданы халифом Гарун аль Рашидом частью жене, Зобеиде, частью дочерям. Принцессы, конечно, никогда не посещали своих азербайджанских имений, только требовали от управляющего денег и денег, которые тратили на безумную роскошь и на «богоугодные» дела. Так, Тае Зобеида истратила более семисот тысяч рублей золотом на устройство водопровода в Мекке, где нехватало питьевой воды для паломников, и на колодцы на пути паломников из Багдада. Управляющие имениями и их агенты в селениях не забывали себя, и невероятное угнетение и выжимание последних средств у крестьян усилилось. Жаловаться на принцесс, конечно, было некуда. Крестьяне, по большей части хуремиты, бросали землю, уходили в горы и вступали в открытую борьбу с угнетателями.

Бабек

Яркое южное солнце освещало покрытую вечным снегом вершину горы Себелан у Ардебиля. Глубокий снег лежал и в ущельях и на скалах вокруг горы, на которой стояла неприступная крепость Базз между Ардебилем и Арраном. В крепости шел пир горой. Раздавались веселые песни, звучали флейты, кимвалы и мандолины. Вино лилось рекой, кабаны, зайцы и другая снедь, воспрещенная кораном, лежали перед пирующими. Среди загорелых воинов сидели женщины с открытыми лицами, и когда из ближней деревни раздался с минарета голос муэдзина, призывающий к послеобеденной молитве, никто из пирующих не встал, не совершил омовения и не сотворил молитвы. Все это происходило через двести лет после смерти Мохаммеда, в пределах империи халифов, когда правила «благочестивейшая, богом благословенная» династия Аббасидов, когда царствовал Абдалла эль Мамун, «достойный доверия» (подразумевается — божья).

По какому случаю этот пир, и кто были эти дерз-

кие люди, осмелившиеся открыто нарушать все заветы ислама, пить вино, есть запретные кушанья, глядеть в открытые лица женщин и не совершать в установленные часы предписанных законом молитв?

То были «неверные разбойники, низкая чернь», как их называют мусульманские историки, то были восставшие против властей крестьяне, то были, по официальной терминологии мусульманских богословов, хуремиты.

А пировали они по случаю выборов нового вождя вместо недавно умершего Джавизана и по случаю женитьбы нового избранника на вдове покойного.

Джавизан вернулся с удачного похода, но вернулся смертельно раненый и на третий день умер. Вдова умершего позвала к себе молодого человека из отряда Джавизана—Бабека и сказала ему: «Ты человек решительный и с головой. Приготовься к завтрашнему утру, я соберу приверженцев мужа и сообщу им, что покойный сказал мне перед смертью: «Передай моим товарищам, — я знаю, что сегодня ночью должен умереть, — что душа моя перейдет из моего тела в тело Бабека, сольется с его душой, и он с вашей помощью достигнет такого могущества, которого еще никто из нас не достигал, истребит сильных мира сего, восстановит учение Маздака; презренный среди вас достигнет почета и униженные возвысятся».

Утром на следующий день на зов вдовы собрались все воины отряда Джавизана, и она сообщила им, что покойный поручил ей передать свою последнюю волю относительно своего преемника. Они спросили: «Почему же он сам не сказал нам этого перед смертью?» Она ответила: «Вы разбрелись по вашим селеньям, и если б он разослал гонцов, чтоб созвать

вас, то арабы узнали бы об этом и воспользовались его беспомощным состоянием. Поэтому он обязал меня созвать вас, чтобы вы выслушали его завещание и выполнили его». «Говори, — сказали крестьяне, — мы ему повиновались, когда он был жив, и не пойдем против воли умершего». Вдова сказала: «Вот его последние слова: — Я должен умереть этой ночью, душа моя перейдет в тело этого юноши, моего слуги (и он указал на Бабека). Я решил передать ему власть над моими соратниками и, как только умру, сообщи им. Проклят тот, кто будет против этого и чья воля будет противоречить моей». «Мы согласны», ответили они.

Тогда она приказала им привести быка, зарезать его, содрать с него шкуру, разостлать ее, поставить на ней кубок с вином, а вокруг него положить ломти хлеба. Затем она стала вызывать всех одного за другим, говоря: «Поставь ноги на кожу, возьми ломоть хлеба, обмокни его в вино, с'ешь его и скажи: «Верю в тебя, дух Бабека, как верил раньше в дух Джавизана». Затем возьми руку Бабека, нагнись и поцелуй ее». Так сделали все присутствовавшие. После этого все уселись, начался пир и веселье. Трижды они выпили. Тогда вдова Джавизана взяла связку благовонных трав и передала ее Бабеку. Это и был их свадебный обряд. Все встали и поклонились им в знак того, что они одобряют этот брак.

Так рассказывает про первое выступление Бабека на общественном поприще арабский писатель Мохаммед ибн Исхак, черпая сам эти сведения из старинной книги «Ахбар Бабек» («Известия о Бабеке»), до нас не дошедшей.

Кто же был Бабек, ставший вождем хуремитов?

Мы не имеем точных сведений о годе рождения Ба-

бека, но из косвенных указаний можно заключить, что он родился в 798 — 800 году. Имя отца его было Абдалла. Абдалла был набатеянином из Мадиана. Чисто арабское имя—Абдалла—указывает на то, что он был мусульманином. Как многие жители Савада, покоренного арабами, он внешне принял ислам, так как переход в ислам сопровождался разными привилегиями, а главное—освобождением от подушной подати.

Абдалла не остался жить в Мадаине, а перебрался в Азербайджан, где снискивал себе пропитание, по-видимому, весьма скудное, торговлей в разнос растительным маслом. С бурдюком масла за спиной он бродил по горам и долинам восточного Азербайджана и однажды попал в селение Билалабад округа Мимед. Тут он познакомился с девушкой, имени которой не называют источники, указывая только, что она была одноглазая. Она сошлась с Абдаллой без всяких обрядов и официальных разрешений, не испросив согласия отца, из чего нужно полагать, что семья ее принадлежала к секте хуремитов. Однажды женщины их села, проходя мимо зарослей тростника, услышали звуки набатейских песен и смех. Заинтересованные, они вошли в тростник и застали там эту девушку в об'ятиях незнакомого человека. Абдалла убежал. Женщины были правоверными мусульманками, они схватили несчастную жену Абдаллы за волосы, потащили в село, где подвергли всяким издевательствам, как распутную девку.

Эти издевательства и побои оставили неизгладимый след в сердце жены Абдаллы, усилили ее хуремитские убеждения, которые она и передала потом своим детям.

Во избежание дальнейших гонений пришлось Абдалле оформить брак; спросив свадьбу, он основался

в Билалабаде, но не бросил своей торговли и продолжал бродить по Азербайджану. Однажды вблизи Ардебиля, около горы Себелан, он подвегся нападению какого-то прохожего, вступил с ним в борьбу, ранил его, но сам получил смертельную рану, от которой, вернувшись домой, вскоре умер.

Умирая, Абдалла оставил жену и двоих детей — Хасана и Абдаллу. Старший сын Хасан потом прославился под своим иранским именем — Бабек. Трудно было бедной женщине, оставшейся без всяких средств, в полуразвалившейся хижине, кормить и воспитать ребят. Она поступила в няньки к детям в зажиточный дом и тем поддерживала семью, пока Бабек не достиг десятилетнего возраста. Тогда он поступил в пастухи и пас чужие стада, своим скудным заработком помогая матери.

Как то бывало с многими другими выдающимися людьми, стяжавшими себе любовь и преданность народных масс, о периоде его детства сложились легенды, в которых сельский люд хотел видеть предзнаменование его великого будущего. Одну из таких легенд передает Мохаммед ибн Исхак: «Однажды Бабек долго не возвращался домой, и мать, встревоженная его отсутствием, пошла его искать. После долгих поисков, она нашла его среди стада коров, которых он пас; он спал под деревом, совершенно голый. Дело было в полдень. Взглянув на сына, она увидела, что под каждым его волосом выступила кровь. Когда она его разбудила и он встал, кровь начала менять цвет и стала невидимой. Тут она поняла, что ее сын призван к великим делам, и что пролито будет много крови в его жизни».

Достигнув более зрелого возраста, он поступил в погонщики верблюдов к караванщику аль Шибль ибн

Мунки аль Азди, жившему в округе Сарат вблизи Мимеда, и с караванами исходил многие села и города Азербайджана и Аррана. Этот период жизни Бабека был чрезвычайно важен для развития его ума и расширения кругозора. Он избег той тупой ограниченности, которая является уделом крестьянина, сиднем сидящего в своем селении и ничего не знающего, кроме узких интересов своей ближайшей округи. Он увидел нищету, угнетение и притеснения крестьянства Азербайджана со стороны арабов и их туземных приспешников, всю неправду и вымогательства судей и сборщиков податей. Он, несомненно, встречался с многими тайными хуремитами, которыми кишели северные провинции халифата, и в это-то время его молодой ум проникся жаждой изменить положение крестьян, изгнать притеснителей и поработителей, низвергнуть сильных мира сего, а презренным и угнетенным дать почет и благосостояние. В своих странствованиях он встречался с людьми, которые еще помнили то время, когда иранское крестьянство отозвалось на зов Абу Муслима и поднялось против своих угнетателей-арабов и их правителей, когда оно свергло Оммайядов и возвело на престол халифов из дома Аббаса. Они помнили, какие надежды таились в сердцах угнетенных и какое горькое постигло их разочарование, как еще тяжелее начало давить их бремя податей и повинностей, когда у власти стали новые правители.

И своим быстрым умом он понял, что нечего ждать крестьянству от своих туземных властителей, что союз с ними принесет крестьянству лишь разочарование и еще более тяжкую нищету; ненависть к ним глубоко запала в его сердце, и недоверие к ним не оставляло его в самые критические минуты жизни.

Встречался он и с людьми, которые помнили, как сорок лет тому назад восстал в Мавераннахре Ата, прозванный Моканной, в которого, по верованию хуремитов, вселилась душа Абу Муслима; как во главе крестьянства восточного Ирана он два года наносил поражение за поражением войскам халифа, как поднялось в то же время крестьянство Хорасана и как разрозненность восставших привела к разгрому сперва хорасанцев, затем и Моканна, который еще долго защищался в своей крепости Санам и, наконец, не видя спасения, отравил себя и своих последних приверженцев и погиб в пламени подожженного им дворца.

Период странствований по градам и весям Азербайджана и соседних областей имел большое значение в жизни Бабека еще и потому, что ему пришлось наглядно изучить топографию этих мест. Ему стали известны проходы и перевалы, неприступные скалы, источники питьевой воды, селения, где живут единомышленники, подходы к крепостям, где стояли арабские гарнизоны. Это знакомство дало ему возможность, когда он стал во главе восстания, организовать оборону, размещать засады, сделать свои позиции настолько неприступными, что все силы и вся мощь громадной империи разбивались об них в течение двадцати двух лет, и только предательство смогло погубить его.

Водительством караванов не ограничилась деятельность Бабека в его ученические годы. После нескольких лет он бросил службу у эль Азди и отправился в Тавриз искать работы. Тавриз не был тогда столицей Азербайджана и не был тем большим городом, важнейшим центром Ирана, каким он стал в настоящее время. Главными городами в то время были попеременно Марага и Ардебиль. Все же Тавриз был

городом с развитой кустарной промышленностью. Города Ирана еще до арабского завоевания славились искусством своих ремесленников; и в то время, как селения продолжали жить натуральным хозяйством, в городах уже оборачивались деньги, товары покупались и продавались, ремесленники работали на рынок, и почти каждый город имел свою специальность, славился тем или иным изделием; такие изделия вывозились даже из города и находили сбыт в столице. Во времена Аббасидов развитию промышленности содействовала и система обложения, которая устанавливала с городов дань не только деньгами, но и товарами местной продукции. Так, города Хузистана должны были поставлять в казну халифов 30 тысяч фунтов рафинированного сахара, города Фарса 30 тысяч бутылок розовой воды, города Седжистана 30 штук полосатых шелковых материй и 2 тысячи фунтов рафинада, Джоржан давал тысячу штук шелковых материй, Табаристан и Демавенд—шестьсот ковров.

Ремесленники были об'единены в союзы, весьма сходные с европейскими цехами средневековья: они также заботились о совершенствовании своих изделий и также усиленно эксплоатировали своих учеников и подмастерий. Впрочем и сами делались жертвами вымогательств и притеснений со стороны арабских властей, правителей, начальников полиции и других, которые охотно забирали у них товары, а затем забывали платить за них, или облагали ремесленников всякими поборами, не предусмотренными законом ислама.

В Тавризе Бабек познакомился с взглядами и надеждами ремесленников-хозяев и их рабочих, встретил у них ту же ненависть к завоевателям, то же оз-

лобление против властей. Среди рабочих в мастерских было много хуремитов, а в хозяевах он видел союзников, по крайней мере на первое время, пока не будут изгнаны насильники. Тавриз закончил революционное воспитание Бабека, сделал из него убежденного врага арабской власти, туземных властителей и всех угнетателей трудящихся масс.

Когда ему минуло восемнадцать лет, он покинул Тавриз и вернулся к матери в Билалабад, чтобы помогать ей в хозяйстве. Тут случилось событие, которое открыло ему широкую дорогу, дало возможность выдвинуться и стать во главе хуремитов своей округи.

Недалеко от Билалабада, на горе Базз, стояла крепостца, владельцем которой был некий Джавизан ибн Сагрук. Судя по имени, он был перс, не перешедший в мусульманство; известно, что он был хуремитом и возглавлял местную организацию. Мы не знаем его происхождения: был ли он мелким феодалом, дехканом или вышел из крестьянской среды. Арабские писатели говорят о нем, как о разбойнике, но богатом, вечно враждовавшем с таким же, как он, соседом Абу Имраном из-за того, кто будет властвовать над окружающим населением. Враг Джавизана, судя по имени, был мусульманином, и даже арабом, так как только арабы, как мы знаем, титуловались почетными именами, начинающимися со слова «абу» (отец).

Джавизан собрал беглецов хуремитов и создал вооруженный отряд. Гористая местность, скалы и ущелья дали ему возможность не только укрывать свой отряд от преследований, но и создать на неприступной горе Базз крепость, которую историки и описывают как владение Джавизана. Вполне естественно, что Абу Имран, как араб, враждовал с Джавизаном и старался истребить его и его отряд.

Тавриз

Район деятельности Джавизана органичивался окрестными горами. Летом он делал набеги, нападал на проходившие вблизи его крепости купеческие караваны или отбивал скот местных помещиков, который на лето в этих странах выгоняется на горные пастбища. Зимой он сидел в своей крепости, либо отправлялся для реализации добычи, причем ему приходилось выбирать рынки подальше от своего места жительства, чтобы не быть узнанным.

Однажды зимой он погнал две тысячи овец на продажу в Зенджан, город, лежавший в 500 километрах от Базза. Удачно продав скот, он со своим отрядом возвращался домой. В горах Мимедского округа его застигла снежная буря. Пришлось остановиться на ночлег. Случилось это как раз вблизи Билалабада. Джавизан обратился к местному джазиру (сельскому старшине), чтобы тот указал ему дом ночлега. Старшина не посмел отказать человеку, окруженному вооруженными людьми, но решил сплавить его подальше, на окраину села.

Джавизан и его отряды были направлены к матери Бабека. Бедная вдова ничем не могла угостить прибывших: у ней самой ничего не было; она смогла только зажечь костер, чтобы гости обогрелись. Бабек тем временем присматривал за их вьючными животными. Чтобы накормить своих людей, Джавизан позвал Бабека, дал ему денег и послал в селение купить провизии. Когда тот вернулся с припасами и мать стала готовить ужин, Джавизан вступил в разговор с юношей; он был поражен его толковыми ответами, его развитием, его знакомством с местностью и, главное, его нескрываемой ненавистью к иноземным угнетателям народа и местным их приспешникам. Он понял, что Бабек не похож на рядового крестьянина, что он

может стать его деятельным помощником и в случае надобности надежным заместителем. Он пригласил его присоединиться к отряду; Бабек сослался на невозможность оставить мать.

Тогда Джавизан обратился к матери и сказал:

— Я живу на горе Базз, у меня хорошее состояние. Мне нужен твой сын и я хочу взять его с собой; я сделаю его своим управляющим. Тебе же, которая лишится из-за этого помощника, буду платить ежемесячно пятьдесят дирхем.

Вдова ответила:

— Ты, кажется, действительно, благословен имуществом, видно, что ты богат. Доверяю тебе моего сына. Бери его.

Так попал Бабек в отряд Джавизана.

На следующее утро Джавизан двинулся в путь, направляясь в свою крепость. Бабек ехал с ним. На пути в Базз они подверглись нападению со стороны Абу Имрана. Абу Имран был разбит и пал в схватке, но и Джавизан получил колотую рану, оказавшуюся смертельной. Его с трудом принесли в Базз, и через три дня он умер, оставив Бабека в качестве своего преемника.

Судьба благоприятствовала Бабеку. Отряд, предводителем которого он сделался, состоял из воинов, уже закаленных в боях при прежнем начальнике. Большею частью они были открытыми хуремитами, но среди них были и мусульмане, впрочем, как говорят мусульманские источники, исключительно из чужестранцев (т. е. из неарабов) и из отпущенных на волю рабов, следовательно, из неполноправных групп населения. Несомненно, эти мусульмане принадлежали к еретическим сектам ислама, близким по верованиям к хуремитам. Такова, например, была секта измаили-

тов, или батинитов, хотя признававших Мохаммеда как пророка и Коран как слово божье, но толковавших его сплошь аллегорически, веровавших в переселение душ и не считавшихся с обрядной стороной ислама и его бытовыми постановлениями о пище, питье, браке и т. п. Измаилитов мы встречаем в позднейшей истории халифата как самых опасных его врагов, много содействовавших его упадку и крушению.

С этим небольшим, но испытанным отрядом Бабек решил выступить открыто против халифа, не ограничиваясь той мелкой партизанской войной, которую вел Джавизан.

Территория, на которой протекало восстание, благоприятствовала повстанцам, боровшимся против регулярной армии.

Иранский Азербайджан представляет собой плоскогорье, высоко лежащее над морем и изрезанное горами, особенно высокими в восточной его части. Недалеко от тогдашнего административного центра, Ардебиля, на север от него, возвышается гора Себелан, на вершине которой лежит снег, не тающий даже летом, несмотря на жаркое южное солнце. Высота Себелана немногим менее высоты Монблана, высочайшей горы Европы, и достигает четырех тысяч метров; многие горы в окрестности доходят до двух и трех тысяч метров. Горы эти с крутыми склонами, особенно восточными, обращенными к Каспийскому морю. Даже в XX веке они покрыты густыми лесами, и движение по ним сопровождается большими опасностями; зимой и в распутицу животным приходится двигаться по скользким от сырости и грязи каменным уступам, с которых немало их каждый год сваливается в пропасть.

В описываемые времена, т. е. в начале IX века,

Развалины мечети в Тавризе

весь северный Азербайджан был покрыт густым лесом, вплоть до Армении, граничившей с ним на северо-западе.

Климат в иранском Азербайджане зимой чрезвычайно холодный. Нередки случаи, что люди замерзают в ущельях. Перевалы и горные проходы завалены снегом. Зима начинается рано, а весна наступает поздно. Лето зато очень знойное.

В центральной части, где находится теперешняя столица иранского Азербайджана — Тавриз — и когда-то, во времена Мамуна, был военный центр Марага, горы, хотя и несколько ниже, но все же являются большим препятствием для передвижения войск. Вся страна представляла собой в IX веке столько неприступных мест, которые легко было отстаивать с горстью людей против многочисленного войска, столько убежищ, где можно было укрыться или же устроить засаду, что война для регулярного войска, борющегося против местных жителей, хорошо знающих страну, являлась более чем затруднительной и во всяком случае была связана для него с крупными потерями.

Иранский Азербайджан чрезвычайно плодороден и в настоящее время является житницей Ирана. Поэтому повстанцы, местные жители, были обеспечены с'естными припасами, между тем как наступающие войска должны были привозить провиант издалека и доставлять его по трудным горным дорогам.

Не менее выгодные для восставших условия представляла собой и западная часть провинции Джебаль.

Эта провинция охватывала значительную часть Ирана, включала всю изрезанную горами, доходящими до четырех тысяч метров, область на границе Месопотамии (теперешнего королевства Ирак) и многие

города и округа центрального Ирана, как Кум, Кашан и Испагань. Положение западного Джебаля было чрезвычайно важное в стратегическом отношении. Через него вели горные проходы из Месопотамии, и немногочисленный отряд мог остановить тут целую армию, идущую из Багдада в Азербайджан.

На восток от Азербайджана, в Дейлеме и Табаристане, жили воинственные горцы, которых халифы не сумели покорить даже и после двухсот лет владычества над Ираном; трудные условия войны в горах и лесах этих провинций не давали халифам возможности прочно утвердить здесь свою власть, и они предоставляли им почти полную автономию под управлением местных феодалов (испеходов). За короткое время, когда жители этих провинций подпали под власть арабского халифа (при Мансуре), и до Мамуна, т. е. за период в шестьдесят лет, они восставали трижды — в 779, в 783—785 и в 797—798 годах. Все эти восстания носили хуремитский характер * и не оставляли сомнения, на чьей стороне будут симпатии населения Дейлема и Табаристана в случае восстания в Азербайджане.

Наконец, со стороны запада, Армения — полуавтономная под управлением своих феодалов, вечно боровшаяся против мусульман за свою независимость — не угрожала никакой опасностью, а в случае беды через нее можно было бежать за пределы халифата на территорию Римской империи.

Однако, несмотря на выгодные географические данные, несмотря на надежные кадры закаленных бойцов, открытое восстание могло казаться актом безумия, грозившим скорой гибелью крестьянству Азербайджа-

* Здесь господствовала особая ветвь хуремитов: мухаммира, по-арабски — красные.

на. При неудаче пощады нельзя было ждать; грозило поголовное истребление или обращение в рабство. А как можно было надеяться на удачу? Ведь восстание было направлено против могущественной империи, раскинувшейся на двух материках, от снежных гор Тянь-Шаня до вод Атлантического океана и песков Сахары. Повстанцам предстояло бороться против всей мощи громадного войска народа-воинов, в течение пятидесяти лет завоевавших империю, на много превышавшую все, чем владел Рим в дни его наибольшего могущества. Против плохо вооруженных, недисциплинированных крестьян одной провинции империи стояла хорошо вооруженная армия, стояли все финансовые средства халифата, выкачивавшего из своих владений по полутораста миллионов рублей золотом ежегодно (за покрытием всех текущих расходов по управлению), стояла вся денежная мощь торгового капитала Савада, стояли и иранские феодалы, опытные в военном деле и влиятельные в советах Аббасидов.

И все же, несмотря на все это, шансы Бабека были не столь безнадежны, успех был возможен.

Империя халифов к этому времени, казалось, достигла вершины своего могущества, высшего расцвета культуры. Далекий император Западной Европы посылал в Багдад пышные посольства, император Китая благосклонно принимал арабских купцов и разрешал им свободно торговать по всей стране. Индийские цари присылали дары, вечно враждебная Византия прекратила войну на малоазиатской границе. Но в этом расцвете, в этой, казалось, несокрушимой мощи таились противоречия, которые подрывали всю эту мощь, весь этот расцвет, несли разложение и упадок, который и наступил через пятьдесят лет после выступления Бабека.

Колосс на глиняных ногах

Переворот Абу Муслима, возведший на престол халифов — потомков Аббаса, дал толчок к мощному расцвету, развязал все производительные силы империи.

Столица была перенесена из Дамаска, на окраине халифата, в Багдад, город Савада, лежавший в центре халифата и расположенный на скрещении всех торговых путей Передней Азии. В угоду области Савада Аббасиды не только устроили резиденцию в самом сердце ее торговой деятельности, но и вступили на путь мирной политики, прекратили далекие походы на восток и установили дружественные отношения с Китаем, с турками и царьками Индии. Войны с исконным врагом халифата, Византией, постоянно угрожавшие судьбе империи, потеряли свое значение, превращаясь в мелкие стычки на малоазиатской границе, ввиду непрерывных внутренних смут в Византии.

В угоду иранским феодалам, сыгравшим столь важную роль при их воцарении, халифы переняли обычаи

и нравы иранских царей, окружили себя роскошью и блеском, которые не снились арабской родовой знати, окружавшей Оммайядов; самих феодалов приблизили ко двору, сделали советниками, министрами, военачальниками. Сотни миллионов, стекавшиеся из всех провинций в багдадскую казну халифов, многие миллионы от имений, разбросанных по всей империи, поступавшие к их владельцам — членам семьи халифов (доходы от имений матери халифа Гаруна составляли 170 миллионов дирхем) и высшим придворным, тратились на эту «восточную» роскошь, которая создала в Европе представление о безграничном богатстве Востока, растекались подачками и подарками в карманы придворных.

Какова была роскошь при дворе Аббасидов можно судить по тому, что на стол халифа уходило ежедневно при Мамуне 10 тысяч дирхем, драгоценные камни его сокровищницы стоили 200 миллионов дирхемов, четки одной из жен первого аббасидского халифа стоили 500 тысяч дирхемов. Безумные траты производились и придворными чинами. Сын придворного врача, христианина Габриэля, летом в страшную жару принимал гостей в толстом парчевом кафтане, поверх которого был накинут еще плащ. Когда гости выразили свое удивление, он велел откинуть ковер на стене, и гости увидели, что из соседней комнаты были проделаны в стене отверстия, из которых шел ледяной воздух; рабы веерами гнали его на своего господина: соседняя комната была набита доверху снегом, привезенным с далеких гор!

О том, какова была расточительность самих халифов, интересно проследить по некоторым фактам, сообщаемым известным арабским сборником «Китаб аль Агани».

Знаменитый в то время певец Ибн Джами случайно научился от рабыни в Мекке одной понравившейся ему песне. Затем он отправился в Багдад. В пути он истратил все, что имел, но ему повезло в Багдаде: он какими-то путями пробрался во дворец халифа и попал в большую залу, часть которой была отделена занавесью. За занавесью сидел халиф, а в зале находился известный багдадский певец Ибрагим Мауси-ли, услаждавший халифа своим пением. Ибн Джами заметил, что певец фальшивит и громко поправил его. Тогда присутствующие потребовали, чтобы он спел сам. Он исполнил лучшие свои песни, но слушатели заявили ему, что он поет песни не своего сочинения, а песни Ибн Джами. Тогда он признался, что он и есть Ибн Джами. Халиф потребовал, чтоб он спел что-нибудь новое, еще неизвестное; тогда он запел ту песню, которую слыхал в Мекке. Халифу она так понравилась, что он заставил повторить ее три раза и в награду подарил ему 300 тысяч дирхем.

Другой случай еще более поразителен. Халифу Гарун аль Рашиду (отцу Мамуна) подарили однажды рабыню исключительной красоты и необыкновенного ума. Халиф в ее честь устроил празднество, на которое созвал и всех своих певиц. Когда его первая жена, Зобеида, бывшая в то же время его троюродной сестрой и гордившаяся своим происхождением, узнала это, она страстно вознегодовала, что он предпочитает ей какую-то рабыню. Она излила свое горе Олайе, сестре Гаруна, которая была известна умением сочинять песни и их исполнять. Олайя тут же сочинила песню, которую немедленно разучили рабыни Зобеиды; Зобеида с Олайей и рабынями (их была тысяча), разодетыми в самые роскошные одежды, ворвались в зал, где пировал Гарун, и спели ему новую песню. Он

пришел в такой восторг, что тут же велел все деньги, бывшие в ту минуту в казне, принести и осыпать ими певиц. А денег в казне оказалось шесть миллионов дирхем.

Когда Мамун женился на Буран, дочери правителя Савада, иранца Хасана ибн Сагль, отец невесты устроил свадебное пиршество, продолжавшееся сорок дней: кормились как гости, так и прислуга их, а одних гребцов на лодках, привезших гостей, было несколько тысяч. Во время самой свадьбы присутствовавших женщин осыпали крупным жемчугом, а за парадным обедом гостям раздавали лоскутки бумаги, на которых было написано название имения или имя раба, которых хозяин дарил гостям. Но Мамун не остался в долгу. Он с излишком возместил тестю все понесенные им расходы, подарив ему годовой доход государства с провинций Фарс и Ахваз. А доход этот составлял 47 миллионов дирхем. И все эти миллионы, весь этот золотой поток шел в карманы купцов Багдада, Басры и других городов Савада, питая торговый капитал и придавая его оборотам громадный размах. Корабли, груженные произведениями Аравии, Ирака, Ахваза и других частей халифата, шли в Индию, где во многих прибрежных городах основались богатые мусульманские колонии. Оттуда плыли на Малакку, на Зондские острова, в Индо-Китай, в портовые города Южного Китая. Обратным рейсом они привозили в столицу ценные грузы: шелковые ткани из Китая, пряности и олово с Зондских островов, перец из южной Индии, ценные породы строевого леса из Индо-Китая, кокосовые орехи с Малединских островов, драгоценные камни и жемчуг с Цейлона.

Сухим путем шли караваны из Индии вдоль берега Персидского залива, из Китая через степи Средней

Багдад

Азии, через горы Ирана, и все в Багдад. Сюда же привозили благовония, ладан, фимиам из южной Аравии. Тековое дерево для построек Савада, лишенного лесов, слоновая кость, черные рабы привозились морем из Абиссинии, из Занзибара. Из далекой Европы через Александрию или сирийские порты поступали шерстяные материи из Фландрии, оружие из Германии и Италии, строевой лес, особенно корабельный, и, главное, рабы, которых добрые христиане—итальянцы — покупали на римском рынке и перепродавали «неверным».

Предприимчивые арабы пускались в далекие северные страны для продажи товаров своей страны и закупки мехов и других ценных заморских продуктов, а также рабов. Мы видим их на Волге в царстве хазар и болгар, мы встречаем их на берегах Балтийского моря, в городах Германии и южной Франции.

Великолепные богослужебные одеяния пап, епископов и аббатов богатых монастырей Италии и других государств Европы были плодом кропотливого труда ремесленников Египта, Багдада, Ирана.

Пряности, перец, гвоздика, корица, шафран, мускатный орех, потребляемые в большом количестве богатыми феодалами Европы, попадали туда с Дальнего Востока, проходя через руки купцов Багдада, Басры и других городов Савада.

Богатства, которые наживались ими, были очень велики. Купцы, обладавшие состоянием в несколько миллионов дирхем, не были редкостью.

Не только торговля широко развернулась, мощный толчок получила и промышленность.

В те времена, конечно, не было фабрик и заводов, но в городах процветали ремесла. Многие иранские города еще в старину, до арабского завоевания, сла-

вились искусными ремесленниками в различных отраслях промышленности. Некоторые отрасли были созданы арабами. Однако отличительной чертой этой промышленности была работа на двор, на знать, выработка предметов роскоши. Деревня продолжала жить натуральным хозяйством и потреблять собственную продукцию. В городах классовое расслоение было очень резкое, были богатые зажиточные купцы, хозяева мастерских, и была беднота, перебивавшаяся со дня на день, которой было не до покупки промышленных товаров, кроме крайне необходимых.

Одной из наиболее видных отраслей промышленности в империи была стекольная. Арабы застали ее в цветущем виде в Сирии и ввели ее с успехом в Багдаде; выделывали эмалированное стекло, стеклянную посуду с инкрустацией из золота и серебра, литое стекло, из стекла делали фальшивый жемчуг. В Багдаде же выделывались великолепные лампы для мечетей, украшенные надписями, большей частью белые с голубой орнаментацией. Многие вазы были украшены выжженными на них фигурами. Вазы изготовлялись самых разнообразных форм.

Из железа выделывались изделия в самой Аравии, но главным центром производства был Иран, особенно южные его провинции, Керман и Фарс, где металлическая промышленность процветала до прихода арабов. Славились также железные изделия из Ферганы. Специальной отраслью железоделательной промышленности Аравии, а также Савада, была выделка оружия и панцырей. Особенно искусно выделывали панцыри и кольчуги, золоченые, покрытые шелковой материей, позолоченные шлемы и боевые палицы. Из стали выделывались зеркала, так как искусства выделывать их из стекла еще не знали.

Особенно процветала текстильная индустрия; сырьем служили хлопок, который возделывался в Саваде и южном Иране, шерсть, которую давали стада племен, кочевавших в Аравии, в Сирии, в степях Ирана и Средней Азии, а также в горах Табаристана, шелк из прикаспийских провинций, лен из Египта. Выделывались главным образом дорогие, тонкие ткани. Почти каждый город имел свою специальность. Один выделывал парчевые одежды, другой — прозрачные газовые материи, третий — атлас или бархат.

Все эти драгоценные ткани потреблялись в громадном количестве двором халифа, и не только для одежд его семьи и его челяди, численность которой доходила до многих тысяч, но особенно на подарки. Известно, что на Востоке и до сих пор существует обычай одаривать людей, которых хотят почтить, халатами и кафтанами. Этот обычай был уже в полном ходу при Аббасидах, и такие почетные одежды из парчи, из атласа и других дорогих тканей они раздавали во множестве в дни больших праздников, особенно в праздник нового года.

Дорогие материи шли не только на одежды, но и на обивку стен дворцов и на палатки; полы и тахты покрывались коврами, часто шелковыми. Ковровое производство было старинной отраслью промышленности в Иране, а усиленный спрос для двора и придворных в Багдаде довели его до высокой степени совершенства.

На высоком уровне стояло и ювелирное искусство, обработка драгоценных металлов. По моде того времени женщины носили золотые обручи на щиколотках, кольца на пальцах ног и тяжелые браслеты на руках и на шее.

Промышленность работала на роскошь двора и

придворных. Торговля велась предметами роскоши для того же двора. Все миллионные доходы государства и высокопоставленных лиц уходили на эту роскошь. На производительные цели не тратилось ничего. Только первые Аббасиды — Мансур и сын его Махди — произвели некоторые затраты на улучшение искусственного орошения в Саваде, запущенного во время гражданской войны, низвергшей Оммайядов, но ведь Савад был самой драгоценной жемчужиной в их короне: из 400 миллионов дирхем дохода государства он приносил около ста. Другие провинции ничего не получали, из них только выкачивали ежегодно миллионы и ничего им за это не возвращали.

И потому весь расцвет торговли и промышленности, лишенных широкой потребительской базы, был призрачен, мог держаться только, пока растущие нищета и разорение провинций не иссушат золотого потока, пока провинции будут платить. А между тем уже во время расцвета халифата показывались грозные предвестники того, что золотой поток иссякает, что скоро провинции перестанут платить.

Если сравнить доходы государства во времена Мамуна с доходами его предшественников, видно ослабление платежеспособности населения. Если до Мамуна (775—786 гг.) весь доход составлял 411 миллионов дирхем, то при нем он спустился до 372 миллионов.

Необходимо отметить, что некоторые провинции уже вовсе перестали платить. Таковы были на крайнем западе провинции Ифрикия (северная Африка), на востоке Синд, т. е. завоеванная арабами северо-западная часть Индии.

Если падение доходов большинства провинций свидетельствует об ослаблении платежеспособности насе-

ления, о росте нищеты и разорения, то прекращение поступлений с этих далеких окраин указывает на прямое ослабление мощи халифата: Ифрикия была отдана Гаруном в управление ибн Аглабу и закреплена за его потомством. Аглабисты номинально признавали верховную власть халифов: поминали их на пятничном богослужении и чеканили их имена на монетах, но во всем остальном были вполне независимы и при Мамуне никакой дани не присылали в Багдад, а халиф не имел достаточно силы, чтобы заставить их платить.

В Синде управление провинцией было захвачено эмирами, которые совершенно не считались с правлением халифа, не испрашивали даже у него утверждения в должности, а опирались исключительно на своих приверженцев. И тут халифы были бессильны заставить их подчиняться центральному правительству.

Северо-восточная окраина — Хорасан с входящим в него Мавераннахром и некоторыми собственно иранскими провинциями — была в дни Мамуна накануне полного отпадения от халифата; управление этими провинциями Мамун поручил своему лучшему генералу Тагиру ибн Хусейн. Вступив в должность, Тагир на первом же пятничном богослужении опустил поминание халифа, другими словами, об'явил себя независимым от него. Только внезапная смерть Тагира сохранила для халифата эти обширнейшие провинции. Преемники Тагира, его сыновья, которые были связаны с Багдадом крупными интересами, предпочли остаться в подчинении халифа и прислали ему договоренную дань; в остальном они правили областью совершенно самостоятельно: не испрашивая указаний из центра и не считаясь с его приказами.

Это отпадение окраин и все нараставшее бессилие

Странствующие торговцы

халифата, не могущего держать в повиновении правителей провинций, было следствием падения военной мощи государства.

Арабы, когда покоряли Иран, имели чисто национальное войско, состоявшее из всех способных носить оружие мусульман; каждое племя выставляло то количество воинов, которое требовал халиф для того или другого похода. Кроме того были отдельные отряды добровольцев, шедшие в поход по собственному желанию, движимые религиозными побуждениями, а чаще жаждой добычи или славы. Вся движимость побежденного врага, за вычетом одной пятой, шедшей в казну, поступала в добычу, подлежавшую разделу между победителями. Земли побежденных становились собственностью казны, и доходы с них делились между всеми мусульманами.

Второй халиф, фактический основатель государства, Омар, установил порядок распределения этих доходов: пенсии у него выплачивались по известной скале, больше всего получали ближайшие родственники Мохаммеда, его вдовы, сподвижники его, участвовавшие в первых его боях, затем его сподвижники вообще, затем воины и, наконец, даже женщины, рабы-мусульмане, дети. Зато воины, выступившие в поход, должны были иметь собственное военное снаряжение. Добровольцам же, в случае их бедности, оказывалось пособие из особого фонда. Мало-помалу размеры пенсий изменялись; вдовы и сподвижники пророка умерли и были вычеркнуты из списков. Расходы на двор, на управление государством все росли и тем самым сокращали пенсионный фонд, который превратился в фонд жалованья всем способным носить оружие мусульманам, обязанным за то являться на военную службу по первому требованию.

При Оммайядах презрение арабов к покоренным, недоверие к их преданности исламу приводили к тому, что новообращенные иранцы устранялись от военной службы, пенсии им не выплачивались, а новообращенные сельчане возвращались обратно в их села, с выжженным клеймом на руке, где значилось наименование селения, чтобы они не могли впредь из него уходить. Войско снова сделалось чисто арабским. Арабские гарнизоны были размещены в важнейших городах покоренных провинций, как то: в Басре — у впадения Евфрата в залив, в Куфе — несколько выше по течению Евфрата; в Египте такой же лагерь был основан у развалин древнего Вавилона. Поселенные там воины жили в этих лагерях со своими семействами и, пока их не требовали в поход, занимались мирными делами, главным образом торговлей; капиталы у них были большие, благодаря громадной добыче, которая им досталась во время их походов. Военные лагери вскоре обратились в большие людные города с цветущей торговлей и промышленностью, Басра и Куфа стали центрами для всего Савада, лагерь при Вавилоне обратился в столицу Египта — Фостат, ныне именуемый Каиром.

По мере того, как росли торговля и промышленность в этих городах, жившие в нем арабы все более привыкали к мирной жизни, воинские подвиги теряли свой интерес, и они всеми силами старались уклониться от участия в походах. При Оммаядах дело доходило до открытого отказа от явки к набору, и железному правителю Савада, Хаджаджу, пришлось установить смертную казнь за неявку. Только такие драконовские меры давали возможность набрать достаточное количество воинов для задуманного похода.

До нас дошло стихотворение того времени, напи-

санное Аша Хамданом, жителем Куфы, ярко характеризующее отношение к военному делу арабов, поглощенных мирными занятиями, и вскрывающее причины их отвращения к нему:

Скажите мне, два моих спутника,
Далеко ли отсюда жилище девушки, о которой я думаю?
В Куфе живет она, и родина ее на Евфрате,
Там живет она то в городе, то в пустыне,
А ты, несчастный, маршируй в Мокран,
Где ничего не наживешь: ни добычи, ни торговли.
Сердце мое с той поры полно тревоги,
Как я подумаю, что одни там страдают
От голода, а другие живут в нищете.
Что нас там ждет—или быть пронзенными
Стрелами или зарезанными ножом!
Никогда не стремился я пойти в ту сторону,
Всего для жизни довольно у меня дома.
Не по моей воле меня туда посылают,
Страшна жестокость властителя:
Меч уже был извлечен из ножен,
И выбора не было.
А слух меж тем идет,
Что переплыть должны мы море,
Какого никто не пересекал,
В Синд должны плыть, а в стране своей
Индейцы злы, как шайтаны,
А ведь до нас
Никому из героев из племени Ад
Или Гамиар в голову не приходило
На те страны итти войной.

Так оплакивал свою судьбу потомок арабов, завоевавших полмира, горевал, что его призывают еще новые завоевания.

Нечего и говорить, что при Аббасидах все эти купцы и промышленники, ставшие миллионерами, решительно уклонялись от военного набора, уклонялись по всем провинциям, где арабы-колонисты предались мирным занятиям. Набирать из них войско станови-

лось все труднее и труднее, да и воины из них выходили плохие.

Сохранили свою боеспособность только арабы, размещенные на малоазиатской границе с Византией. Развитие торговли было там невозможно; постоянно происходили пограничные столкновения, часто переходившие в набеги на соседние вражеские города. Тут воины получали повышенную плату, и всегда представлялась возможность заработать на грабеже византийских городов и селений.

Аббасиды, взошедшие на престол и победившие Оммайядов при помощи иранских масс, естественно, стали искать свою опору в войсках, набранных из народа, приведшего их к власти. Иранцам, обратившимся в ислам, они открывают широкий доступ в войска. Иранцы делаются военачальниками, иранцы, уроженцы Хорасана, составляют приближенную гвардию халифов. Но преданность хорасанцев халифату была более чем сомнительной. Они в свое время пошли под знамена Абу Муслима вовсе не из любви к дому Аббаса или дому Али, а из желания свергнуть ненавистное иго арабов. Разочарование, постигшее их, когда они увидели, что все осталось попрежнему, что платить приходится еще больше, чем прежде, не могло усилить их преданности престолу. Недавно обратившиеся в мусульманство, не из убеждения, а из-за материальных выгод, они сохранили тесную связь со своими соплеменниками и в душе сочувствовали им, когда те восставали. Если хорасанские отряды халифа и были пригодны для подавления бунтов арабов, египтян, то для борьбы с иранскими мятежниками они были бесполезны.

Военная мощь халифата была на ущербе: арабы, жившие в городах, упорно уклонялось от набора в

войска, арабская родовая знать, возглавлявшая племена арабов Сирии и Аравии, относилась к халифам враждебно: слишком она пострадала в дни Абу Муслима. Иранцы были ненадежны в случае борьбы с «внутренним врагом», с восстаниями иранских крестьян.

Недолго продолжался и союз буржуазии Савада с иранскими феодалами, служивший опорой престола Аббасидов. Слишком расходились их интересы. При той гипертрофии торговли предметами роскоши, при работе промышленности преимущественно на двор халифа интересы буржуазии Савада вполне удовлетворялись нахождением резиденции халифа в пределах Савада; для феодалов же, проживавших в большинстве в восточных провинциях Ирана, интерес сосредоточивался на перенесении столицы поближе к ним, в один из больших древних городов Хорасана — Мерв или Нишапур. Близость двора сулила им участие в золотом дожде, который не орошал их карманы, пока халифы жили в Багдаде.

Правда, иранские феодалы теперь занимали высокие посты, были визирями, придворными чинами, правителями провинций; но все они прекрасно чувствовали, что они держатся лишь милостью халифа, что их влияние не имеет прочной базы в арабском Багдаде: другое дело, если бы халиф жил среди них, был в их руках Слишком памятна им была гибель «векиля (доверенного) дома Гашима» Абу Муслима, которого халиф Мансур, обязанный ему троном, завлек клятвами и обещаниями во дворец и велел убить, опасаясь его популярности. На глазах у всех еще была гибель рода Бармекидов, потомков верховного мобеда, которые были влиятельнейшими министрами при Мансуре и Махди, а при Гаруне, который предавался

только весельью и государственными делами не занимался, они вершили самовластно все дела. Один из Бармекидов, Яхья, был любимцем халифа, непременным участником его пирушек и забав. И в один прекрасный день по каким-то подозрениям, без всякого внешнего повода, Яхья был казнен, отец его и другие члены семьи были брошены в тюрьму, их имения конфискованы, потомки их обращены в нищих.

Какими милостями ни осыпали их халифы, иранцы, устроившиеся при дворе, чувствовали себя все же чужими в Багдаде; они ненавидели арабов и мечтали о том, чтобы изгнать их из Ирана и восстановить те времена, когда они были полными хозяевами в государстве.

Реакционные идеалы феодалов не могли быть в согласии с стремлениями буржуазии Савада и в других отношениях. Буржуазии нужна была мирная политика, безопасность торговли с иностранными государствами, уверенность, что сынов ее не возьмут в поход. Феодалы же рассчитывали на войны, которые сулили им командные посты в войсках, славу и добычу, а в случае завоевания новых территорий — земельные угодья.

Чем больше денег налоговый пресс выкачивал из провинций, тем больше нищали крестьяне, тем меньше оставалось на долю феодалов, между тем как рост доходов казны, создавая безумную роскошь двора, шел на пользу буржуазии Багдада и других городов Савада, поставлявшей предметы роскоши.

К началу IX века империю халифов охватило глубокое брожение. Не было области, не было класса, за исключением буржуазии Багдада и городов Савада, которые были бы довольны, которые не жаждали бы перемен.

На далекой западной окраине, в Мавритании и Ифрикии, барбары-кочевники стонали под игом арабов и терпели от них всяческие притеснения. В Египте канты—туземные земледельцы—были задавлены повинностями и барщиной. Недоволен был и торговый класс Александрии, преимущественно арабского происхождения. Его стремления сводились к тому, чтобы Александрия стала центром мировой торговли, чтобы индийские, китайские и малайские товары приходили к ним непосредственно с Дальнего Востока морским путем через Индийский океан и Красное море, а между тем Багдад, сам потреблявший, благодаря роскоши двора, громадные количества этих товаров, являлся главным притягательным центром для дальневосточной торговли, и товары шли уже из Багдада к берегам Средиземного моря и оттуда в Европу. В Аравии земледельцы Медины, предки которых создали арабское государство, пользовавшееся при первых халифах львиной долей из доходов халифата, теперь прозябали, забытые Аббасидами, получая лишь скудные подачки. Кочевые племена Неджда были также недовольны: наиболее активная часть их, завоевавшая богатейшие провинции Римской империи и все Иранское государство, ушла из Аравии, колонизовала завоеванные страны. Оставшиеся продолжали, как и до ислама, бродить по степям Аравии, ведя желкую полуголодную жизнь кочевников. Сирия, бывшая при Оммайядах центром халифата, куда стекались все доходы государства, с сожалением вспоминала о прошлом. Тут все классы были враждебны Багдаду, начиная с земледельцев, которые прежде выгодно сбывали свою продукцию в столицу, Дамаск, и в другие расцветшие при Оммайядах сирийские города. В Иране нищало крестьянство под двойным гнетом арабского государ-

Кочевники

ства и своих крупных и мелких феодалов. А феодалы мечтали о низвержении арабского господства, о восстановлении древнеиранского царства. В городах Ирана был многочисленный класс искусных ремесленников, произведения которых не находили сбыта из-за обнищания страны.

И все это недовольство неустанно подогревалось, раздувалось пропагандой потомков Али.

Али сделался правителем после убийства халифа Отмана, происходившего из рода Оммайядов, представителя интересов арабской родовой знати, щедро раздававшего ей и государственные деньги, и государственные земли. Али, напротив, опирался на крестьянство Медины и на новообращенных мусульман из покоренных народов, отбирал у арабских главарей розданные Отманом земли, окружал себя выходцами из низших классов. После его убийства престол опять перешел к Оммайядам и начались гонения на детей и внуков Али. Когда в Иране началось движение против арабской знати и их ставленников — Оммайядов, Алиды принимали в ней участие рука об руку с Аббасидами: ведь официальным лозунгом восстания было восстановление в правах на престол рода Мохаммеда, а они были ближе к мединскому пророку, чем Аббасы. Али был женат на дочери Мохаммеда, а следовательно, Алиды были прямыми потомками пророка, что давало уверенность, что халифами станут члены их рода. В этой борьбе за престол Алиды вынуждены были уступить место Аббасидам, так как материальные средства их были скудны. Сам Аббас, дядя Мохаммеда, был ростовщиком и оставил большое состояние, которое приумножили его дети, особенно один из его сыновей, — правитель Басры. Во времена Али он бежал в Мекку, захватив и всю кассу сво-

ей провинции: много миллионов дирхемов. Его потомки продолжали заботиться об увеличении своего богатства, и это богатство дало им возможность победить в состязании за престол Алидов, не сумевших накопить состояния, по большой части оставшихся бедняками. Аббасиды завладели престолом, а Алиды начали бороться против них, как прежде боролись против Оммайядов.

Потомки Али-Сеиды

Потомство Али к началу IX века чрезвычайно размножилось, они рассеялись по всем областям империи, породнились с туземным населением, среди них встречались представители самых разнообразных классов, от нищих до землевладельцев, но большинство оставалось бедняками, особенно те, которые жи-

ли в Медине. Глухое брожение, которое происходило повсеместно в халифате перед воцарением Мамуна и развивалось во всех классах империи, было использовано Алидами.

В каждой области, внутри каждого класса области были свои Алиды, и их, прямых потомков пророка, с неоспоримыми правами на престол, недовольные избирали предводителями. В Аравии крестьянская беднота подняла в 762 году восстание и одного из потомков Али сделала халифом; одновременно брат его пробрался в Басру и поднял там городскую бедноту. Халиф Мансур с трудом подавил восстание и в Медине и в Басре и казнил многих Алидов. По сведениям историков, в Багдадском дворце была комната, в которой, как в музее, были собраны десятки голов потомков Мохаммеда. Однако одному из них удалось бежать из Медины; он пробрался на крайний запад, в Мавританию, где восставшие берберы сделали его своим вождем, и он стал главой самостоятельного государства, оторвавшегося от халифата.

У Алидов, живших в Иране, были связи с феодалами. Ремесленники иранских городов, особенно арабизированных, как Кум, Кашнар, имели своих Алидов, на которых возлагали надежды в борьбе за улучшение своей доли. Везде, где были недовольные, Алиды олицетворяли чаяния обиженных и угнетенных, везде шла широкая пропаганда в их пользу.

Пред лицом всех этих классовых и национальных противоречий, пред лицом ослабленной военной мощи халифата, пред лицом неустанной подпольной пропаганды, могущество халифата становилось призрачным. Халифат был несомненно колоссом, но колоссом на глиняных ногах.

После смерти Гаруна эти противоречия обостри-

лись настолько, что вызвали междоусобную войну из-за престола между детьми Гаруна, совершенно парализовавшую силы империи. Эта война дала Бабеку возможность не только поднять мятеж, но и укрепить свои позиции, зажечь пожар восстания по всему Азербайджану, не встречая нигде серьезного противодействия.

Впрочем и после прекращения междоусобной войны претендентов на престол, когда прочно и окончательно воцарился Мамун, обстановка благоприятствовала Бабеку. Халиф и по обстоятельствам времени и по своему окружению не был в состоянии дать энергичный отпор азербайджанскому восстанию. Свои силы ему приходилось затрачивать в других частях халифата.

Мамун

Умирая, халиф Гарун завещал престол Эмину, сыну от своей главной жены Зобеиды; управление же всеми восточными провинциями халифата поручил другому своему сыну, Мамуну, происходившему от матери персиянки. К нему же после смерти Эмина должен был перейти престол. Резиденция Мамуна была в главном городе Хорасана—в Мерве, окруженном владениями иранских феодалов.

Эмин искал себе опору в арабской и обарабившейся буржуазии городов Багдада и Савада; на Мамуна возлагали все свои чаяния иранские феодалы. Противоречия между этими двумя классами привели и не могли не привести сыновей Гаруна к открытому столкновению, к гражданской войне.

Эмин об'явил, в нарушение завещания своего отца, своим наследником сына, отстраняя этим от престолонаследия своего брата Мамуна. Мамун прекратил сношения с центром, перестал чеканить на монетах имя брата и начал повсюду, вплоть до Багдада, поднимать против него народ.

Эмин выслал против непокорного брата войска. Дружины, набранные среди арабов Савада, не желали итти в поход, который не сулил богатой добычи и отрывал их от мирных занятий. Жалкие остатки этих войск были разгромлены около Рея иранскими отрядами Мамуна, руководимыми иранцем же, командующим войсками Тагиром ибн Хусейн. Мамун овладел всей страной до границ Савада. В войсках нового набора, посланных Эмином, вспыхнули раздоры между арабскими и хорасанскими частями. Кончилось тем, что и те и другие бросили лагерь и вернулись самовольно в Багдад (конец 811 года).

Эмин решил привлечь более надежные войска из Сирии. Они были чисто арабскими, были более воинственны, чем багдадские купцы. Но главный контингент их составляли племена, главари которых сильнее всего пострадали при Абу Муслиме, и их преданность Аббасидам была более чем сомнительна. К тому же в это время среди них разгорелись междуплеменные раздоры, почти не прекращавшиеся среди арабских кочевников. Сирийцы не дали почти ничего. Небольшой отряд их, не доходя до Багдада, соединился с хорасанской гвардией халифа, но тут же между обеими национальностями возникли кровавые конфликты, и разгорелся настоящий бой; сирийцы круто повернули и пошли назад в Сирию. Хорасанская гвардия, распропагандированная агентами Мамуна, взбунтовалась, и мятеж был подавлен лишь с большим трудом.

Войска же Мамуна подходили все ближе и ближе к столице: подходили они с двух сторон, изолируя доступ к ней с запада и с востока.

Багдад оказался отрезанным от западных провинций, войска требовали денег. Эмину пришлось об-

ложить буржуазию, и этим он лишился последней опоры. Все же около полутора лет он еще держался за крепкими стенами столицы, а в последнее время за стенами дворца. Наконец голод заставил его покинуть дворец и отплыть на лодке к главнокомандующему войсками Мамуна, арабу Гартама, старому слуге Аббасидов, надеясь на пощаду с его стороны. По дороге его лодку перехватили воины Тагира, командовавшего осадными отрядами, и по приказу последнего ему отрубили голову (сентябрь 813 г.).

Мамун вышел победителем из борьбы и поспешил прежде всего выполнить желания феодалов. Он не переехал в Багдад, а остался в Мерве. Визарем его был перешедший в ислам иранец Фадл ибн Сахл; теперь брат его Хасан был назначен правителем Савада и всех западных провинций.

Недовольством населения Аравии и Басры, подогреваемым иранофильской политикой Мамуна, не замедлили воспользоваться Алиды: им удалось поднять восстание, охватившее всю Аравию, Савад и Хузистан и тянувшееся с начала 815 до середины 816 года, когда его удалось подавить.

Мамун продолжал угождать иранским феодалам. Преданный династии, но враждебный иранцам, главнокомандующий Гартама был посажен в тюрьму под самым пустым предлогом; там он и умер, по официальной версии, «естественной смертью». Иранец Тагир стал главнокомандующим.

Чтоб положить предел алидской пропаганде, Мамун решил сделать Алидам важную уступку, которая, как он рассчитывал, должна была укрепить симпатии к нему иранских феодалов, а также арабских колонистов в иранских городах, где сильны были настроения в пользу потомков Али. Он назначил своим преем-

Базар в Багдаде

ником Али ибн Муса ар Рида—одного из наиболее популярных среди иранцев потомков Али, отстранив таким образом от престола Аббасидов, и заменил черное знамя зеленым — цветом Алидов.

Если эта мера и стяжала Мамуну популярность среди высших слоев Ирана, то она вызвала бурю негодования среди торгового класса и ремесленников Багдада. Буржуазии Савада стало ясно, что ее гегемонии грозит конец, что резиденция двора останется в далеком Хорасане, где вот уже четыре года после своего воцарения сидел Мамун, что с ее интересами не будут считаться. Поднялся мятеж. Мамун был об'явлен низложенным, и халифом Багдад избрал его дядю Ибрагима ибн Махди (817). Мятеж шел под лозунгом: «Не хотим огнепоклонника, сына огнепоклонницы».

Савад был самой доходной провинцией халифата. Западные провинции давали тоже крупный доход, а на их добровольное подчинение Ирану едва ли можно было рассчитывать. Мамун понял, что его иранофильская политика лишит его лучших, доходнейших областей. Он круто изменил курс. Назначенный им преемник, Али ар Рида, которого он женил на своей дочери, внезапно умер, поевши винограду, присланного ему «любящим» тестем. Любимец Мамуна, его министр и правая рука, Фадл ибн Сахл, был убит какими-то злоумышленниками, среди которых фигурировал и главный конюший двора Мамуна. Правитель Савада—Хасан—был признан сумасшедшим. Мамун двинулся из Хорасана в Багдад, об'явив о перенесении туда своей резиденции. Эти события изменили настроения багдадской буржуазии: пребывание двора халифа в Багдаде означало закрепление за местными купцами и ремесленниками главных потребите-

лей их производства — дворцовой знати и чиновников, а вместе с тем открывалась возможность непосредственного влияния на политическое поведение халифа. Багдадцы свергли Ибрагима и признали Мамуна халифом. Мамун в'ехал в свою верную столицу, расположился во дворце отцов, и черный цвет вновь сделался государственным цветом. Это было в августе 819 года, когда восстание Бабека уже было в полном разгаре.

На событиях, сопровождавших воцарение и первые годы царствования Мамуна, пришлось остановиться подробно, так как они еще более ярко обрисовывают все те противоречия, которые раздирали халифат, подтачивали его силы и давали возможность восстанию, поднятому Бабеком, распространяться и вширь и вглубь, охватить без помех две громадные провинции. Воцарение Мамуна проходило в обстановке резкого классового столкновения высших слоев арабского халифата. Этим и об'ясняется, что выступление Бабека не было подавлено в самом зародыше. А в дальнейшем пламя крестьянского восстания разгорелось с такой яркостью, что потребовало напряжения всех сил государства, чтобы справиться с ним и потушить его.

Мамун стал полновластным правителем громадной территории халифата. Иранец по происхождению со стороны матери, воспитанный, как все принцы того времени, в гареме матери, в ее иранском окружении, с ранней молодости живший в Хорасане, среди иранского населения, он, несомненно, по всем своим вкусам и симпатиям был иранцем.

Но события первых лет его царствования показали ему наглядно, что арабская буржуазия Савада представляет собою не малую силу, с которой волей-нево-

лей придется считаться, и Мамуну во все время своего царствования (813—833) приходилось, искусно подражая политике своего прадеда Мансура, лавировать между классовыми и национальными запросами и стремлениями иранской феодальной аристократии и арабской буржуазии Савада. Когда нужно было, он делал уступки буржуазии, когда можно было, он всякими мерами старался привлечь симпатии высших слоев иранского населения.

Немедленно по в'езде в Багдад он уменьшил оброк с крестьян Савада на 20% (вместо половины урожая—две пятых), что несколько облегчило положение крестьян, повысило их покупную способность и дало возможность буржуазии расширить свои торговые обороты.

С иностранными государствами он вел определенно мирную политику. Прекращены были всякие набеги и завоевания по ту сторону Сыр-Дарьи. Мир с турками и китайцами обеспечил развитие торговых сношений по караванному пути с Дальнего Востока через Бухару к Багдаду и Черному морю. Завоевания в сторону Индии были также прекращены и даже прежде завоеванная провинция Синд была оставлена на произвол судьбы, чтобы избегнуть вооруженных столкновений с эмирами, ставшими независимыми.

С исконным врагом ислама, Византией, прочного мира, правда, не было, но с начала халифата Мамуна наступило фактическое перемирие, которое было нарушено лишь в последние годы его царствования, и то не по воле халифа, а византийцами.

На крайнем западе северо-африканская провинция, по-арабски—Ифрикия, находившаяся под управлением эмиров из рода Ибн Аглаба, была фактически не-

зависима, дани не присылала, но номинально признавала верховную власть халифа. Мамун не трогал Аглабидов и не делал усилий подчинить их и получить с них дань.

Делая, таким образом, существенные уступки миролюбию буржуазии Савада и содействуя развитию торговли, Мамун считал все-таки своей главной опорой высшие слои иранского населения, которые, обладая более древней и высокой культурой, были более пригодны для участия в управлении государством, чем арабы, едва вышедшие из дикого состояния. Привлекая иранскую аристократию к занятию государственных постов, он удерживал в повиновении всю восточную половину своего государства. Для иранцев открылся широкий доступ в администрацию и управление. Требовалось только, чтобы они исповедывали мусульманскую религию. Главные советники Мамуна и министры его были иранцы по происхождению. Не следует заключать из этого, что Мамун был тем, что мы назвали бы теперь иранским националистом; известно его изречение: «Сословие об'единяет всех его членов: благородный араб ближе к благородному иранцу, чем к простому арабу, а благородный иранец ближе к благородному арабу, чем к простому иранцу, ибо благородные образуют особое сословие, а простые другое».

Иранцы оказались более способными к наукам и искусствам. Быстро овладев всеми тонкостями арабского языка, который был единственным государственным языком и языком высшего общества, иранцы стали не только писать научные произведения на арабском языке, но и состязаться с арабами на поприще арабской поэзии. Больше того, именно они создали научную арабскую грамматику, и арабы сте-

кались со всех концов халифата в Басру, Куфу и Багдад учиться своему родному языку у бывших еще недавно в таком презрении иранцев. Иранцы же стали переводить на арабский язык литературу Ирана и Индии. Немного ранее Мамуна знаменитый знаток арабского языка иранец Ибн эль Мокаффа передал индийские сказки «Калила и Димна» и древнеиранские предания, собранные в книгу «Шахнамэ», которая позднее дала материал великому Фирдоуси для его бессмертного произведения, носящего тоже имя «Шахнамэ». Сирийцы познакомили арабов с греческой наукой и философией, сделав массу переводов с греческого на арабский; переводились книги по астрономии, математике, медицине, естественным наукам, переведены были и важнейшие сочинения Аристотеля, легшие в основание всей арабской философии. Иранцы дали перевод из индийских научных сочинений.

Мамун ревностно поддерживал это культурное движение и оказывал народившейся мусульманской интеллигенции, в основном иранского происхождения, существенную материальную поддержку. Он даже учредил в Багдаде «Дом науки», при нем громадную библиотеку и обсерваторию для наблюдений за небесными светилами. Этот «Дом науки» стал вскоре средоточием для ученых, усердно работавших над ознакомлением с чужестранными сочинениями и над дальнейшим развитием наук.

Потоки научных знаний, хлынувшие в мир ислама, сильно подорвали влияние религии в высших классах, и самые разнообразные вероучения, подчас весьма далекие от ислама, овладели умами. Зародившаяся еще раньше в Басре мусульманская секта мотазилитов сделала громадные успехи, и сам Мамун, верховный имам, высший истолкователь мусульманского

учения, примкнул к ней и не только примкнул, но стал силой насаждать учение этой секты среди правоверных. Секта эта имела несколько рационалистический характер, отбрасывала грубый антропоморфизм правоверного ислама, отрицала несотворенность священной книги мусульман, Корана, признавала за

Арабский лагерь под Багдадом

человеком свободу воли, свободу выбора им своих поступков. Это учение несомненно шло в разрез с категорическим учением корана, по которому бог создает людей, уже заранее предопределив их поступки на земле и последствия этих поступков после смерти в виде наград и наказаний в потустороннем мире.

Принципы мотазилитской секты, сочувственно воспринятые верхушкой багдадской буржуазии, внедря-

лись Мамуном со всей энергией деспотической власти.

Непокорных, в том числе знаменитого и крайне популярного в массах Ахмеда ибн Ханбала, он потребовал выслать из Багдада и отправить в лагерь на византийской границе, где он командовал войсками.

Насильственные мероприятия халифа возбудили против него большое озлобление среди мелкой буржуазии и низов населения Багдада, фанатически преданных Ахмеду ибн Ханбалу и его единомышленникам, стоявшим за старое правоверие, и в столице происходили довольно серьезные волнения. Мамун терял всякую популярность среди арабских масс Савада.

Одновременно он всячески стремился удовлетворить стремления и той части иранской аристократии и интеллигенции, которая внешне исповедывала ислам, но придерживалась втайне старых иранских верований. Особенно терпимо он относился к манихеям, приверженцам одной из сект иранской религии, основанной некиим Мани, соединившим зороастрово учение с заимствованиями из христианской и буддистской религий.

Манихеев, или, как арабы их называли, зиндиков, до Мамуна жестоко преследовали. Мусульмане утверждали, что зиндики отрицают существование бога, историчность пророков, что по их учению «мир всегда был и будет, как был, что люди рождаются и умирают, как трава, выходящая ежегодно из земли, высыхающая и падающая, никто не знает откуда она, ни куда исчезает». Для истинного мусульманина неверие в Аллаха, возвещенного пророком Мохаммедом, равносильно неверию в бога вообще. Быть может, и были зиндики—атеисты, но большинство их было только неверующими в ислам, хотя они и прикрывались его

плащем; втайне зиндики придерживались манихейства и, где могли это делать безнаказанно, издевались над обрядами ислама и старались подорвать веру в Аллаха у правоверных. Они нашептывали, что Мохаммед был только мудрым человеком, который сумел создать свою религию, что коран—продукт его природного красноречия, что если появится другой человек, красноречивей его, он тоже сможет создать такую религию. Когда видели собрание молящихся, говорили: «Вот верблюды стали гуськом», а про падавших ниц при молитве говорили: «Они показывают богу задницу». Когда попадали в Мекку и наблюдали за церемонией обхода верующими Каабы, спрашивали: «Что ищете вы в этом доме?» Когда в день жертвоприношений резали верблюдов и баранов, говорили: «Какое преступление совершили эти бедные животные, что проливают их кровь?» А когда происходила церемония бега между Сафой и Мервой, восклицали: «Разве эти люди что-нибудь украли, что они так бегут?»

Так рисуют зиндиков мусульманские источники.

Первые аббасидские халифы при всей своей благосклонности к иранцам не могли терпеть таких учений, опасных как по высокому общественному положению лиц, его исповедовавших, так и по тайне, которая окружала их обряды. Кроме того приходилось считаться и с. настроением фанатической массы мусульманского населения Багдада. Было даже создано специальное учреждение, нечто вроде инквизиции для борьбы с зиндиками.

Во время халифа Махди учение зиндиков широко распространилось; они сплотили могущественную организацию и собирались захватить открыто власть, восстановить то могущество, которым облада-

ла иранская знать до арабского завоевания. Заговор был раскрыт, многие были казнены, и с тех пор на зиндиков стали смотреть не только как на безбожников, но и как на государственных преступников.

Преемник Махди, Гади, истребил многих зиндиков, почти всех из высших классов, отличавшихся талантами, красноречием, поэтическим даром или государственной мудростью. После этих гонений зиндикизм ушел в глубокое подполье, и только при Мамуне он снова выступил почти открыто. Зиндикизм стал модной верой, быть зиндиком считалось хорошим тоном в высшем обществе Багдада.

Инквизиционный аппарат бездействовал; ведь иранская знать считалась главной опорой престола.

Зиндикизм был идеологией реакционного класса иранских феодалов и потомков иранского духовенства, мечтавших о восстановлении древнего феодального царства Сассанидов. Терпимость Мамуна к зиндикам возмущала арабскую часть населения, хотя Мамун, несмотря на все свои симпатии к иранцам, к их обычаям и нравам, шел в ногу с буржуазией Савада, содействовал развитию торговли, промышленности и наук. Ловко лавируя в этом сложном сплетении классовых и национальных интересов, он все же вступал в резкие противоречия с стремлениями и чаяниями иранской знати. И все же Мамун только на эту знать и надеялся; он хорошо понимал, что высшая буржуазия Савада, для которой он столько сделал, никаких лояльных чувств к нему не питала, что она пойдет за тем, кто ей посулит наибольшие материальные выгоды. Арабские же массы доказали ему свою явную вражду.

Между тем иранская знать отнюдь не была предана халифам. Она домогалась восстановления староиранских порядков, невозможных при арабских ха-

лифах, при заселении половины халифата арабами. Ей надо было царя-самодержца, но такого, который являлся бы целиком их ставленником; они хотели, как гласит немецкая поговорка: «Den König absolut, wenn er unseren Willen tut» (самодержавного короля, при условии, что он будет исполнять нашу волю). И среди них тайно распространялись мысли о свержении Аббасидов, об изгнании арабов, о восстановлении независимости Ирана под управлением туземного царя. По своим классовым интересам феодалы более всех должны были быть противниками Бабека и восставших крестьян. Между тем мы видим обратное: они благосклонно относятся к восставшим, саботируют, сколько возможно, мероприятия халифа против Бабека. Дело в том, что они рассчитывали на мятежников, как на ту материальную силу, которая должна помочь им свергнуть арабов, надеясь в дальнейшем овладеть движением, взять его под свое руководство и ввести его в нужное им русло. Пример восстания Абу Муслима, в котором крестьянство Ирана вынесло все тяготы борьбы на пользу феодалам, был у них перед глазами. Во всей борьбе Бабека с халифатом приходится наблюдать их участие, их интриги и тайное влияние.

И если в первые годы своего царствования Мамун не мог выступить с достаточными силами против Бабека, вследствие борьбы с конкурентами на престол халифов, то и позднее, когда власть его упрочилась, его внимание отвлекалось от далекого и малодоходного Азербайджана, почти не прекращавшимися в его царствование восстаниями, возникавшими то в Египте — одной из самых доходных провинций халифата, — то в Аравии, где находились священные города ислама.

Путь победы

Итак, обстоятельства благоприятствовали Бабеку. Занятый междоусобной войной, халиф не мог в первые годы царствования отвлечь свои силы для усмирения мятежа, и восстание разрасталось без помех.

Бабеку прежде всего необходимо было разделаться с арабами, жившими в городах Азербайджана и стоявшими гарнизонами в крепостях, разбросанных по области. Завладев Азербайджаном, он должен был устремиться на завоевание западной части области Джебаль, где его ждали, как освободителя, местные крестьяне и где хуремиты составляли значительную часть населения. Захват этой части Джебаля имел для Бабека громадное значение: в его руки попадали проходы, дающие доступ в Иран с запада; благодаря этому затруднялось вступление войск халифа в мятежные области, прерывалось кроме того сообщение Багдада с богатым Хорасаном. В северо-западной части Джебаля и западной Азербайджана жили курды-кочевники. За исключением главарей, шейхов, они были бедны, как все кочевники Передней Азии; небольь-

шие стада их часто погибали от эпидемий. Арабы неуклонно взимали установленный законом налог со скота, и вечно голодные курды были чрезвычайно склонны добывать свое пропитание набегами на богатые города соседней провинции Джезиры — Мосул и другие. Бабек надеялся их поднять и отвлечь внимание халифа от далекого Азербайджана, раз опасность будет грозить из Джезиры — провинции, непосредственно прилегающей с севера к самому Саваду.

Не меньше надежд мог он питать и по отношению к горцам Табаристана и Дейлема, которых с таким трудом покорили халифы. Горы давали жителям этих провинций лишь самое скудное пропитание, здесь было сильно распространено хуремитское течение, и из горцев, привычных к суровой жизни, выходили прекрасные воины.

В союзе с ними Бабек мог рассчитывать на победу над арабами Казвина и Рея, на захват непрочно занятых путей в Хорасан, проходивших у самого подножья Табаристанских гор. Хорасан, где еще жива была память об Абу Муслиме и Моканне, несомненно присоединился бы к восстанию, и тогда об'единенными силами почти всего Ирана можно было бы двинуться на сердце халифата — Багдад.

На ближайший период, период борьбы за Азербайджан и западный Джебаль, не было основания опасаться серьезного сопротивления: арабы были разбросаны и немногочисленны; крупных феодалов не было, кроме властителя Караджа и Борджа — Абу Долафа с его арабскими колонистами. Часть дехканов, потерявшая свои владения, едва ли стала бы сопротивляться, скорее сама пошла бы под знамена Бабека.

Кроме всего этого был серьезный расчет на отвлечение сил халифата со стороны Византии. С самого

момента завоевания арабами Сирии война ислама против Византийской империи почти не прекращалась; перерывы имели место лишь во время внутренних смут и мятежей, вспыхивавших то в том, то в другом государстве. При Аббасидах эти войны, правда, потеряли свою напряженность и перешли в пограничные схватки и периодические набеги то арабов, то византийцев. От Средиземного моря до гор Армении протянулась линия с одной стороны арабских, с другой— византийских укреплений, где были поселены колонисты, обязанные охранять границы, за что им были предоставлены земли. Император Константин V Копроним воспользовался междоусобной войной в халифате, кончившейся свержением Оммайядов, и продвинул границу империи далеко на юг; но когда Аббасиды упрочились на престоле, им удалось вернуть потерянные города, благодаря смутам в Византии, возникшим в связи с борьбой Константина против монахов и икон.

После этого военные действия ограничивались летними набегами со стороны того или другого государства. Иногда походы были удачны для арабов, проникших в 798 году даже до Эфеса, иногда успех был на стороне Византии. Наступающей стороной чаще всего были арабы.

Но как раз в год воцарения Мамуна престол Византии захватил один из лучших римских полководцев, Лев V Армянин, и можно было ожидать энергичных действий со стороны Византии против халифов.

Надежды на византийцев, по крайней мере в первые годы деятельности Бабека, не оправдались. Льву V пришлось выдержать осаду Константинополя со стороны болгар, а после заключения с ними мира вся его энергия была направлена на восстановление раз-

рушенных болгарами городов и на борьбу с монахами. После же его свержения, при императоре Михаиле II Косноязычном, все силы империи были отвлечены борьбой с мятежом Фомы, который поднял почти всю Малую Азию; мятеж был исключительно опасный и являлся не только очередным выступле-

Гамадан

нием военачальника во главе своего войска в надежде захватить престол; в этом восстании, как говорят источники, «рабы поднялись на своих господ», византийское крестьянство против помещиков.

Сам халиф Мамун в первое десятилетие своего царствования в угоду буржуазии Савада не предпринимал походов против Византии, и это дало ей широкие возможности развивать торговлю с Западом, однако восстание Фомы он тайно поддерживал, вступив с

ним в соглашение и обязавшись помочь ему, за что должен был получить некоторые пограничные территории Византии. Крушение восстания в 823 году и гибель Фомы не дали Мамуну времени активно вмешаться в борьбу.

В течение двадцати лет Бабек шел от успеха к успеху. Он поднял восстание по всему Азербайджану; арабы были везде вырезаны, крепости взяты штурмом и затем сравнены с землей. Дехканы перешли на сторону Бабека. Лишь город Марага, вторая столица Азербайджана, где было много арабов и куда укрылись все мусульмане округа, отказался подчиниться ему и сумел отбить все атаки хуремитов. Он так и продержался до падения Бабека. Бабек, закрепив за собой Азербайджан, двинулся дальше к столице западного Джебаля, поднимая везде сельское население против угнетателей, и в 829 году завладел столицей Джебаля — Гамаданом, прервав сообщение Савада с восточным Ираном. Так торговый путь между Багдадом и богатыми областями Хорасана был перерезан.

Восстание Бабека шло победоносно: армии халифа не могли с ним справиться, но крестьянство соседних провинций Ирана, даже хуремитских Дейлема и Табаристана, оставалось спокойным, не присоединялось к движению азербайджанцев, не оказывало им поддержки. Причины этого спокойствия крестьянства, соседнего с Азербайджаном, были те же, что и в многочисленных крестьянских восстаниях в средневековой Европе. Про эти причины Энгельс сказал: «Как ни тяжел был гнет, под которым приходилось стонать крестьянам, толкнуть их на восстание было все-таки очень трудно. Их раздробленность чрезвычайно затрудняла возможность общего соглашения. Долгая привычка к подчинению, переходившая от поколения к

поколению; отвычка во многих местностях от употребления оружия; то усиливающаяся, то ослабевающая, в зависимости от личности господина, жестокость эксплоатации, — все это содействовало тому, чтобы крестьяне оставались спокойными. Поэтому в средние века мы встречаемся с большим количеством местных восстаний крестьян, но, — по крайней мере, в Германии,—мы до крестьянской войны не находим ни одного общенационального крестьянского восстания».*

В дальнейшем это грозило гибелью всему движению. В то время, однако, еще ничто не омрачало радужных надежд Бабека и его приверженцев.

Восстание разрасталось и начало угрожать судьбе халифата. Мамун посылал против Бабека свои войска, но они терпели поражение. Пять раз он посылал войска против Бабека, и пять раз войска халифа обращались в позорное бегство.

Мамун понял серьезную опасность хуремитского движения лишь тогда, когда оно уже охватило две большие области и оторвало их от халифата; он напряг все силы, и было снаряжено большое войско. Правителем Азербайджана и Армении назначен был опытный военачальник Мохаммед ибн Хумеид из арабского племени Тайи, ему же на время борьбы с Бабеком был подчинен и Джебаль. Приказано было явиться всем арабам, способным носить оружие, из Азербайджана, Джебаля и от арабских племен Модар, Рабиа и иеменитских племен, давно поселившихся в Джезире (Месопотамия). Кроме того кликнут был клич для созыва добровольцев из Басры, Геджаса, Омана, Бахрейна, Фарса и Ахваза, другими словами, со всей Аравии и южного Ирана.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 126, Ф. Энгельс. «Крестьянская война в Германии».

Под давлением этих сил Бабек был вынужден отступить в родные горы, что соответствовало, впрочем, его тактике. Его необученные и недисциплинированные воины не были в состоянии сражаться с таким огромным войском правительства в открытом поле. Он отступил к своей неприступной крепости Базз.

Мохаммед ибн Хумеид, перед тем прославившийся успешным подавлением восстания в Мосуле, двинулся вслед за ним и расположил свое войско в долине недалеко от Базза. Бабек, пользуясь знанием местности, отделил часть своих отборных воинов и поместил их в засаду за ближними горами. Сам же выступил с главными силами из крепости и стал против халифских войск. Завязался бой; Бабек сидел на скале у входа в долину, откуда видел всю картину битвы; в самый разгар боя он подал сигнал отряду, сидевшему в засаде; тот бросился на тыл Мохаммеда; это привело в полное смятение арабов; главнокомандующий Мохаммед ибн Хумеид пал в бою, армия его обратилась в бегство, и большая часть ее была перебита.

Велико было потрясение в Багдаде, когда пришла весть о разгроме армии Мохаммеда ибн Хумеида; велика была тревога во дворце халифа. В первых боях, из которых Бабек вышел победителем, разгромлены были войска, набранные из местных жителей — арабов или иранцев, лишенных военного опыта, привычных к мирным занятиям, быть может разными узами родства, деловых сношений, дружбы связанных с восставшими. Теперь же погибла армия из арабов Джезиры, опытных в военном деле, привычных к суровой жизни и борьбе с византийцами, из арабов-добровольцев Геджаза, Омана, Бахрейна, Басры, из очагов ислама пришедших защищать свою веру и свое государство от восставших неверных. А другой

Базар в Гамадане

армии у халифа не было. Невозможно было отозвать войска из пограничной с Византией полосы и оголить фронт против исконного врага ислама; столь же невозможно было призвать войско из Хорасана, где оно охраняло границы от турецких племен, только и ждавших случая, чтобы вторгнуться в пределы империи халифов. Эти же войска охраняли страну от набегов диких горцев в областях теперешнего Афганистана. Посылать против Бабека иранцев представлялось рискованным предприятием ввиду племенных симпатий и возможной измены. Можно было пуститься на этот риск лишь в том случае, если бы можно было поручить ведение войны природному иранцу, заслужившему доверие и популярному в народе. Такой вождь может набрать охотников и составить новое войско.

Мамун пошел по этому пути: выбор его остановился на Абдалле ибн Тагир, который был в то время губернатором Багдада и Ирака. Абдалла был сыном того Тагира, который командовал войсками Мамуна во время осады Багдада при Эмине. В награду за взятие Багдада Мамун назначил Тагира правителем Хорасана и всего Востока. В его область входил не только Хорасан, но и Табаристан, Сеистан, Афганистан, Мавераннахр. Тагир, основавшись в Хорасане, рассчитывая на свою громадную популярность, решил сделаться независимым, отделиться от халифата, и во время пятничного богослужения в соборной мечети опустил поминание халифа *.

Еще весть об этом не успела дойти до Мамуна, как Тагир скоропостижно умер. Халиф, понимая, что создавать себе врагов из популярнейшего во всем Иране дома Тагира будет неразумно, не только не лишил

* Это поминание являлось подтверждением верности правителей провинций главе государства.

своей милости детей Тагира, но области, управлявшиеся их отцом, отдал в управление одному из его сыновей — Талхе, другого — Абдаллу — оставил губернатором в Багдаде. Сыновья не пошли по стопам отца и блюли верность халифу.

И теперь халиф обратился к Абдалле ибн Тагир, рассчитывая, что популярность Тагиридов в Иране и их иранское происхождение устранят опасность измены со стороны войск, набранных в Иране и может даже перетянуть часть приверженцев Бабека на сторону Абдаллы.

Он назначил Абдаллу правителем Азербайджана и Джебаля и поручил ему усмирение хуремитов.

Абдалле мало улыбалась война с Бабеком. Борьба представлялась трудной, войска были ненадежны, топографические условия неблагоприятны; победа над крестьянами не сулила ни лавров, ни прибыли. Наконец, могла быть подорвана популярность Тагиридов среди населения Ирана. И Абдалла, не посмевший отказаться от новой должности, стал затягивать приготовления под предлогом пополнения войска, заготовки провианта и т. п. Так тянулось почти целый год. Тем временем умер брат Абдаллы, Талха, правивший Хорасаном; провинция была трудная, только популярный среди иранского населения дом Тагира мог справиться с задачей держать в повиновении разнородные элементы области, отражать набеги турок, подавлять мятежи горцев, и Мамун послал своего главного кади, Яхья ибн Актам, в лагерь Абдаллы предложить ему на выбор — остаться правителем Азербайджана и Джебаля или получить назначение на место брата в Хорасан. Абдалла с радостью согласился на последнее и немедленно уехал в Мерв, бросив лагерь и все приготовления к походу.

Пока Мамун обдумывал, кого назначить на место Абдаллы, случилось событие, которое изменило все положение. Умер в Византии император Михаил II Косноязычный, и на престол Римской империи вступил сын его Феофил. Смуты внутри империи были успокоены, болгарская опасность, чуть не приведшая империю к гибели при прежних императорах, миновала, и с болгарами был заключен прочный мир. Феофил, жаждавший воинских подвигов, двинулся с войсками к сирийским границам халифата, возобновляя борьбу с исламом, борьбу, приостановившуюся в течение последних двадцати лет.

Военные силы халифата, подорванные прошлогодним разгромом, были далеко не достаточны, чтобы справиться с такими двумя врагами, как Византия и Бабек. Из них Византия представлялась Мамуну более грозной и опасной. Расправу с Бабеком пришлось отложить, и все силы были двинуты против Феофила. Сам Мамун отправился к сирийской границе и стал во главе войска.

Война шла с переменным успехом в течение 830—831 годов; наконец, войскам Мамуна удалось завладеть византийской пограничной крепостью Лулуа, вблизи Тарса, а также Тианой (в 833 г.).

Вскоре после этого халиф Мамун умер, и его преемник Мохаммед эль Мотасим билляхи (находящий в боге свою защиту), поспешил заключить мир: укрепления Таины были срыты, и войска распущены по домам. Сам Мотасим вернулся в столицу.

На все время войны с Византией Бабек был оставлен в покое и мог спокойно закреплять свои завоевания.

Мелкие крепости сдавались ему без большого труда: либо под влиянием голода, либо вследствие изме-

Курды

ны. Но о прочные укрепления Мараги, в которую сбежались арабы всего округа, разбились все его усилия. У него не было осадных орудий тогс времени, заменявших современные пушки, и стены, даже глинобитные, были неприступны для восставших крестьян.

Взятые им укрепления подвергались уничтожению, гарнизоны предавались смерти. Истреблялись также все арабы, поселившиеся в городах, и арабы-помещики, управители и агенты членов халифской семьи, заведывавшие их имениями, агенты правительства. Истреблялись и феодалы, оказавшие Бабеку сопротивление. Что касается до дехканов, то сопротивлявшиеся были уничтожены, но большинство покорилось Бабеку, по крайней мере внешне; многие, как мы знаем, ему сочувствовали из побуждений национальных или из ненависти к завоевателям арабам.

Арабские писатели уверяют, что за двадцать лет своего господства Бабек истребил до 255 тысяч человек (некоторые даже называют цифру 500 тысяч). Эти цифры явно преувеличены: столько людей арабского происхождения, если даже к ним прибавить всех дехканов, едва ли вообще было налицо в Азербайджане и Джебале. Более правдоподобна цифра мирных жителей, уведенных в плен, исчисляемая в 10 тысяч человек.

Взята была громадная добыча из всех замков и дворцов; она была свезена в Базз, где широко тратилась на нужды восставших. Не говоря о снабжении воинов оружием, припасами и прочим, много уходило на развлечения мятежников. Если верить арабским писателям, в лагере Бабека слышались каждую ночь звуки флейт и мандолин, раздавались веселые песни, они звучали даже в вечера после сражений.

Военная обстановка, в которой все время находился Бабек, конечно, не давала возможности правильной организации нового строя. Несомненно, впрочем, что женщины были освобождены, гаремные запоры сломаны, покрывала сняты с женских лиц; женщины могли проводить время в обществе мужчин и выходили замуж свободно, по своей воле, без всяких обрядов.

Что касается земельного вопроса, то ни в одном источнике мы не находим даже намека на конкретные меры, которые принимал бы Бабек к обобществлению земли или хотя бы к управлению в землепользовании. Как было уже раньше указано, большинство земель в восставших провинциях принадлежало казне или родственникам халифа; были немногие крупные помещики арабского или иранского происхождения, были дехканы, но вся земля была в пользовании у крестьян, так как помещики не вели собственного хозяйства. Поэтому, когда в результате восстаний Бабека, землевладельцы были так или иначе устранены, и земля освободилась от платежей и оброков, крестьянин оказался владельцем всей земли, которую он обрабатывал и стал собирать весь урожай с нее в свою пользу. Налогов с земли Бабеку брать не приходилось, так как у него скопился большой фонд из имущества, конфискованного им у арабов и сопротивлявшихся дехканов. О дальнейшем расширении площади землепользования едва ли могла итти речь. В Азербайджане, вблизи Армении, было еще много нерасчищенных земель, много лесов; было еще много земель, требовавших «оживления», т. е. устройства сети оросительных каналов. Крестьянству не под силу было поднять все эти земли, так как оно не было настолько многочисленно, а главное — у него не было достаточно живого инвентаря: завоевания, всегда со-

провождавшиеся ограблением, отнятием именно скота в качестве добычи, воинские постои, требовавшие принудительной и даровой поставки военным с'естных припасов; наконец, вымогательства и притеснения агентов власти и самих помещиков не оставили почти никакого скота у крестьян. Скот же, отнятый ими теперь у врагов, шел на корм войску и едва ли мог быть обращен на нужды сельского хозяйства.

Но все же каждый крестьянин остался на той земле, которую он раньше обрабатывал. Главное зло, от которого он страдал, — бремя платежей и вымогательств — было снято с него: при высокой урожайности страны крестьянину открывался путь к лучшей жизни.

Крестьянство Азербайджана, глубоко невежественное и придавленное тысячелетним угнетением, крепко держалось еще своих древних суеверий, мистических верований в переселение душ, в возможность воплощения божества, нисходящего в мир, чтобы осчастливить людской род, принести благополучие обездоленным и угнетенным, устроить рай на земле. Счастье, все время сопутствующее Бабеку, освобождение крестьян от оброков и повинностей, избавление от вымогательств, чинившихся сборщиками податей, вселяло в них уверенность не только в то, что в Бабека вошел дух Джавизана, но и в то, что в нем воплотилось божество. Они поклонялись ему, как богу, сошедшему на землю.

Сам Бабек был тоже крестьянином, едва ли грамотным. Он выделился своим природным умом и одаренностью, он не менее других крестьян был в плену древних суеверий, и поклонение крестьян, постоянные удачи не оставляли в нем сомнения, что он и ть давно жданный посланец бога на земле. Это

сознание вселяло в него веру в свою непобедимость, в то, что все должно ему удаваться. Вспоминались древние пророчества о царе Ширвине, вспоминались предсмертные слова Джавизана, что именно ему, Бабеку, суждено совершать дела, каких никто не совершал: возвеличить обиженных, низвести власть имущих. Эта уверенность, это самомнение затуманивало бывшее у него до того ясное сознание соотношения сил, отчетливое понимание целей и средств борьбы. Войска халифа, которые он разбивал одно за другим, перестали ему казаться страшными, они ему внушали только презрение, в его глазах это был только «сброд торгашей». Пренебрегая испытанной тактикой партизанской войны, которая приносила ему победу, он соглашается итти на бой в открытом поле с недисциплинированным, плохо вооруженным крестьянством против обученной, снабженной всеми видами оружия армии халифа.

По отношению к своим приверженцам он становится высокомерным, он уже не первый между равными, он бог и царь, они не смеют садиться в его присутствии.

Недооценка сил халифата была несомненно грубой ошибкой Бабека и как раз изменение его тактики, отступление от правильной осторожности совпало с моментом, когда с переменой правителя в Багдаде наступила и перемена в организации мусульманской армии.

Перелом

На престол халифов после смерти Мамуна вступил родной брат его Мотасим. Воспитанный в военных лагерях, чуждый придворной изнеженности, нередко покидавший роскошный стол дворца для прогулки за город, в селения, — он был суровым, грубым и деспотичным правителем, но с громадной энергией и выдержкой. В гражданское управление он мало вмешивался, предоставляя ведение дел своим визирям. В общем он опирался на финансовую и торговую аристократию, на верхушку буржуазии Савада, в религиозных вопросах поддерживал ее идеологию — ересь мотазилитов, и преследовал вместе с своим любимцем, главным кади, Ахмедом ибн Дуадоле, правоверных мусульман. Лидера их, популярного среди мелкой буржуазии Багдада, законоведа Ахмеда ибн Ханбала, он подверг телесному наказанию за то, что тот не хотел отказаться от догмы о божественном происхождении Корана. Главное, если не исключительное внимание Мотасима было обращено на реорганизацию военного дела.

Границы государства были в достаточной степени обеспечены. Ряд укреплений вдоль границы Византийской империи от Средиземного моря до Евфрата с поселенными там военными колонистами делали византийскую опасность ничтожной. Ту же роль в отношении турецких кочевников среднеазиатских степей играли могучие реки — Аму-Дарья и Сыр-Дарья (Джихон и Сихон по-тогдашнему). Главная опасность грозила халифату на внутреннем фронте. То были, во-первых, бесконечные крестьянские восстания, подрывавшие финансовую мощь империи, и, во-вторых, стремления правителей, особенно в отдаленных областях, на окраинах, стать независимыми, отделиться от халифата.

Против восстаний существовавшая организация войска была, как мы видели, совершенно непригодна. Во время опасного восстания в Египте, когда копты и местные арабы-земледельцы соединились против власти, восстание с перерывами тянулось с 812 по 832 год. Мотасим лично участвовал в усмирении его и убедился в непригодности местных арабских войск. Вскоре по вступлении на престол халифов он вычеркнул всех арабов Египта из списков жалованья, другими словами, освободил их от воинской повинности и упразднил этим все арабское войско провинции.

Войска, набранные из иранцев, даже хорасанская гвардия халифа, были не более пригодны. У них не было преданности царствующему дому. Неудачи с Бабеком показали, что против восстания в Иране они драться, как следует, не будут.

Был только один выход — реорганизовать совершенно основания, на которых совершался набор воинов, и изыскать новый человеческий материал, более пригодный для войны, чем арабы и иранцы. Таким

материалом могли служить жившие по соседству с восточной окраиной халифата турки, а в западной части его — берберы. Оба племени жили в суровых условиях. Турки, кочевавшие в бескрайных степях Средней Азии, привыкли переносить и зимнюю стужу и снежные бураны, а часто и голод, когда от засухи и бескормицы погибал скот. Берберы жили в горах северной Африки, на окраине великой пустыни Сахары, были закалены в борьбе с дикими животными и с грозными явлениями природы, песчаными ураганами— самумом, страшным зноем, долгими переходами по безводным степям. И те и другие были прирожденными воинами, непрерывно сражались с соседними кочевниками, защищали свои стада от хищников, изобиловавших на их пастбищах, львов, пантер, гиен в Африке, волков и медведей в турецкой стране.

Частые стычки с пограничными турецкими племенами поставляли Ирану большое количество пленников. Не мало рабов давала и северная Африка, где частые бунты берберов приводили к военным экзекуциям и обращению в рабство мятежников. Еще при Мансуре встречаются отпущенные на волю турецкие рабы на военных должностях: один из них занимал такой важный пост, как пост коменданта Гамадана. Много было турецких рабов и у халифов.

Рабство в мусульманских странах не было той тяжкой формой эксплоатации труда, какой она была на Западе, в Риме, или в недавние времена в Америке. За небольшими исключениями, это было домашнее рабство, не эксплоатация производственного труда, не насильственное выжимание прибавочной стоимости, а пользование услугами в домашнем обиходе за хорошую пищу и одежду. В богатых домах (а особенно при дворе халифа) бесчисленная челядь, у которой

никакого дела не было, своим количеством, своими парадными одеждами и великолепным видом должна была свидетельствовать о богатстве и расточительности

Курды (всадники)

хозяина. Конечно, были рабы и другого рода, в больших количествах поступавшие из Африки (Занзибара), которых применяли к тяжелым работам в нездоровых

местностях, например в низовьях Тигра и Евфрата. Там условия жизни рабов были ужасны и служили поводом к страшным восстаниям.

Сельское хозяйство в большей части халифата, раскинувшегося в той полосе, где осадков чрезвычайно мало и климат тропический, можно было вести только при условии искусственного орошения, и основой его служили ценные культуры жаркого пояса; финиковая пальма, хлопок, оливковое дерево, кунжут и другие. А искусственное орошение и ценные культуры требовали от земледельца, при тогдашних самых примитивных орудиях, чрезвычайно интенсивного труда, которого рабы не могли дать. Поэтому, даже в древние времена, даже во времена Римской империи, хозяйство которой было основано на рабском труде, в восточных провинциях Рима земледелие находилось в руках крестьян, правда, зависимых от помещиков или государства, прикрепленных к земле, но лично свободных, обрабатывающих каждый свой участок и лишь отдающих собственнику долю своей продукции.

То же было и в арабском государстве. Рабский труд применялся только в горном промысле, требующем совместной работы многих лиц, особенно в добыче селитры в болотистых низовьях Тигра и Евфрата, убийственный климат которых могли выдержать только африканские негры, покупавшиеся для этого в Занзибаре.

Закон ислама вообще относился к рабам весьма мягко, он их рассматривал не по-римски, как рабочий скот, а все же как людей. Как известно, законодательной книгой у мусульман является коран. Заключающиеся в нем законы изложены в общих выражениях и касаются быта почти патриархального общества; для сложных общественных отношений, царствовавших в

эпоху Мамуна, они были мало пригодны и требовали пояснений и толкований. И вот в помощь корану явился второй источник мусульманского права, сунна, собрание хадисов — преданий — о том, как в том или ином конкретном случае поступал Мохаммед или первые халифы. Не подлежит сомнению, что некоторые хадисы могли дойти от времен Мохаммеда, были подлинными; несомненно тоже и то, что большая часть хадисов была сочинена мусульманскими богословами для подкрепления их собственных суждений непререкаемым авторитетом Мохаммеда. Но подлинные или неподлинные, хадисы были признаны законом всем мусульманским обществом IX века и являлись выражением правосознания населения того времени.

И вот хадисы гласят, что Мохаммед говорил: «Рабы — братья ваши, это слуги, которых бог поставил под вашу власть; имеющий в своей власти брата своего должен давать ему есть то же, чем он сам питается, и одевать его, как самого себя. Не возлагайте на него работы сверх сил, и если это случится, то помогайте ему».

«Никто да не говорит: раб мой или моя рабыня, но пусть говорит: мой слуга, моя служанка, мой мальчик». «Когда раб приносит еду, если хозяин не посадит его, то пусть даст ему кусок или два, ибо раб трудился над изготовлением пищи».

Отпускать рабов на волю не только рекомендуется, как богоугодное дело, но возлагается во многих случаях, как искупление вины (например, за нарушение поста, неисполнение предписаний о молитве).

Хадис гласит: «Если раб письменно попросит вас освободить его, — освобождайте, если он платежеспособен. Дайте ему нечто от благ, которые даровал вам бог. Не принуждайте рабынь ваших к проституции».

Детям внушалось под страхом наказания обращаться к рабам почтительно, а отнюдь не приказывать и не оскорблять их.

При таком положении домашних рабов вполне понятно, что халифы могли рассчитывать на преданность своих турецких рабов больше, чем на преданность подданных арабского и иранского происхождения. Турецкие рабы, обращенные в воинов, в гвардию халифа, получали прекрасное содержание; по сравнению с подданными пользовались привилегированным положением и могли быть уверенными, что рано или поздно получат свободу. При удаче они могли пройти быстро все иерархические ступени в гвардии халифа, занимать высшие придворные должности, наживать несметные богатства.

Мотасим начал покупать турецких и берберийских рабов в большом количестве. Цена турецкого раба, конечно, колебалась в зависимости от его здоровья и физической силы, но в среднем составляла 600 дирхемов. При громадных доходах халифа у него была возможность скупать рабов тысячами, и действительно он создал из них армию в 70 тысяч человек.

При преемниках Мотасима турки заполняют весь командный состав и весь высший придворный штат, и все они были вольноотпущенниками халифов или их рабами.

Организация войска из турецких рабов таила в себе противоречия, которые ускорили в конце века крушение халифата, но уже при Мотасиме сказались некоторые недостатки новой системы. Грубые, незнакомые с цивилизацией, привычные к грабежам и набегам, сыны степей и гор, попав в центр высокой культуры, каким был Багдад того времени, они обращались с населением его, как с покоренным. Имущество и честь

Нижнее течение Тигра

горожан ни на минуту не были обеспечены от их насилия. Нечего и говорить, что их обращение с населением провинций во время походов было еще хуже, а потворство, которое оказывал двор их бесчинствам, создало сильное отчуждение от династии со стороны как раз тех слоев населения, которые составляли до сих пор опору Аббасидов — буржуазии Багдада и других городов Савада.

Недовольство граждан Багдада заставило Мотасима удалить из города рабские войска, но, не желая оставаться там без своей охраны, он решил перенести отсюда и свою резиденцию. Уже отец его, Гарун, искал подходящее место для перевода дворца из Багдада, где население было склонно к бурным выражениям своего недовольства.

В таком громадном городе, каким был в то время Багдад, где находился двор, где были сосредоточены все богатства и вся роскошь халифата, сосредоточилось и значительное количество люмпен-пролетариата: людей, лишенных определенной профессии и постоянного местожительства. То были иранские помещики, потерявшие имения в результате арабского завоевания; крестьяне, перешедшие в мусульманство и ушедшие из сел в города, где не нашли себе занятий; разорившиеся мелкие ремесленники и купцы; преступники, вышедшие или бежавшие из тюрем. Эти элементы играли видную роль во время всяческих волнений, происходивших в Багдаде, и могли стать опасными для правителя.

Местом для своей резиденции Мотасим выбрал небольшое местечко на 100 километров выше Багдада, по Тигру, — Самарру, которая была по этому случаю переименована в Сурраменра («радуется, кто видит»). Туда он перевел и рабское войско и этим самым поставил себя в полную зависимость от этого войска,

всецело вручив ему судьбу всей династии. Результат сказался скоро после смерти Мотасима: за одно десятилетие (861—870 гг.) сменилось в Самарре шесть халифов, из которых только два умерли собственной смертью.

Какие бы ни были дальнейшие последствия новой организации войска, в царствование Мотасима она сразу дала хорошие результаты в смысле усиления военной мощи халифата и сыграла решающую роль в борьбе халифата с Бабеком.

Усмирение крестьянского восстания в Азербайджане стояло перед Мотасимом первоочередной задачей. Не только две провинции были оторваны от халифата и в них создано крестьянское царство, — был отрезан путь в Хорасан, и доходы этой богатейшей провинции не могли поступать в Багдад. Кроме того, Бабек двинул в Хорасан уже войско с целью поднять и там восстание. Халифату грозил полный развал.

Произведен был новый набор войск из всех западных областей империи, но к этим войскам были присоединены новосозданные отряды из турецких рабов. В первых же столкновениях с новыми войсками выяснилось, насколько Бабек стал пренебрегать элементарной осторожностью. Горные проходы, открывающие доступ в Джебаль со стороны Месопотамии, не были им укреплены, в них не было поставлено необходимых гарнизонов. Войска халифа прошли эти проходы, не встретив сопротивления, и подступили к Гамадану. И опять Бабек забыл свою осторожность и отклонился от своей испытанной тактики: он принял бой под Гамаданом, рассчитывая, повидимому, на численный перевес своего войска. Сражение в открытом поле, как и следовало ожидать, окончилось полным разгромом плохо вооруженных, не имеющих конницы повстанцев.

Пятьдесят тысяч крестьян полегло на поле битвы. Остальные обратились в паническое бегство и рассеялись, преследуемые мусульманами. Часть их бежала через Армению в пределы Римской империи; сам Бабек спасся в родные горы, куда вскоре ему удалось стянуть беглецов и восстановить свои войска.

Путь в Азербайджан для правительственных войск был открыт. Халиф приказал командующему Абу Саид Мохаммеду ибн Юсуф двинуться со всеми силами к Ардебилю, восстановить по дороге все крепости, разрушенные Бабеком, оставив в них достаточные гарнизоны, и окружить, насколько возможно, Ардебиль и его окрестности, дабы прервать подвоз зерна и прочих припасов для войска Бабека. Однако для окончательной победы Мотасим счел эти силы недостаточными; он принял меры, чтобы собрать свежие пополнения, а управление Азербайджаном, Арменией, Арраном, Муканом и Джебалем поручил вместе с главным командованием всеми войсками, посылаемыми против Бабека, лучшему генералу халифата, прославившемуся еще в царствование Мамуна. То был Гайдар ибн Каус эль Афшин.

Афшин — одна из любопытнейших фигур того времени, на его жизни и деятельности ярко отразились классовые отношения в халифате в начале IX века.

Иранец по происхождению, крупный феодал, владетельный князь Ошрусны (округ в Узбекистане), он официально исповедывал мусульманскую религию. Взысканный милостями Мамуна, он стал своим человеком при дворе. Ему была поручена трудная провинция Барка (на запад от Египта), где ему пришлось подавлять восстание туземных племен. После успешного усмирения мятежа он был переброшен в Египет, где в это время шло восстание арабов и коптов. И с

ним он справился успешно, так что прибывшему самолично Мамуну уже не оставалось ничего другого делать, как расправляться с побежденными. Отличился он и в войнах с Византией. И теперь ему поручалась ответственнейшая задача — сломить Бабека.

Медлительность и необыкновенная осторожность, с которой он вел эту войну, возбуждали ропот и недовольство войска; его поведение, его более чем странные сношения с Бабеком,—все это представлялось совершенно непонятным, если бы громкий процесс, возбужденный против его спустя несколько лет после гибели Бабека, не обнаружил скрытые мотивы его поступков, не вскрыл его ненависти к арабам.

Мост в Азербайджане

Вся история осады показывает, что Афшин, как большинство зиндиков, не сочувствуя, конечно, крестьянскому восстанию, хотел им воспользоваться, чтобы подорвать военную мощь халифата, а затем захватить руководство восстанием в свои руки.

Таков был Афшин, главнокомандующий силами империи халифов, направленными против Бабека.

Разгром Бабека под Гамаданом имел самые пагубные последствия для дальнейшего хода восстания. В глазах многих его приверженцев поражение Бабека уронило его престиж, сняло с него ореол божественности и непобедимости: из воплотившегося бога он стал земным царем. Многие крестьяне потеряли веру в победу и стали отставать от движения, возвращаться в свои селения. Часть из них стала искать нового вождя, который повел бы их к новым победам.

Разгром под Гамаданом произвел и в психологии Бабека громадную перемену. Он пришел к убеждению, что крестьянство одно не в состоянии одолеть врага. Двадцать лет он шел по пути побед, двадцать лет он призывал крестьян Ирана присоединиться к борьбе их братьев в Азербайджане, и на зов его крестьянство Ирана не откликнулось. Горцы Дейлема и Табаристана также не двинулись. В центральных провинциях Ирана царил глубокий покой; в Хорасане были, правда, кое-где вспышки, но разрозненные, мелкие, которые легко подавлялись и не могли разгореться в пожар. И он все упорнее начинает искать союзников вне своего класса, главным образом из среды дехкан, которые сопутствовали движению, хотя по мотивам совсем иным, чем крестьянство. Бабек, как мы видели, и раньше относился к ним благожелательно и старался привлечь их на свою сторону; теперь же он свою ставку поставил на них. Он доверил им ответственные посты, вступил в дружбу с мелкими феодалами Армении, особенно с Сембатом ибн Сахл, положившим начало династии Багратидов, занявших впоследствии троны Армении, Абхазии и Грузии.

Он забыл уроки восстания Абу Мослима, забыл, что союз крестьянства с эксплоататорами даже в случае победы приведет к новому рабству.

Он стал искать союзников и вне пределов Ирана. Он вступил в сношения с императором Византии. Византийские источники говорят, что после гамаданского разгрома сам Бабек бежал в римские пределы и по прибытии в Синоп вступил в переговоры с императором. Эту версию, однако, необходимо отбросить как совершенно неправдоподобную. Бегство его из Азербайджана привело бы неизбежно к полному развалу всего движения, между тем мы знаем, что после Гамадана силы повстанцев очень скоро собрались вновь в Азербайджане и оказали успешное сопротивление подходившим войскам Абу Саида у себя на родине, в Ардебильском округе. Вернее арабская версия, что Бабек завязал сношения с Феофилом через беженцев, спасшихся в Синоп после поражения. Он писал императору, желая его заинтересовать в движении, будто он сам христианин и готов обратить в христианство своих приверженцев, но «если бы я предложил им, — писал он, — немедленно принять христианство, они отказались бы; я их отговариваю от ислама и проповедую им религию, которая им нравится; когда же мы одолеем халифа и все примут мою веру, я их призову к христианству, и весь мир станет христианским».

Подействовала ли на Феофила перспектива обращения всего мира в христианство или, скорее, он нашел чрезвычайно выгодным для своих планов против халифата иметь союзников в сердце вражеской империи,— он пошел на соглашение с Бабеком. Мир, заключенный Византией с Мотасимом, был нарушен, и Феофил двинулся с войсками к сирийской границе.

Тем временем хуремиты, бежавшие после Гамадана в Синоп, утратив веру в Бабека и занявшись поисками нового вождя, прослышали, что в Константинопо-

ле живет отпрыск древнего царского рода Ирана и решили разыскать его и сделать своим царем. Они вспомнили древний иранский обычай, по которому царем Ирана может быть только потомок царского рода, тем более царского рода должен быть тот, в которого воплотится освободитель, царь Ширвин.

Действительно в Константинополе проживал в бедности и нищете юноша Феофоб, сын бежавшего еще давно из пределов халифата иранского царевича и какой-то сводни, к которой он, живя в большой нужде, поступил в услужение.

Умер отец, умерла и мать, сын остался сиротой без всяких средств.

Его разыскали беженцы и довели о нем до сведения Феофила. Если император для успешной борьбы с исконным врагом пошел на союз с крестьянскими бунтовщиками, то тем более ему должна была улыбаться поддержка настоящего претендента на иранский престол, который, к тому же, был христианином. Он взял юношу ко двору, возвел в сан патриция и дал ему в жены собственную сестру.

Отправляясь в поход на Сирию, он взял его с собой, поставил во главе иранского легиона, образованного из беженцев.

Феофоб отличился в боях, заслужил полное доверие императора, и в 834 году, когда византийцы потерпели поражение и Феофилу грозила опасность быть взятым в плен, только храбрость иранского легиона и находчивость Феофоба спасла императора от окружавших его со всех сторон арабов.

Дальнейшая судьба Феофоба не оправдала возлагавшихся на него надежд. Спасенный им император, уезжая с театра военных действий в столицу, поручил командование своему спасителю. Иранцы его легиона

провозгласили его не только царем Ирана, но и императором Византии; Феофоб благоразумно отказался от опасной почести и сохранил верность своему благодетелю.

Феофил отозвал его в Константинополь и продолжал выказывать ему свое благоволение.

Иранский же легион, хотя не подвергся наказанию, но был расформирован и размещен по разным городам империи. Перед смертью, однако, желая оставить престол своему сыну Михаилу и опасаясь конкуренции со стороны Феофоба, Феофил приказал его умертвить. Иранцы, укрывшиеся в Римской империи и возлагавшие надежды на Феофоба, рассосались среди разноплеменного населения Византии и в дальнейшем уже не играли никакой роли в борьбе Ирана против халифата. Так кончился романтический эпизод, создавший соперника Бабеку в руководстве иранцами, борющимися против завоевателей, соперника, не возглавлявшего крестьянские массы, а стремившегося повернуть обратно колесо истории и восстановить древне-иранское государство.

Как же относился Бабек к новоявленному претенденту на иранский престол? Источники об этом молчат. Лишь византийский писатель Геннесий, сообщая, как и другие византийцы, о бегстве Бабека в Римскую империю после гамаданского разгрома, говорит, что именно Бабек явился инициатором розысков Феофоба. Едва ли можно поверить этому утверждению. Во-первых, мы знаем, что Бабек не мог бежать с другими в Синоп, а оставался в Азербайджане, где организовывал сопротивление наступающим войскам халифа. Во-вторых, признание им Феофоба царем Ирана означало бы отказ от собственной миссии, а во всей дальнейшей истории борьбы его, продолжавшейся

еще два года, мы не видим, чтобы он отрекался от своего призвания. Он продолжает властно всем распоряжаться, продолжает требовать себе поклонения и почитания, даже усиливает это требование, попрежнему высокомерно обращаясь со своими приверженцами, как вождь, облеченный божественной благодатью.

Можно думать, что появление Феофоба имело лишь то последствие, что Бабек, опасаясь перехода к Феофобу дехканов и вообще националистически настроенных приверженцев, стал усиленно с ними заигрывать, чтобы удержать их у себя. Действительно, мы видим, что важнейший пост, охрану ущелья, открывавшего доступ к резиденции Бабека, горе Базз, он поручает дехкану Мохаммеду ибн Боайт, который оставался владельцем села и имения, лежавшего вблизи ущелья. Это доверие к дехканам, это стремление во что бы то ни стало их привлечь к делу было важнейшей ошибкой Бабека, вытекавшей из его недостаточной сознательности, недостаточного понимания им классовой сущности этих мелких феодалов. Промежуточное положение дехканов создавало вечное колебание их между господами-арабами, которых они ненавидели, и крестьянами; но в конечном счете они больше боялись крестьян; несмотря на все притеснения и унижения при арабах, дехканы могли сносно существовать, эксплоатировать крестьян и наживаться при сборе податей. Крестьянская революция в случае победы грозила им полной потерей имущества, если и не страшным возмездием за все старые притеснения и вымогательства с их стороны. Бабеку они не верили и на милостивое отношение его смотрели, как на уловку, на временную меру, впредь до полной победы. Как только они убедились, что начинается перелом, что победа

изменяет Бабеку, они стали пытаться загладить свою вину перед арабами и предать своих временных союзников — крестьян.

Ставка на дехканов была чрезвычайно пагубной, подорвавшей доверие к Бабеку со стороны многих крестьян.

Путь предательства для дехканов облегчался особенно тем, что во главе войск халифата стоял человек иранского происхождения, Афшин. Мы не знаем, конечно, какие у них были с ним тайные переговоры, но все данные говорят за то, что он дал им понять свое отношение к арабам, свои замыслы о низвержении их владычества, притом с феодальными лозунгами, с сохранением крепостной зависимости крестьян. И дехканы начали предавать Бабека оптом и в розницу.

Афшин приближался к Азербайджану с громадным войском, с осадными машинами и с большими деньгами. Он обратился ко всем дехканам с призывом оказывать ему содействие, сообщать о состоянии и численности войск Бабека, их передвижениях, положении снабжения, и дехканы откликнулись на его призыв.

Еще до того, как Афшин подошел к Ардебилю, Бабек понес чувствительную потерю. Войска Абу Саида заняли все дороги, ведшие из южных, наиболее хлебородных районов Азербайджана, и, согласно приказанию Мотасима, старались отрезать подвоз зерновых продуктов от города к крепости Базз. Бабек выслал большой отряд под начальством одного из лучших своих военачальников, Моазья, чтобы под его охраной провезти припасы для крепости. Отряд столкнулся с правительственными войсками, был разбит на-голову, и лишь немногим удалось спастись.

Вскоре Бабека постигла вторая неудача. Он выслал новый отряд в три тысячи человек под начальством

Исма. Когда отряд подошел к ущелью, где лежало имение Мохаммеда ибн Боайта, дехкан выслал им навстречу людей с съестными припасами и стадом баранов, а самого Исма пригласил к себе в замок на обед. Когда же Исма приехал и вошел в замок, дехкан схватил его и задал ему вопрос: что ему дороже — собственная жизнь или жизнь его людей? Малодушный ответил, что своя жизнь ему дороже. Тогда Мохаммед ибн Боайт приказал ему под угрозой смерти вызвать поодиночке в замок своих офицеров; по мере прибытия их в замок их убивали. Когда воины увидели, что их командиры исчезли и не возвращаются, им стало ясно, что налицо измена, и они обратились в беспорядочное бегство. Головы убитых Мохаммед отослал в Багдад халифу в доказательство своей преданности.

Ущелье оказалось в руках Афшина, а Мохаммед ибн Боайт стал одним из его приближенных советников и оказал ему большое содействие своим знанием местности и знакомством с настроениями крестьян.

Неудача за неудачей постигали Бабека. Однако положение его было еще далеко не безнадежным. Десятки тысяч его воинов полегли под Гамаданом в Азербайджане, десятки тысяч бежали в Римскую империю. Многие крестьяне охладели к движению, отпали от него и вернулись в свои селения. Все же у него осталось достаточное количество людей, по всем данным не менее 30 тысяч, оставалась природная крепость окрестных гор, неприступная твердыня Базз, сочувствие местного населения, доставлявшего ему припасы и снаряжение. Оставалось еще надежда на мощную поддержку со стороны союзника — византийского императора Феофила; его решительное нападение на арабскую территорию отвлекло бы силы халифата от восстания, поднятого Бабеком.

Как мы знаем, в 834 году, вскоре после битвы под Гамаданом, Феофил ворвался в пределы халифата, но был разбит и спасся только благодаря храбрости иранского легиона. В 835 году он предпринял новый поход, на этот раз более удачный; арабы понесли поражение. Однако поход не был затеян в большом масштабе, он сводился к обычному набегу на пограничную полосу, так называемые Авазим (буквально по-арабски — зубы — защитная пограничная линия).

В 836 году Феофил возобновил поход, но потерпел сильное поражение, его храбрость вновь подвергла его опасности быть взятым в плен; спас его один из главных его военачальников, Мануил.

Все эти походы Феофила не приносили облегчения Бабеку, не заставляли Мотасима отзывать войска из Азербайджана. Халиф твердо решил прежде покончить с Бабеком, понимая, что опасность с этой стороны гораздо большая, чем со стороны Византии, у которой только и хватало сил для пограничных набегов.

Осада Базза

Афшин был назначен правителем Азербайджана и соседних с ним областей в 835 году, но двинулся он туда с войском лишь весной 836 года. Повидимому он не торопился начать войну. Вследствие его медлительности Бабек получил значительную передышку и мог стянуть к Баззу многих своих приверженцев, пополнить убыль в войске и подготовиться к обороне. Весной 836 года Афшин вступил в Азербайджан и без сопротивления прошел до Ардебиля и дальше в широкие равнины около Берзенда. Тут он стал лагерем, возвел укрепления; весь путь от Берзенда до Ардебиля он покрыл небольшими крепостями и поставил в них гарнизоны. Создав таким образом опорные пункты, он двинулся на запад к орлиному гнезду Бабека. На этом пути его главным советником был изменивший Бабеку дехкан Мохаммед ибн Боайт. Афшин шел согласно с его наставлениями по горным тропам и хребтам гор, избегая более легкой дороги по долинам и ущельям; дехкан предупредил его, что в ущельях и горных долинах много ук-

ромных мест, которые хорошо знакомы Бабеку и могут быть им использованы для засад.

Афшин дошел до входа в ущелье, которое вело к крепости Бабека. Здесь он разбил лагерь и, опасаясь ночных нападений, укрепил его; затем стал ждать, чтобы Бабек спустился со своей горы и вышел в долину на ровное место, где нельзя было опасаться засад. Однако Бабек продолжал спокойно сидеть в своей крепости и не проявлял желания сразиться в открытом поле. Урок Гамадана послужил ему, очевидно, на пользу. Семь месяцев стоял Афшин у входа в ущелье, а военные действия не начинались, хотя наступила холодная азербайджанская зима. В войсках Афшина начался ропот: «Главнокомандующий изменяет, он такой же хуремит, как и Бабек, он затягивает войну, чтобы спасти его. Он играет ему на-руку, скоро ущелье будет занесено снегом, и война станет совсем невозможной». Мусульмане требовали, чтобы их повели в бой на приступ крепости. Но Афшин был непреклонен и продолжал держаться своей тактики, все надеясь завлечь Бабека за пределы ущелья, в равнину, где был расположен лагерь правительственных войск.

Мотасим следил с лихорадочным нетерпением за ходом военных действий. Между лагерем Афшина и Багдадом лежал длинный и трудный путь, который караваны проходят в шестьдесят дней. Было организовано ускоренное сообщение: курьеры на быстроходных верблюдах, сменявшихся каждые 30—40 километров, доставляли ему известия в десять дней. Но и это не удовлетворило халифа. Он велел заменить верблюдов лошадьми и этим ускорил сообщение. Он стал получать донесения Афшина через четыре дня. Афшин писал ему: «Я не мог до сих пор покончить с Бабеком;

его крепость неприступна. Победить его можно только в открытом поле; чтобы выманить его из крепости, я придумал военную хитрость. Пришли мне для выплаты жалованья войску и на заготовку провианта денег с надежной охраной; охрана эта должна быть всецело подчинена мне». Пока Мотасим собирал деньги и снаряжал экспедицию, Афшин старался организовать разведочную службу, чтобы выяснить силы Бабека, настроения в его крепости, дух его воинов. Бабек часто высылал лазутчиков, которые, под видом местных крестьян, пришедших для продажи своих продуктов, проникали в лагерь Афшина. Теперь всех таких крестьян велено было хватать и доставлять в ставку главнокомандующего. Афшин допрашивал их лично и не только не казнил, но отпускал невредимыми, обещая им богатое вознаграждение, если они будут служить ему, сообщая сведения о крепости. Изменники находились...

Потеряв надежду выманить Бабека из крепости или, вернее, стремясь успокоить недовольство в своих войсках, Афшин начал готовиться к осаде. Он велел вырыть на подступах к крепости окопы. Такие окопы были вырыты в Хоше на расстоянии 36 километров от Базза, в Аршаке на расстоянии 24 километров и в Нагрема на расстоянии 12 километров. В окопах были размещены отряды под командой Мохаммеда ибн Юсуф, Гейтама и Агуры.

Тем временем в Ардебиль прибыл транспорт с деньгами, в сто верблюдов, присланный Мотасимом. Его охранял отряд в триста турецких воинов из гвардии халифа под начальством одного из наиболее приближенных военачальников Мотасима, тоже турка, Бога старшего.

Лагерь Афшина находился на расстоянии трех дней

пути от Ардебиля. По прибытии в Ардебиль, Бога̀ остановился, ожидая дальнейших приказаний от Афшина. Лазутчики сообщили Афшину о прибытии Бога̀ и о том, что Бабек уже узнал об этом и готовит засаду, чтобы перехватить деньги на пути из Ардебиля в Берзенд. Афшин приказал Абу Саиду пробраться тайно в Ардебиль и передать Богѐ письменные инструкции. Абу Саид переоделся крестьянином, благополучно миновал засады Бабека и добрался до Бога́.

Инструкции Афшина содержали план той военной хитрости, благодаря которой он надеялся выманить Бабека в открытое поле и заставить его там принять бой. Афшин приказывал Богѐ остаться еще месяц в Ардебиле, как бы готовясь к движению на Берзенд, и распустить слух, что в определенный день он выступит в путь с деньгами, затем ждать дальнейших распоряжений. Бога̀ выполнил приказание, и весть о предстоящем движении транспорта дошла до Бабека. Крестьяне, ему сочувствовавшие, доносили обо всем, что делалось в лагере врагов. Бабек с пятью тысячами воинов вышел из крепости и устроил засаду около селения Аршак. Афшин, узнав об этом через лазутчиков, двинулся из Берзенда в Хош и передал тайно Богѐ распоряжение, чтобы он в назначенный день выступил, нагрузив верблюдов ящиками и деньгами, но, дошедши до Награ, остановился и ночью, втайне от всех, отправил деньги обратно в Ардебиль, сам же после этого пошел бы вперед на соединение с главным войском, пока не столкнется с силами Бабека. А Афшин об'явил войску громогласно, что в назначенный день он будет платить всем жалованье.

Исполняя приказ, Бога̀ дошел до Награ, отослал ночью деньги обратно под надежный охраной турок, сам же пошел вперед и дошел до Аршака. Тут на не-

го напал Бабек, введенный в заблуждение своими лазутчиками, донесшими ему, что сами видели, как грузили на верблюдов ящики с деньгами и как Бога̀ выступил в путь.

Во время завязавшегося боя в тылу войска Бабека появился Афшин, ускоренными переходами подоспевший из Хоша. Неожиданное нападение Афшина при-привело в замешательство отряд Бабека; отряд не выдержал натиска и рассеялся. Многие бежали в Мукан; сам же Бабек вернулся в Базз, отстоявший от Аршака на три дня пути. Пересчитывая вернувшихся с ним воинов, он недосчитался тысячи человек. Тем временем Бога̀ вернулся в Ардебиль, забрал деньги и перевез их благополучно в Берзенд, где они были розданы войску.

С внешней стороны вся тактика Афшина за год военных действий была проникнута сугубой осторожностью и стремлением на партизанские действия Бабека отвечать такими же партизанскими действиями· уничтожать его силы по частям в расчете на то, что надеяться на пополнение Бабек, отрезанный от мира в своей крепости, не мог. Однако несомненно, что такая тактика должна была только отвести глаза халифа и войска от действительных намерений главнокомандующего. В самом деле, при такой тактике и тех результатах, которые были достигнуты за год, борьба с Бабеком могла тянуться еще несколько лет. Между тем были сведения, что Феофил готовит большие силы и намерен вновь проникнуть глубоко в пределы Сирии и даже Ирака. А приближенным Феофила был командир иранского легиона Феофоб, чудесно найденный царевич, надежда феодалов, грядущий восстановитель иранского государства. Задержать надолго все военные силы государства около Базза — не

значило ли это оказать солидную поддержку наступлению Византии, поддержать царевича, приблизить момент крушения ненавистного Афшину халифата? С Бабеком и его бреднями о свободном крестьянстве можно было расправиться и потом, после изгнания арабов, а пока было важно сохранить кровоточащую рану на теле халифата.

Еще более подозрительным кажется решение Афшина после удачной битвы при Аршаке начать наступление на Базз. Ведь уже близилось холодное время года, вот-вот пойдет снег и завалит все проходы, а тогда войска халифа окажутся отрезанными от своей базы.

Армия Афшина состояла из пятнадцати тысяч бойцов. Он их разбил на два корпуса: один, в десять тысяч, оставил под своим непосредственным командованием, а другой, в пять тысяч человек, отдал под начальство Боги, которому назначил в помощники своего брата Фадла ибн Каус и Мохаммеда ибн Боайт. Оба отряда должны были итти параллельно, не теряя друг друга из виду, каждый отряд имел своих проводников и своих барабанщиков для сигнализации. Бога выступил первым. До наступления вечера прошли около двенадцати километров и остановились для ночевки на вершине горы. Так они шли три дня, избегая долин и ущелий, прокладывая путь по горным хребтам, по страшным кручам; дорога, или скорее узкая тропа, проходила нередко над пропастями, у самых краев отвесных скал, и многие воины, неопытные в горных походах, обрывались и падали в пропасть. Порой случались обвалы, и огромные каменные глыбы скатывались на измученных солдат. Но самым ужасным испытанием был лютый холод, который царил уже на вершинах. От него особенно страдали арабы, привычные

к зною тропических стран. Босые, в одних рубахах, они совершенно не были в состоянии переносить морозы, тогда как иранцы и турки переносили холод сравнительно легко; могло казаться, что Афшин добивается сознательно того, чтобы именно арабская часть войск погибла. На пятый день Афшин приказал Богё выступать из лагеря только тогда, когда солнце будет высоко на небе, когда оно растопит снег. Однако холод все усиливался. В войсках, особенно среди арабских воинов, начался ропот. Афшину кричали: «Долго ли ты будешь держать нас в горах? Сговорился ли ты с Бабеком, чтобы нас погубить? Верни нас в долину, лучше погибнуть, сражаясь, от руки Бабека, чем от холода на высотах. Там, по крайней мере, мы будем бороться, может, победим, здесь мы коченеем от холода и не в состоянии даже держать оружие в руках». Афшин остался непоколебимым, только об'явил солдатам: «Завтра вступим в горы Бабека и осторожно пройдем ущельем».

Армия заночевала в горах. В полночь Бабек, следивший через лазутчиков за передвижениями Афшина и расположившийся сам с двумя тысячами воинов на высотах, напал на лагерь Афшина. Мусульмане, измученные походом, плохо владели оружием, еле держали его в онемевших от холода руках. Многие из них были перебиты, остальные обратились в бегство, Всю ночь хуремиты преследовали врагов; опытные в хождении по горам, знакомые со всеми горными тропинками, они продолжали бойню до зари. Лишь когда солнце показалось над горами, Бабек протрубил отбой, опасаясь что при дневном свете увидят малочисленность его отряда. Хуремиты прекратили преследование и вернулись назад. Бабек разбил свои войска на два отряда, замыслив теперь атаковать с двух сторон,

и тоже ночью, корпус Богй. Однако Богà получил известие о нападении Бабека на лагерь и о разгроме Афшина, понял опасность, спустился в долину и начал отступление, поручив авангард надежному на-

Развалины замка в Азербайджане

чальнику. Сам же с братом Афшина и Мохаммедом ибн Боайт остался в арьергарде с отборной частью. Медленно шли они по узкой долине, а воины Бабека шли за ними следом горами, от времени до времени показываясь на высотах группами по десять — двенадцать человек.

В час послеобеденной молитвы, когда близился вечер, Бога велел остановиться: «Опасно итти ночью,— сказал он, — по незнакомой местности. Нужно найти для лагеря гору, которая была бы доступна для атаки только с одной стороны, там укрепимся и переночуем, не страшась ночных нападений». Однако подходящей горы, где могли бы разместиться несколько тысяч человек, найти вблизи оказалось невозможно. Пришлось разбить лагерь на двух соседних горах. Солдаты бодрствовали всю ночь, ожидая нападения; но Бабек не показывался. На заре измученные холодом и усталостью воины Боги заснули. И тут явился Бабек, все время следивший за ними и выжидавший этого момента. Он напал на них с двух сторон и начал убивать людей, растерявшихся спросонок, не соображавших, в чем дело. Многие, спасаясь от Бабека, бросались с горы вниз и погибали в пропастях. Брат Афшина был ранен, Бога успел добежать до подножия горы, где оставлены были на пастбище лошади, и только быстрота его коня спасла его от гибели. Он доскакал до входа в ущелье и тут узнал, что Афшин отступил к Ардебилю. Туда направился и Бога с остатками отряда.

К концу зимы Афшин послал к халифу гонцов с требованием прислать подкрепления. Мотасим послал корпус в девять тысяч воинов, сформированный из турецких рабов, под начальством турка Итаха и одного из лучших начальников времени Мамуна — Джафара ибн Динара, прозванного Эль Хайят (Хайят по-арабски значит «портной»). Он написал также владельцу Борджа и Караджа в Джебале, Абу Долафу Касиму ибн Иса, чтобы он набрал добровольцев для борьбы с неверными хуремитами и с ними пошел бы на подкрепление к Афшину. Афшину же он

писал: «Я не отзову ни под каким предлогом войск, которые тебе присылаю, пока Бабек будет жив. Дам тебе все, что потребуешь. Думай только о том, чтобы его победить». С войском он послал Афшину большое количество железных капканов, употреблявшихся на охоте за хищными животными. Эти капканы, расставленные вокруг лагеря, должны были облегчить труд солдат, избавляя их от необходимости копать рвы.

Прибывшие к Афшину подкрепления в 10 тысяч воинов регулярной армии и несколько тысяч добровольцев значительно ухудшили положение Бабека; как ни успешен был для него истекший год, он потерял много людей, его живая сила таяла. Одна надежда оставалась, надежда на Феофила: энергичное наступление с его стороны должно было отвлечь силы халифата и привести к отозванию части войска из Азербайджана. И Бабек пишет своему союзнику: «Царь арабов послал против меня всех, кого имел, даже всех, которые живут во дворце, даже повара и портного» (острота в связи с прозвищем Джафара (портной) и прежней профессией Итаха, турецкого раба халифа). «Если нападешь сейчас на его страну, никто тебя не остановит».

Получив письмо, Феофил усилил приготовления к походу и с большими силами (70 тысяч человек) двинулся к сирийской границе. Он вторгся в область Тарса, крупного города Малой Азии, и осадил крепость Зипатру. После недолгой осады крепость была взята и разграблена. Мусульманское население ее было большей частью перебито, остальные уведены в рабство; город был разрушен. Феофил имел в виду не ограничиться простым набегом, а итти дальше в глубь вражеской страны, в расчете на то, что все войско у

Мотасима занято под Баззом, но был остановлен известием, что халиф идет против него с большими силами.

Действительно, Мотасим, не отзывая войск из Азербайджана, обратился к жителям города Мосула и провинции Джезара, к жителям Багдада и новой резиденции Сурраменра, а также к населению всего Савада, призывая их выставить добровольцев на защиту веры и государства. Опасность грозила уже не государству вообще, что мало бы беспокоило умы жителей Джезара и Савада, но угрожала непосредственно их жизненным интересам. Предстояло или нападение византийцев на столицу, разграбление провинций, все ужасы осад и штурмов, или занятие ими Сирии, отрыв ее от халифата и прекращение торговых сношений Багдада с Европой. Эти соображения подействовали на арабскую буржуазию, и в кратчайший срок она дала Мотасиму большое количество войск (по некоторым данным, до ста тысяч воинов). С этой армией двинулся к Тарсу сам Мотасим. Известие о приближении халифа заставило Феофила не только приостановить наступление, но и повернуть назад и бросить свои завоевания. После этого халиф вернулся в свои пределы и написал Афшину: «Аллах заставил людей Рума бежать при появлении войска правоверных. Опасность миновала. Ты же энергичнее займись Бабеком и старайся скорее покончить дело».

Под влиянием этого письма Афшин оставил Ардебиль и вновь подошел к выходу в ущелье, которое вело к горе Базз.

И тут Бабек снова допустил ошибку, отступив от испытанной тактики партизанской войны. Он послал своего храбрейшего военачальника Адсина с десяти-

тысячным отрядом сразиться с войсками Афшина. Адсин взял с собой в поход свою жену и детей. Бабек уговаривал его оставить их в крепости, но тут сказалось легкомысленное презрение хуремитов к военным качествам их противников и недооценка их сил. Адсин ответил Бабеку: «Разве я боюсь этих трусов настолько, чтобы запирать мое семейство в крепости?» Он быстро прошел до ущелья и выступил на равнину, где стояло войско Афшина. Однако, перед тем как покинуть горы, он приискал высоту, где полагал, что его семья будет в безопасности во время боя, и оставил ее там под охраной тысячного отряда. Это привело к его поражению. Афшин, проведав о слабой охране, оставленной для защиты семьи, бросил на эту гору Зафара ибн Эль Ала с двумя тысячами человек. Они пробрались туда обходной дорогой, разбили охранный отряд, взяли в плен семью Адсина и направились обратно в лагерь. Когда весть об этом дошла до Адсина, он вернулся в ущелье, чтобы перехватить вражеский отряд и отбить пленных. Пока между ними шел бой, в тыл Адсину ударил пятитысячный отряд Мозафара ибн Кайзара, и Адсину, потерявшему большую часть своего отряда, пришлось вернуться в Базз.

Афшин все медлил приступать к решительным действиям; бесконечно затягивал он войну, подрывая силы халифата. Наконец он получил письмо Мотасима с решительным приказом кончать дело; при этом халиф давал наставление, как вести наступление: «Первый раз, — писал он, — ты ошибся, двигаясь по горам и предоставляя долины врагу. Хотя в долинах путь более узкий, но зато более легкий, чем горные тропы. Иди по долине, а во избежание засад, пошли по горным тропам разведчиков, которые могут тебя предупредить, когда увидят засады. Пошли вперед ар-

мии людей с топорами, чтобы расчищали заросли и лес, который мешает успешному продвижению армии. На остановках, вместо того, чтобы окружать лагерь окопами, что утомляет солдат, защищай его капканами, которые я тебе прислал».

После таких инструкций Афшин понял, что дальше затягивать дело нельзя, и повел армию согласно указаниям халифа, хотя вел ее медленно, соблюдая крайнюю осторожность, делая не более 12 — 18 километров в день. И вдруг совершенно неожиданно для Афшина перед ним оказался многочисленный отряд Бабека, загородивший ему дорогу в ущелье. Афшин не растерялся и повел войска в атаку. Успех оказался на его стороне, и хуремиты были обращены в бегство, понеся большие потери.

Силы Бабека таяли, но он не терял бодрости духа и самоуверенности. Он полагался на неприступность Базза, который можно защитить и с ничтожными силами против большой армии. Кроме того его расчет основывался на плохом снабжении войск Афшина. Уже не раз караваны, подвозившие провиант, подвергались нападениям со стороны хуремитских отрядов, скрывавшихся в горах. Жалобы на недостаток провианта все время раздавались в войсках Афшина, особенно со стороны самой недисциплинированной части, добровольцев, которые, в силу своего арабского происхождения, вообще относились крайне недоверчиво и подозрительно к главнокомандующему, природному иранцу.

Обратив в бегство Бабека, Афшин продолжал наступление настолько медленно, что лишь на десятый день подошел к подножью горы Базз.

Дальнейшая затяжка событий становилась невозможной и могла только компрометировать самого

Афшина. Надежда на Феофила рухнула, он ушел обратно в Византию. Тянуть еще год было рискованно: очень уж громко роптали добровольцы, открыто обвиняя Афшина в единомыслии с Бабеком.

На следующий день Афшин повел армию дальше по ущелью, подошел к крепости на расстояние 2 километров и сказал Мохаммеду ибн Боайту: «Несомненно, нам придется здесь долго пробыть, ты знаешь местность, выбери возвышенность, где можно бы расположиться всему войску лагерем. Там окопаемся, и оттуда будем ежедневно производить атаки на крепость, а к вечеру возвращаться в лагерь; так будем поступать, пока не возьмем Базза». Мохаммед выбрал три вершины, близкие друг к другу. Тут войска окопались и возвели каменные стены, чтобы обезопасить себя от внезапных ночных нападений со стороны осажденных.

В крепости Базз незаметно было и следов уныния или страха: хуремиты считали себя в полной безопасности и не боялись никакого штурма. Провианту было припасено громадное количество, и каждый вечер шло веселье: звучали флейты и мандолины, раздавались веселые песни, устраивались танцы. А глубокой ночью Бабек выходил из крепости и, соблюдая полную тишину, приближался к лагерю Афшина, высматривая, нельзя ли воспользоваться оплошностью караульных и напасть на спящий лагерь. Однако солдаты Афшина зорко сторожили лагерь.

Тактика Бабека внушила Афшину мысль воспользоваться случаем и самому напасть на осажденных во время их ночных вылазок. Он отправил поздно вечером одного из испытанных командиров, отличившегося еще при Мамуне, своего единоплеменника Бохараходу с отрядом воинов из Согдианы в засаду у под-

ножья горы, на которой был расположен лагерь. Когда хуремиты подошли ночью к стенам лагеря и затем, увидев, что караулы не спят, повернули обратно, они встретились лицом к лицу с вышедшим из засады Бохараходой, Афшин же тем временем ударил на них сзади. Осажденные потерпели значительный урон и прекратили с тех пор свои вылазки. Днем же Афшин продолжал атаковать крепость, но безуспешно.

Однажды Бабек вывел из крепости отряд раньше, чем Афшин выступил из лагеря для штурма и поместил его в засаду за горой. Однако Афшин узнал об этом через шпионов и в этот день не подступал к крепости, а послал разведчиков, чтобы выяснить, где находится засада. Все усилия разведки были тщетны, хуремиты спрятались хорошо. На следующий день вновь были посланы разведчики и вновь вернулись, не узнав ничего. Тогда Афшин послал Бохараходу занять лежащую вблизи Баззской скалы гору, чтоб оттуда наблюдать за ущельями и следить, не появится ли откуда-нибудь засада. Так проходили дни. Хуремиты ежедневно прятались в своей засаде, Бохарахода занимал гору, и обе стороны возвращались каждый день к себе без всяких результатов. Однажды, когда войска Афшина по обыкновению возвратились вечером в лагерь и арьергард в три тысячи человек под начальством Джафара ибн Динар несколько отстал, на него напали хуремиты и завязался бой. Шум битвы донесся до Афшина, и он спешно послал Джафару подкрепление. Много хуремитов полегло, остальные вернулись в крепость. Джафар же захотел воспользоваться замешательством врага и ворваться в ворота крепости, вслед за вбежавшими в нее хуремитами. Подошел и Бохарахода из своей засады, подоспел и пятитысячный отряд, посланный в подмогу Афшином,

Положение осажденных было критическое; вот-вот ворвутся мусульмане и настанет конец. И вдруг Джафар получает приказ Афшина: «Не время ночью атаковать крепость. Возвращайтесь все в лагерь». И после этого удачного боя Афшин три дня оставался в полном бездействии, только послал лазутчиков выведать, как велики потери осажденных.

Громкий ропот поднялся в лагере Афшина. Особенно громко высказывали свое негодование добровольцы. Слышались угрозы главнокомандующему; по его адресу сыпалась брань: «Изменник, смерть союзнику Бабека, смерть огнепоклоннику!» Афшин был невозмутим; он вышел из своей палатки к толпе добровольцев и сказал им: «Если не хотите повиноваться и соблюдать дисциплину, можете уходить; с меня довольно армии халифа. Я буду стоять здесь, пока не выпадет снег». После этих слов добровольцы стали расходиться по палаткам и собираться домой. Они громогласно об'явили Афшина изменником, обвиняли его в том, что он морит их умышленно голодом (действительно, припасы выдавались скудно) и хочет затянуть осаду до зимы, чтобы они все погибли от стужи. Обвинения эти немедленно были переданы главнокомандующему, который тут же решил удовлетворить требование добровольцев, послать их в бой с тем, чтобы их всех погубить.

На следующий день был назначен генеральный штурм.

Впереди всех двинулся Джафар ибн Динор с своим отрядом; в нем были все лучшие стрелки и специальная команда нефтяников, которые метали горшки с горящей нефтью. Остальные командиры стояли пока в резерве. Джафар начал таранить ворота; тем временем добровольцы бросились на штурм,

приставили лестницы и полезли на стены. Хуремиты открыли ворота и ринулись на осаждавших. Они отбросили Джафара и атаковали добровольцев сзади, между тем как со стен крепости на них сыпались камни, из которых каждый попадал в цель. Отряд добровольцев потерял большую часть своих людей, знамена их были взяты хуремитами, остаток их рассеялся. Джафар мужественно защищался, но его воины не смогли устоять против ярости хуремитов, обдававших атакующих тучами стрел и камней. Афшин, хладнокровно смотревший на гибель добровольцев, послал на подмогу Джафару отряд всадников, но велел им сказать, что пора битву прекратить и начать отступление.

Джафар отступил. Афшин погрузил раненых в кедживе (род ящиков), и разбитая армия, из которой половина не участвовала в бою, медленно вернулась в лагерь. В войсках наступило уныние. Афшин дал им отдых на две недели. Добровольцы покинули лагерь и разошлись по домам. А в Баззе шло веселье. Гремела музыка, раздавались громкие песни в честь победы. Торжество было полное. Все войско халифа не могло одолеть горсти хуремитов, уцелевшей после стольких битв. Снова Бабек поднял голову, снова он почувствовал себя божественным избранником, которому ничто не может сопротивляться. Скоро ведь наступит зима, снег завалит ущелье; Афшину придется удалиться. Несомненно, весть о победе разнесется, вновь окрылит надежды крестьян на грядущее царство Ширвана и создаст приток новых сил в его войско.

Последний бой

Разгром войск Афшина во время штурма навел Бабека на смелый план, который при удаче должен был привести к полному уничтожению врага. Для защиты самой крепости можно было ограничиться незначительным количеством людей; если вывести из нее главные силы и хорошо спрятать их в засаде, то при следующем штурме крепости атака в тыл штурмующим должна будет привести к полному их разгрому. Для выполнения этого плана он отправил одного из своих главных помощников, Адсина, с семью тысячами воинов (почти все, что у него оставалось) на ближайшую к крепости гору, где они спрятались в густом лесу и стали ждать следующего штурма.

Афшин проведал про эту хитрость и решил использовать ее против Бабека. Он пришел к убеждению, что пора кончить дело; иначе подозрения в попустительстве, открыто высказывавшиеся добровольцами, могут зародиться и в уме халифа, а крутой нрав халифа был хорошо известен Афшину.

К тому же Бабек был слишком ослаблен, чтобы быть пригодным для целей Афшина в настоящее вре-

мя. Его жизнь можно сохранить для будущего, но крепость надо взять во что бы то ни стало.

В час ночной молитвы (скоро после захода солнца) Афшин вызвал отряд стрелков в тысячу человек и приказал немедленно в ночной темноте итти к горе, где спрятался Адсин, и стать в защищенном месте километра за полтора от нее. Утром они, услышав барабанный бой, должны были двинуться с развернутыми знаменами в тыл Адсину и напасть на него сзади, пока остальная армия будет атаковать его спереди.

В то же время Афшин послал к подножью горы, где скрывался Адсин, одного из своих соплеменников, Бешира Фергани, со второй тысячью воинов. Здесь они должны были дожидаться утра.

Когда рассвело, Афшин со всей армией выступил из лагеря. Джафара он послал вперед к воротам крепости, но велел начать атаку только тогда, когда Фергани выяснит точно место, где засел Адсин. Прочие командиры отрядов были размещены на разных высотах и должны были поддерживать первые отряды в случае надобности.

К полдню Фергани открыл место, где стоял Адсин с своими семью тысячами, разделенными на три отряда, и вступил с ними в бой. Джафар повернул от ворот и ударил на него с другой стороны, затем на него же двинулись и Бохарахода и другие командиры. Отступление в крепость было для Адсина отрезано. Когда вся армия вступила с ним в бой, Афшин велел ударить в барабаны, давая этим сигнал стрелкам, сидевшим в засаде. Они пошли с развернутыми черными знаменами в атаку, в тыл Адсину, отрезая у него последний путь к спасению. Положение Адсина было безвыходным. Как барсы родных гор, оборонялись крестьяне, окруженные со всех сторон врагами, на

много превосходившими их численностью и вооружением. Но храбрость не помогала, один за другим они падали под ударами врагов. Пал и сам Адсин.

Бабек наблюдал за сражением из крепости, он видел, что Адсин окружен, что положение безнадежно, что его войска обречены на гибель. Желая выиграть время, спасти то, что можно было еще спасти, он крикнул, что желает вступить в переговоры с главнокомандующим. Афшин приблизился к крепости. Бабек запросил у него аман — помилование. Афшин немедленно согласился. Тогда Бабек сказал: « Твой аман недостаточен, мне нужен аман от самого повелителя правоверных, в письменной форме, за подписью халифа и с его печатью». Афшин согласился и на это. На время, пока курьер с'ездит в Сурраменра и обратно, согласились об'явить перемирие; Бабек должен был дать в заложники своего сына: в действительности сын был в отряде Адсина и уже попал в плен.

Афшин велел прекратить резню, увести пленных. Армия повернула обратно в лагерь. Остатки отряда Адсина, спасшиеся от смерти или плена, разбежались по горам и вернулись в свои селения. Никто из них не возвратился в крепость. Мотасиму было послано спешное письмо Афшина с просьбой помиловать Бабека и прислать аман в письменной форме.

Бабек слишком хорошо знал, что значит аман Аббасидов, клятвы их, он знал, что никакие охранные грамоты не спасут его, если он окажется в руках халифа. Восемь дней, необходимых для того, чтобы доставить письмо халифу и привести от него аман, ему нужны были, чтобы успеть скрыться. Раз в крепость никто из защитников не вернулся и защищать ее далее с оставшимися у него пятьюдесятью людьми было невозможно, оставалось одно — бежать, а за восемь

дней можно далеко убежать, можно укрыться в Армении, где у него дружественные дехканы; он рассчитывал, что они помогут добраться до пределов Римской империи. В ту же ночь Бабек скрылся из крепости с оставшимися у него людьми и семьей.

На следующий день Афшин узнал о бегстве Бабека. Он немедленно вступил в крепость, разрушил ее до основания, на ее месте разбил свой лагерь и отсюда разослал всем дехканам сообщение о том, что Бабек скрылся, обещая сто тысяч дирхемов тому из них, кто доставит ему Бабека живым или мертвым.

От горы Базз до границы Армении тянутся горы, которые в те времена были покрыты густыми зарослями и дремучим лесом, куда всадники не могли проникнуть. В эти леса и скрылся Бабек. Афшин отрядил пять тысяч человек на поимку его, заняв группами по сто—двести человек все дороги, ведущие в лес.

Кончена была война, тянувшаяся двадцать два года. Афшин был на вершине славы. Все его подозрительное поведение во время осады было забыто с взятием крепости. За ним сохранилась слава о его непобедимости.

Несметные богатства были найдены в крепости. Не говоря уже о массе провианта, который пришелся как нельзя более кстати изголодавшимся воинам Афшина, в погребах оказалось все, свезенное Бабеком за двадцать лет его управления в двух провинциях: драгоценные ковры, золотые и серебряные лампы мечетей, жемчуг, алмазы и рубины, отобранные у правителей и феодалов, серебро, предназначавшееся для оплаты налогов халифу и перехваченное повстанцами, панцыри и оружие, снятые с врагов, убитых на поле сражения.

По законам ислама четыре пятых добычи шли в

раздел победителям. Одна пятая должна была поступить в казну. Однако Афшин скрыл от халифа размер добычи, послал ему гораздо меньше, чем следовало, остальное же переслал к себе на родину, в свое феодальное владение. Богатства эти должны были послужить основным фондом для восстановления иранской державы, а на худой конец для создания независимого Мавераннарха, где царем будет Афшин, а правителями провинций его приближенные командиры, Бохараходa, Бешир Фергани и другие.

Репрессий по отношению к крестьянству усмиренных провинций мы не видим. Не было ничего напоминающего те зверства, которым подверглись восставшие крестьяне во Франции в средние века или в Германии после окончания Крестьянской войны. Население здесь было редкое, много крестьян уже погибло за двадцать лет военных действий. Избиение оставшихся лишило бы земледелие в Азербайджане и Джебале рабочих рук, прекратило бы доход казны и доходы правителя этих провинций, Афшина. Правда, можно было взять контрибуцию с дехканов, поддерживавших Бабека, и это было сделано, но позднее, теперь же их услуги были нужны для поимки Бабека.

Афшин решил во что бы то ни стало овладеть Бабеком, спасти его или погубить, в зависимости от обстоятельств. К большой радости Афшина пришел тем временем аман для Бабека с подписью халифа и за золотой его печатью. Оставалось только придумать способ доставить этот аман Бабеку.

Афшин прежде всего попытался послать к Бабеку его сына. Он позвал его и сказал: «Я не надеялся получить от халифа аман для твоего отца. Возьми его и отправляйся с одним из моих людей на розыски его, передай ему аман и приведи его сюда». Но сын

Бабека наотрез отказался, говоря: «Я не посмею, эмир, явиться к нему, он меня убьет. Он мне приказывал перед битвой не отдаваться живым, а когда узнал, что я в плену, то писал мне: «Ты не мой сын, а сын распутной девки и прохожего молодца, — как мог ты попасть живым в руки арабских собак? А раз уже попался, то немедленно беги и вернись ко мне». Афшин предложил то же другим пленным, говоря: «Чего вы боитесь, ведь он обрадуется аману». Но все отказались, сказав в один голос: «Ты его не знаешь, а мы знаем». Авшин, однако, настоял на своем; выбрав одного из пленных, он угрозами заставил его отправиться на поиски Бабека. В провожатые он дал ему одного из своих воинов, вручив ему и письмо, которое написал сын Бабека. В письме кратко говорилось: «Тебе приносят аман; прими его, будет хорошо тебе и нам». Посланные отправились, вошли в лес, после долгих поисков встретили Бабека и передали ему письмо сына и грамоту халифа. Он прочел письмо и сказал: «Он не мой сын, не я породил его», а обратившись к посланному: «Кто ты, что смеешь приносить мне грамоту от пса?» — выхватил меч и отрубил ему голову. Затем повернулся к провожатому и сказал: «Передай Афшину, что мне нечего делать с посланием» — и швырнул ему охранную грамоту халифа нераспечатанной. Провожатый вернулся с этим ответом к Афшину.

Гибель сторонников, ряд неудач, даже падение Базза и крушение, казалось, всех надежд не могли смирить неукротимый дух Бабека и его ненависть к правящим классам. Он чувствовал бессознательно, что не может быть мира между трудящимися массами крестьянства и их угнетателями, что между ними могут быть только меч и борьба.

Предательство

Густые дремучие леса покрывали в то время горы и долины между Баззом и Арменией. Солнечный луч не проникал сквозь чащу, и в лесу царил вечный мрак. Глубокая тишина нарушалась лишь шелестом сухих листьев, по которым проползала змея. Зато ночью лес оживает, слышится рычание барсов и пантер, а подчас и тигра, хрюканье диких кабанов, и тысячи светящихся точек глядят сквозь листья деревьев. Много ручьев и ручейков текут по лесу, утоляя жажду заблудившегося странника. Но добыть себе пищу не легко; из-за нее приходится бороться с дикими зверями, да и трудно преследовать добычу, пробираясь по непроходимой чаще.

Сюда бежал Бабек, спасаясь от врагов. Из пятидесяти людей, последних остатков его армии, ушедших с ним из Базза в гущу леса, последовало за ним только пятеро: брат его Абдалла, мать, не покидавшая его во всех невзгодах, жена, главнокомандующий Моавья и слуга. Остальные разбрелись по своим селениям.

Тяжела была жизнь Бабека и его спутников в ле-

су; несмотря на то, что провизии они захватили из Базза достаточно и пищей и питьем были обеспечены, жутко было жить в неведении того, что происходило вне леса, жутко было быть отрезанными от мира, преследуемыми по пятам врагом. Жуток был и лесной мрак и рычание диких зверей по ночам.

Долго бродили они. Наконец истощились с'естные припасы, и голод погнал их из леса. На что мог еще рассчитывать Бабек? Что бодрость духа не оставила его, мы видели, когда он отказывался от помилования халифа. А надежда его состояла в том, чтобы достигнуть Армении, где у него были связи с местными дехканами. С их помощью он рассчитывал перебраться в Византию, а там, собрав несколько десятков тысяч иранских беженцев, он мог составить сильный отряд и следующей весной во главе его вторгнуться в Азербайджан; Феофил, его союзник, двинется одновременно на Сирию, чтобы отомстить за разорение Аммории и прошлогодние неудачи. Расчеты его на успех не были лишены основания, особенно если бы удалось поднять против халифа армянских дехканов, на которых он сильно надеялся: ведь армяне постоянно бунтовали, отказывались платить налоги, не подчинялись приказам правителей, и против них то и дело посылались карательные экспедиции.

Глухими лесными тропами, прорубая нередко путь сквозь заросли топором, пробрался он со своими спутниками до гор Армении. Жена и мать мужественно переносили все тяжести пути, но под конец ослабели и двигались с трудов. Когда они дошли до опушки леса, то увидели, что всадники Афшина находятся далеко под горой у источника. Сторожевой отряд, расположившийся у опушки, спал. Бабек прокрался мимо спящих. От шума шагов дозор проснулся, но вме-

сто того, чтобы броситься за ним, воины вскочили на коней и поскакали к своему посту. Пока всадники, разлегшиеся у источника, встали, оседлали коней и помчались в погоню за Бабеком, он успел добежать до высокой горы уже на армянской стороне, куда конные следовать за ним не могли. Удалось спастись и брату его и слуге. Мать же его, жена и Моавья отстали, их догнали и взяли в плен, связали и доставили Афшину. Всем дехканам Армении Афшин разослал приказы поймать Бабека и доставить его живым или мертвым. За поимку была обещана большая награда.

Первую ночь Бабек провел на вершине горы. Но на следующий день беглецы почувствовали сильный голод: последние дни они питались только кореньями и лесными ягодами. Необходимо было, несмотря на опасность, спуститься с горы, чтоб найти селение и добыть хлеба. С вершины горы Бабек окинул взором окрестности и у подножья в ущелье увидел человека, который пахал землю на паре быков. Бабек дал денег слуге и приказал ему спуститься вниз и попытаться купить у пахаря хлеба, сколько бы он ни запросил за него.

Слуга дошел до пахаря, и тот уступил ему целый хлеб; а проголодавшийся слуга, вместо того, чтобы немедленно вернуться на гору, жадно принялся за еду, вступив в разговоры с пахарем; он узнал, что пахарь — шарик (половинщик), крестьянин, работающий исполу на земле дехкана Сахла ибн Семпат. Тем временем другой крестьянин, принадлежавший тому же Сахлу, проходя мимо, увидел вооруженного, испугался и побежал доложить хозяину. Сахл был мелким землевладельцем, но очень гордился своим знатным происхождением: предки его якобы бежали из Палестины во время ее разгрома римским императором

Веспасианом и основались в давнее время в Армении. Во время могущества Бабека он был с ним в большой дружбе и изливался в чувствах преданности. Заинтересовавшись появлением неизвестного вооруженного человека на своей земле и предупрежденный письмом Афшина, он заподозрил, не Бабек ли это, и сам пошел к месту, где сидел слуга Бабека, занятый беседой с шариком. С первого взгляда он узнал в нем одного из приверженцев Бабека, которого раньше встречал при посещении Базза. Он тут же спросил его:

— Где Бабек?

— На горе, — ответил слуга.

— Кто с ним?

— Только брат Абдалла.

— Проводи меня к нему.

Сахл со слугой поднялся на гору, где сидел Бабек, дожидаясь хлеба. Он подошел к нему, низко поклонился, поцеловал ему ноги и руки и спросил:

— Куда, господин, направляешь свои стопы?

— В страну Рума, — ответил Бабек, — к царю, моему союзнику.

— Господин, — сказал Сахл, — царь Рума вступил в союз с тобой, когда ты был царем и имел много войска; он не сдержит своих обещаний, когда увидит твое теперешнее бедственное положение.

— Что же делать? Посоветуй.

— Доверься мне, пожалуй в мой замок; во всем округе нет замка лучше укрепленного. Я не подчиняюсь халифу, который меня даже и не знает. По договору, слуги халифа не имеют права входа ко мне. Проведи со мной зиму. Обсудим на досуге положение, решим, что дальше предпринимать. Ты можешь располагать моей душой, моим телом, всем моим имуществом, я раб твой. Все дехканы нашего района то-

же твои сторонники. Мы обратимся к ним за помощью, и они будут тебе полезнее войск Рума.

Так говорил Сахл, в душе уже замышляя предательство. Громадная награда, обещанная Афшином, несомненно сыграла свою роль, но и вообще дехканы, поддерживавшие Бабека во время его могущества, теперь, когда его роль казалась сыгранной, с свойственным им двоедушием уже приспособлялись к новой обстановке и переходили на сторону победителя.

Бабек согласился на предложение Сахла и отправился к нему в замок с братом и слугой. А Сахл немедленно послал гонца предупредить Афшина, что Бабек находится у него в замке: пускай Афшин присылает отряд за «добычей». Чтоб убедиться в том, что в замке действительно Бабек, Афшин отправил человека, знавшего его в лицо Бабеку же не известного, и дал ему письмо к Сахлу. Сахл, прочитав письмо, сказал посланному: «Если Бабек увидит здесь чужого человека, он заподозрит, что против него замышляют что-то недоброе и немедленно уйдет; а я не буду в состоянии гнаться за ним; а то наложит на себя руки, и мне невозможно будет помешать ему. Вот что нужно сделать: когда он будет обедать, войди в комнату вместе с поварами и одетый, как они. Если он спросит, кто ты, я скажу, что ты служишь у меня поваром. Если тебя спросит, отвечай то же».

Так и случилось. Бабек, увидев незнакомое ему лицо, насторожился; у него зародилось подозрение, что ему грозит опасность. Он спросил хозяина, кто этот новый человек. Сахл его успокоил, рассказав целую повесть о том, как этот повар пришел из Хорасана, остался у него работать, здесь женился и имеет детей. Бабек на это ответил: «Это хорошо. Человек должен жить там, где его жена».

После обеда посланный Афшина, удостоверившись, что в замке именно Бабек, спешно вернулся к главнокомандующему и передал то, что видел. Но подозрения Бабека все ж не рассеялись. Он решил, что необходимо ему отделиться от брата, чтобы, в случае гибели, брат уцелел и мог продолжать его дело. Поэтому он сказал Сахлу: «Не оставляй здесь Абдаллу, может нам кто-нибудь готовит ловушку, и мы, оставаясь вместе, оба погибнем, а у тебя есть другой замок, отправь брата туда». Самого Сахла он, очевидно, считал выше подозрений. Сахл отправил Абдаллу в замок дехкана Исы ибн Юсуфа ибн Стефана, лежавший неподалеку от его собственного замка.

Тем временем Афшин послал два отряда по тысяче человек каждый к замку Сахла: такой страх наводил еще Бабек, даже потерявший и крепость и войско. Командирам дан был строгий приказ взять Бабека живьем. Об этом нужно было уговориться с Сахлом. Они стали лагерем километрах в шести от замка, в долине, и дали знать его хозяину. Сахл, однако, боялся предать Бабека в своем доме: кто знает, может он добьется помилования и впоследствии страшно отомстит. Надо было устроить так, чтобы он не мог догадаться, кто его предал. Из этих соображений Сахл передал командирам, что он не даст арестовать Бабека в замке. Надо это сделать на нейтральной почве. «Сидите у себя в лагере,—передавал он, — я его уговорю спуститься в долину на охоту. Тут вы его схватите, и он не догадается, что я его предал».

На следующий день он сказал Бабеку: «Я вижу, что ты в унынии, дух твой угнетен твоими неудачами. Тебе необходимо развлечься. У нас тут хорошая охота, у меня есть соколы, дрессированные пантеры и

собаки. Отправимся на охоту». Бабек согласился, и они спустились с горы и под'ехали к месту, где поджидали их воины Афшина. Как только охотники приблизились, на них двинулись оба отряда.

Бабек, как только их увидел, понял, что погиб. Он выпустил сокола, которого держал в руке, а сам, сознавая, что спасенья уже нет, что бежать невозможно, слез с коня и сел на землю. Им овладела бесконечная усталость, чувство полной безнадежности, естественное в человеке, двадцать два года шедшем от удачи к удаче, избалованном счастьем, на которого вдруг один за другим обрушиваются удары судьбы. Особенно пал он духом, когда к нему подошли, схватили и связали, и он увидел, что Сахла не трогают. Он понял, что последняя его ставка, ставка на дехканов, была глубокой ошибкой, которая и погубила его. «Предатель! — воскликнул он, — за сколько динаров продал ты меня?» Немедленно один из отрядов отправился в замок Исы ибн Юсуфа и схватил Абдаллу. Обоих доставили в ставку Афшина.

Велика была радость в ставке главнокомандующего. Кончена долгая борьба, всякие подозрения о его сочувствии Бабеку отпадали сами собой, велика награда, на которую рассчитывал Афшин от халифа. Предатель Сахл был встречен им с большим почетом, он подарил ему почетный халат, венец и лошадь, которую сам подвел, держа под уздцы. Сахл был навсегда освобожден от уплаты хараджа. С этого времени начала восходить звезда дома Сахла, легендарного выходца из Палестины, давшего затем царей Армении, Абхазии и Грузии — потомков Баграта.

Казнь

Немедленно по прибытии пленных Афшин решил сообщить об этом халифу и, не ограничиваясь отправкой курьеров с донесениями, пустил с кратким извещением почтовых голубей, которых держал при ставке. Бурная радость охватила арабское население Савада. По всем городам было опубликовано известие о пленении Бабека, во всех мечетях возносились благодарственные молитвы Аллаху по поводу избавления от страшной опасности, висевшей над исламом в течение двадцати двух лет. Популярность Мотасима среди арабской буржуазии значительно поднялась. Афшин с пленными был вызван в резиденцию халифа в Сурраменра.

Медленно двигался Афшин с войсками и пленными; на каждой остановке его встречали посланные халифа и передавали ему почетные халаты и разные подарки. Наконец он прибыл в Катул, в 30 километрах от Сурраменра, у канала того же названия. Тут его встретил Гарун—сын и наследник Мотасима, принцы

дома Аббаса и высшие должностные лица. Они вручили ему от халифа золотой венец, усыпанный драгоценными камнями, и массивную золотую корону, в которую были вделаны крупные изумруды и рубины; кроме того два пояса, сплошь покрытые жемчугом. Для Бабека прислали громадного серого слона, которого некогда подарил Мамуну один из царей Индии. Слон был покрыт парчей и шелковой материей зеленого и красного цветов. Прислана была и громадная бактрийская верблюдица, тоже богато убранная, а также дураа (верхняя одежда) из красной парчи, грудь которой была сплошь зашита жемчугом и драгоценными камнями, и другая, несколько меньшей ценности, и калансува (высокая шапка, какие носили халифы и высшие придворные), тоже усыпанная драгоценностями. Дураа были предназначены для Бабека и его брата. Когда начался торжественный в'езд в Сурраменра, обоих братьев облачили в эти великолепные одежды, на Бабека надели высокую шапку и посадили на слона, а Абдаллу на верблюдицу.

Бабек в жизни до тех пор не видал слонов и спросил, что это за чудовищное животное, но тем не менее храбро влез на него. Глядя на свои великолепные одежды, он иронически воскликнул: «Какая щедрость великого и могущественного царя по отношению к пленному, утратившему могущество, которому изменила судьба и покинуло счастие, затоптала злая доля, чье благополучие сменилось великой бедой».

Народ, собравшийся отовсюду, чтобы посмотреть на процессию, увидел пленного Бабека, издевательски разряженного в царские одежды.

По обе стороны пути от Катула до Сурраменра на протяжении тридцати километров была выставлена шпалерами вся армия, конница и пехота с разверну-

гыми знаменами. Бабек на слоне и брат его на верблюдице медленно подвигались, оглядываясь направо и налево, взирая на воинство халифа в полном вооружении. Бабек от времени до времени восклицал: «Какое горе. что мне не удалось истребить всех этих собак!»

Громадные толпы народа молча глядели на процессию. Наконец, она достигла площади перед дворцом халифа. Бесчисленные дворцовые постройки, составлявшие сами по себе целый город, были все украшены драгоценными коврами. Во дворе перед дворцом на золотых цепях были прикованы сотни львов. По залам дворца была расставлена личная гвардия халифа в драгоценном вооружении, затем семь тысяч белых рабов и семьсот высших придворных чинов. Стены были обвешаны десятью тысячами позолоченных панцырей и дорогим оружием. Афшин слез с коня перед дворцом. Бабек спустился с своего слона, и пленников повели вслед за полководцем. Они прошли через знаменитую залу, где посередине мраморного бассейна стояло дерево с восемнадцатью ветвями, сделанными целиком из золота; на нем сидели золотые птицы, у которых вместо глаз блестели драгоценные каменья. Наконец они вошли в тронный зал, убранный великолепными коврами исключительной редкости и ценности. Мотасим восседал на троне, по правую руку его стоял верховный кади Ахмед ибн Аби Дуад, по левую — главный евнух. Перед ним была разостлана кожа казней и стоял палач. Казни совершались, по старому обычаю, на этом куске кожи в присутствии халифа.

Когда подошел Афшин, халиф посадил его вблизи себя на почетное место. Затем подвели к трону Бабека.

— Ты в самом деле Бабек? — спросил Мотасим.

Бабек ничего не ответил. Халиф несколько раз повторил свой вопрос, но Бабек продолжал молчать. Афшин наклонился к пленнику и сказал ему:

— Несчастный, горе тебе, сам повелитель правоверных удостаивает тебя разговором, а ты хранишь молчание.

Наконец Бабек ответил:

— Да, я Бабек.

Мотасим тут вспомнил, что он не только царь, но и имам, первосвященник ислама, что народу нужно показать пример благочестия. Он преклонил колена и совершил молитву с благодарением Аллаху за дарованную победу. Затем приступили к истязанию пленника. Сняли с него великолепные одежды и раздели догола. Затем палач отрубил ему правую руку и отрубленной рукой ударил его несколько раз по лицу, потом отрубил ему левую руку и тоже ударил ею несколько раз. Далее были отрублены обе ноги. Бабек катался по кожаному ковру, плавал в луже крови. Тогда Мотасим, чтобы продолжить его муки, велел вспороть ему живот. Наконец, натешившись страданиями пленника, он велел отрубить ему голову. Руки и ноги были привязаны к туловищу, труп его был прибит к кресту на окраине Сурраменра; место это еще долго носило название «Крест Бабека», даже когда сам город Сурраменра, покинутый халифами, уже обратился в развалины.

Брата Бабека, Абдаллу, отправили в Багдад, чтоб его казнью развлечь население столицы. Голову Бабека выставили в Багдаде на главном мосту, а затем отправили в Хорасан, где ее показывали по всем городам и крупным селениям, чтоб жители Хорасана, находившиеся еще под впечатлением молниеносных

успехов Бабека, его могущества и численности его армии, ожидавшие, что он скоро разрушит халифат и совершит революцию во всей империи, убедились, что его нет более в живых. Затем голову его выставили на шесте в Нимапуре.

То, что голова его была послана не на театр его деятельности, в Азербайджан и Джебаль, а в Хорасан, об'ясняется тем, что в Хорасане назревало крестьянское восстание, подготовленное агентами Бабека; там только ждали его появления. Гибель Бабека предотвратила восстание в Хорасане.

Придворная муза широко использовала победу над Бабеком, чтоб воспеть славу Мотасима и победителей.

Славословиям Афшину не было конца. Афшин был осыпан милостями. Халиф подарил ему двадцать миллионов дирхемов и назначил правителем Синды. Сыну его Хасану он дал в жены Утруджу, дочь одного из своих приближенных турецких вольноотпущенников— Ашнаса; сам халиф, окруженный всем двором, отвел ее к жениху, и великолепие свадебного празднества еще долго воспевалось поэтами.

Сахл получил за предательство миллион дирхемов, золотой пояс и корону патриция.

Скоро после казни Бабека и свадьбы сына Афшина Мотасиму пришлось выступить против Феофила. Мотасим стал сам во главе армии, а Афшину была поручена вторая армия, которую вскоре атаковал Феофил. Он был отбит с громадным для него уроном, пало значительное число его патрициев и командиров, он сам спасся совершенно случайно. Афшин выпустил Феофила из рук и повидимому вполне сознательно. Передают, будто в оправдание свое он сказал: «Феофил царь, а цари должны охранять друг друга».

Дорога в Мазандеран

Но недолго уже суждено было Афшину вести свою двойственную политику и, притворяясь усердным слугой халифа, в то же время подготовлять переворот и собственное воцарение. Его погубило восстание в прикаспийских провинциях.

Прикаспийские провинции Гилянь и Табаристан (теперь Мазандеран) с юга окаймлены высокими горами, среди которых возвышается на 5 500 метров над уровнем моря гигант, полупотухший вулкан — Демавенд. Горы эти в описываемые нами времена были покрыты густым лесом. Полоса между горами и Каспийским морем, изрезанная бесчисленным количеством речек и ручьев, представляет собой болотистую низменность, заросшую кустарниками и лесом, и отличается знойным климатом; тут свирепствует малярия —страшная мазандеранская лихорадка. Низины кишат змеями и ядовитыми насекомыми. Завоевание таких местностей сопряжено с непреодолимыми трудностями, а удержать их почти невозможно, особенно когда туземное население, как в Табаристане и горной части Гиляни — Дейлеме, отличается храбростью и воинственностью. Еще в древнейшие времена дейлемиты составляли отборные отряды царей Ирана.

Арабское завоевание лишь слегка коснулось этих стран. Были в сущности только более или менее удачные набеги, когда арабы возвращались с добычей и пленными, но прочно утвердиться в крае они долго не могли. В царствование Мансура удалось овладеть всеми горными проходами и стать твердой ногой в Табаристане. Однако оставлять тут постоянные арабские гарнизоны, вымиравшие от малярии, было бесцельно, и Мамун предпочел заключить договор с местным феодалом, носившим титул испехбеда, Мазиаром ибн Каренам, по которому Мазиар обязался

платить дань халифу, оставаясь вполне автономным во внутреннем управлении. Доход халифа от Табаристана составлял во времена Мамуна более миллиона дирхемов.

Мы знаем, как тяжело ложились на крестьянство такие договоры: кроме дани, обычно платившейся феодалу, приходилось платить дань и халифу. Поэтому крестьяне в Табаристане были всегда склонны к бунтам и восстаниям. Этими настроениями сумел воспользоваться испехбед Мазиар, мечтавший о независимости. Он внушил крестьянам мысль отказаться от уплаты арабской дани, обнадежив их тем, что за высокими горами им нечего бояться карательных экспедиций. Бунт табаристанских крестьян не совпал с восстанием Бабека, хотя большинство населения было ветвью хуремитов. Они носили красные одежды; отсюда имя этой ветви—мухаммира, по-арабски—красные.

Повидимому темное и отсталое население привыкло слушаться своего феодала, а Мазиар не сочувствовал движению Бабека, направленному против феодалов. Восстание в горах Табаристана началось только после того, как пал Базз и Бабек был взят в плен, в 840 году. Мазиар сообщил Мотасиму, что крестьяне отказываются платить, что он не в состоянии внести дань. Халиф приказал ему явиться в Сурраменра, чего, конечно, Мазиар не исполнил, ожидая для себя суровой кары. Табаристан входил в состав областей, бывших под управлением Абдалла ибн Тагира, и Мотасим приказал ему привести Мазиара в повиновение и представить в резиденцию халифа. Абдалла отправил против него своего дядю Хасана с войском. Он выступил из Нишапура и проник в Табаристан, в нескольких сражениях разбил Мазиара и дошел до его столицы — Сари. Поймать самого Мазиара ему долго

не удавалось, но сам испехбед себя погубил. Проникнутый феодальными воззрениями и рассматривая подвластных ему крестьян лишь как об'ект для выжимания налогов, он слишком нажал налоговый пресс; кроме того, по причинам, нам не известным, заставил жителей важнейших торговых центров, лежавших вблизи моря, — Сари и Амоля — переселиться в горы и тем разорил их. Все это породило против него страшное недовольство, и крестьяне поняли, что жить под властью собственного феодала может быть даже хуже, чем под иноземным владычеством.

Когда однажды он с небольшой свитой отправился на охоту, сами крестьяне сообщили об этом Хасану, провели его отряд к лагерю Мазиара, и испехбед попал в плен. Его отправили в Сурраменра, причем он отказался в'езжать в город на слоне, как Бабек, и его, связанного, положили на мула и таким образом доставили во дворец.

Тем временем Абдалла ибн Тагир нарядил следствие для выяснения причин восстания, и обнаружились нити, связывавшие Мазиара с Афшином.

Феодальные владения Афшина входили в область, которой управлял Абдалла, и на почве постоянных столкновений, происходивших между ними, они стали непримиримыми врагами. Абдалла ухватился за нити, выявившиеся при расследовании восстания Мазиара, и выяснил много из скрытой деятельности Афшина. Он установил, что громадные суммы пересылались Афшином в Ошрусну из добычи Базза, из контрибуций, им взысканных с дехканов, стоявших на стороне Бабека, выяснил он и то, что между Мазиаром и Афшином велась секретная переписка. Все это он поспешил сообщить халифу. Мотасим сам допросил Мазиара и вынудил у него признание, что на восстание его

Гора Демавенд

подбил Афшин, что Афшин все время вел подпольную работу в целях ослабления халифата и уничтожения арабов. Мазиар получил четыреста ударов кнутом, после этого он попросил пить, а когда выпил, тут же скончался. Тело его было распято на кресте, поставленном вблизи креста, на котором висел труп Бабека. Сняты трупы были только в 842 году, после смерти Мотасима.

Донесения Абдаллы ибн Тагир и показания Мазиара открыли халифу глаза на деятельность Афшина; он был посажен в тюрьму и по его делу наряжено следствие.

Следствие показало, что Афшин был втайне манихеем, зиндиком. Было доказано, что у себя на родине он избил двух мулл за то, что они храм огнепоклонников обратили в мечеть. Было доказано, что он хранил у себя священную книгу манихеев, в роскошном переплете, осыпанном драгоценными камнями, великолепно переписанную и с художественными рисунками в тексте. Было доказано, что он издевался над исламом, ел мясо задушенных животных, совершал манихейские обряды, арабов звал «собаками, которым бросают кость, чтобы потом их бить по голове». Мечтал о восстановлении иранского государства и «белой» религии.

Кроме того выяснилось, что он утаил от халифа громадные богатства, найденные при взятии крепости Базз, присвоил их себе и тайно переправил в свой замок в Ошрусне, подготовляя восстание против халифа и отпадение своего княжества от империи. Правда, он отрицал все эти обвинения. Наказание мулл он оправдывал тем, что огнепоклонники пользовались веротерпимостью; по закону, храмов их нельзя было обращать в мечети. Хранение манихейской священной

книги он об'яснял тем, что она досталась ему в наследство от отца. Издевательство над исламом и арабами и совершение манихейских обрядов он категорически отрицал. Утайка денег была столь обычным явлением со стороны правителей и командующих войсками, что на этом преступлении суд не останавливался.

Его сношения с Мазиаром, его замыслы против арабского владычества, его зиндикизм — всего этого было вполне достаточно для вынесения смертного приговора. Однако влияние своих соплеменников, явные симпатии к нему иранских феодалов не позволили Мотасиму подвергнуть его публичной казни. Он умер в тюрьме обычной для того времени смертью: ему не давали пить, и он умер от жажды—род смерти, очень удобный для халифа в том отношении, что не оставлял никаких следов насилия, сохраняя видимость естественной смерти.

Труп Афшина был потом распят у ворот Суррамен-ра; перед крестом свалили кучу идолов *, будто бы найденных в его доме, которые затем были сожжены.

---

* Ни религия Зороастра, ни ветвь ее — манихейство — идолам не поклонялись. Идолы были брошены для отвода глаз народа. Поклонение идолам было наиболее страшным грехом для мусульман.

Заключение

Историю Бабека мы знаем исключительно из арабских источников, и известия о нем скудны и, главное, отрывочны. Вполне понятно, что победы Бабека арабские историки считают позорной страницей в истории халифата, и они касаются этого периода жизни Бабека лишь вскользь: не описывают подробно ни порядков, которые Бабек вводил, ни даже военных действий, благодаря которым он выходил победителем. Зато его крушение, падение Базза, пленение и казнь любовно рассказываются на многих страницах. Вследствие такой неравномерности материала в биографии Бабека имеются существенные пробелы, не дающие возможности вполне подробно обрисовать характер крестьянского вождя. Однако в общем облик его достаточно ясен.

Выходец из низов крестьянского населения, выросший среди нищеты, невежества и угнетения, Бабек выдвинулся благодаря необыкновенной одаренности и исключительному организаторскому таланту.

В самом деле, везде, где мы сталкиваемся с крестьянскими восстаниями, мы видим чрезвычайную ограниченность размаха этих восстаний, неспособность их вождей к об'единению больших масс. Каждая крестьянская группа сражается против своего господина, своего феодала, и лишь в очень редких случаях оказывает соседям поддержку в борьбе с такими же феодалами; дальше своего округа повстанцы ничего не видят. Еще менее у крестьянских вождей способности организовать массы, руководить широким социальным движением.

Бабек использовал восстание, возникшее в Ардебильском округе, не только для того, чтобы освободить крестьян своего округа, но чтобы добиться освобождения от эксплоатации крестьянства всей страны на всей территории древнего Ирана. Из каждого селения и города, где он поднимал восстание, он брал людей для борьбы за новое село, за новый город, и силы его росли и множились, как лавина. И организаторские способности были у него недюжинные, ведь у него была, когда его могущество достигло высшей точки, армия, численностью не менее чем в 200 тысяч человек, которых надо было снабжать всем необходимым и, главное, оружием. Оружейным же ремеслом в Азербайджане занимались мало, и главным источником, откуда Бабек мог получать оружие, являлось поле битвы, где хуремиты снимали его с убитых и пленных. Оружие того времени состояло из лука, стрел, копий, мечей и боевых топоров, для защиты надевали на головы шлемы, на тело панцырь; панцыри были, впрочем, не металлические, как у византийцев, а кожаные с металлическими полосками, или металлические кольчуги. Изготовлять их, конечно, повстанцы не могли. Имелись в то время у арабов осадные орудия,

метавшие громадные камни, которые разбивали стены укреплений. В войсках халифа были отряды людей, одетых в несгораемые одежды, метавших в осажденные города горшки с горящей нефтью. У Бабека, конечно, не было осадных орудий, что и не дало ему возможности овладеть Марагой, не было и нефтяников, а, главное, не было конницы. Передвижение войска требовало громадного количества верблюдов, соответственно приходилось заготовлять им корм. Таким образом, организация массового восстания была связана с большими трудностями. Необходимо было иметь исключительные организаторские способности, чтоб справиться с таким сложным делом.

Ничего подобного мы не видим во время крестьянской войны в Германии; там действовали отряды самое большое в 10—15 тысяч человек, район действия каждого отряда был невелик и ограничивался пределами своей округи или княжества, между тем как громадное войско Бабека занимало территорию двух громадных провинций халифата, с пространством до 400 тысяч кв. километров, т. е. территорию большую, чем вся Италия или даже Польша.

Нрава Бабек был крутого и сурового, и это было необходимо; только строгостью и жестокостью можно было внедрить хоть какую-нибудь дисциплину в армию, состоявшую из полудиких людей.

Насколько широк был его политический кругозор, показывает его переписка с византийским императором. Союз вождя крестьянского восстания с самым могущественным монархом тогдашнего мира, с главой Римской империи, является фактом беспримерным в истории; этому трудно было бы поверить, если бы не единогласные свидетельства и арабских и византийских историков.

Весь план действий Бабека, насколько мы можем его угадать, свидетельствует тоже об его исключительной одаренности. Движение на Гамадан, чтобы прервать сношения Хорасана с Багдадом и подвоз в столицу денег и солдат из восточных провинций, дальнейший поход в Хорасан для поднятия там восстания — рисуют его как крупного стратега.

Он чувствовал себя не только царем земным, но богом, и поклонение, которое ему воздавали крестьяне, освобожденные от рабства и угнетения, только утверждало его в этом чувстве. Это же сознание своей божественности привело его к тем ошибкам в ведении войны, которые погубили восстание и были причиной его гибели. Благодаря военным хитростям он без труда обращал в бегство нестройное войско ополченцев, собранных в провинции по принудительному набору. Продолжительные успехи партизанской войны вселили в него презрение к врагу, чувство непобедимости, и он рискнул вступить под Гамаданом в бой в открытом поле, не учитывая того, что перед ним регулярное войско турецких и берберийских наемников, обученное, дисциплинированное, имеющее военный опыт. У врагов были осадные машины, отряды нефтяников, великолепные стрелки, а главное, воины, сражавшиеся на конях, одетые в панцыри и кольчуги. Ничего этого у Бабека не было и не могло быть. Особенно чувствовался недостаток конницы. Лошадей вообще было мало в те времена; даже в Аравии они представляли большую ценность. Для передвижения войск употреблялись верблюды, на которых садилось по два бойца. На коней садились только во время боя, и у арабских кочевников лошади были только у родовой знати, у старшин племени. Нечего говорить, что у азербайджанских крестьян лошадей не могло быть, а

если они у кого-нибудь и были раньше, то теперь исчезли в результате бесчисленных реквизиций, производившихся в условиях военного времени.

Как только Бабек после гамаданского разгрома вернулся к партизанской войне, к отсиживанию в крепости, к засадам, к ночным нападениям, успех вернулся к нему; все силы Афшина не были в состоянии взять Базз в течение двух лет, и армия халифа терпела громадный урон, страдая и от холода, и от недостатка провианта. Как только Бабек отступал от партизанской тактики, он неминуемо терпел поражение: так было, когда он вышел в ущелье навстречу Афшину, так было, когда он послал Адсина атаковать Зафара. Последний смелый маневр, когда он всю армию бросил в засаду в расчете ударить в тыл Афшина во время штурма крепости, не удался и привел к падению Базза.

Громадной ошибкой Бабека было его отступление, особенно в последний период его деятельности, от твердой классовой линии, его ставка на дехканов. Надежды его на мелких феодалов, на их ненависть к арабам, расчет на использование их военного опыта, их знаний, их умения командовать и руководить — не оправдались и не могли оправдаться.

Поведение дехканов определяло то двойственное положение, которое они занимали в социальной структуре халифата: с одной стороны, крепостники, эксплоататоры крестьян, выжимающие у них все соки в свою пользу и в пользу казны, облеченные властью над ними; с другой — сами об'екты угнетения и притеснений со стороны правительства, его агентов, уполномоченных принцесс царского дома. Они были бы рады изгнанию арабов, но лишь при условии, что сами они останутся при своих владениях и при зависимых.

от них крестьянах. Когда угнетение со стороны завоевателей-арабов чувствовалось особенно сильно, дехканы несомненно сочувствовали перевороту и готовы были присоединиться к восставшим крестьянам; но когда крестьяне побеждали и изгоняли арабов, у дехкан возникало опасение, что очередь дойдет и до них, что крестьяне отплатят им за издевательства, и во всяком случае перестанут на них работать, а все земли, которые обрабатывают, будут обрабатывать для себя. Это опасение имело основание и казалось более грозным, чем власть арабов, что и побуждало их в критический момент переходить на сторону халифа и предавать крестьян в руки врагов. Когда дехканы увидели, что Бабеку не справиться с силами халифата, они с великим усердием старались загладить свою вину перед арабами, стали их преданными союзниками.

Ставка на дехканов отталкивала крестьян—основу всего движения — и таила в себе предательство со стороны дехканов. Она была причиной окончательной гибели Бабека.

Каковы были последствия восстания Бабека, какую роль сыграло оно в судьбах иранского крестьянства и всей империи халифов в целом? Какие изменения произошли в социальной структуре халифата под его влиянием?

С самого основания империи халифов в ней замечаются феодализационные процессы, развивающиеся различно в западной половине халифата, отвоеванной арабами у Римской империи (Сирия, Египет), и в восточной — бывшей территории иранского государства Сассанидов. Ко времени арабского завоевания феодализационные процессы бурно развивались в Римской империи, создавалось крупное землевладение с крепостными, с собственными вооруженными отрядами, с

из'ятием помещиков из общей юрисдикции. Этот процесс продолжался в завоеванных арабами областях, после перехода их к новым властителям, лишь изменилась национальность землевладельцев: на место помещиков греческой, сирийской, армянской национальности становится арабская родовая знать.

В восточной половине халифата арабы застали уже своеобразный, связанный еще с патриархальностью, феодализм. Мелкие феодалы, дехканы, происходят от старейшин селений, тесно связаны родством с подвластным им крестьянством, которое они эксплоатируют, проживая сами на местах. Крупные землевладельцы живут большей частью при дворе царей или в центрах провинций, порученных их управлению, но не прерывают связи с своими поместьями, заботятся о развитии земледелия, вкладывают в него даже средства.

Завоевавшие Иран арабы в первое время большей частью оставляли феодалам владение их имениями, взимая с них лишь дань, но мало-помалу, под разными предлогами имения конфисковывались, поступали в казну. Наряду с этими дефеодализационными мерами шла однако усиленная раздача земель принцам крови, приближенным халифа: при Оммайядах—преимущественно арабской родовой знати, при Аббасидах — их вольноотпущенникам иранского происхождения. Сперва раздавались пустопорожние земли — мават,—которые нужно было еще «оживить» (устроить сеть оросительных каналов, заселить крестьянами), но скоро стали раздаваться и населенные земли, не требовавшие затрат. Новые владельцы не жили в своих имениях, и единственная связь их с подвластными крестьянами выражалась во взимании с них оброка деньгами или натурой. Казне владельцы платили деньгами, но платили мало, а то и вовсе не платили, если пользовались

влиянием при дворе. Право собственности в этих имениях оставалось за казной, и над владельцами всегда висел дамоклов меч конфискации в случае немилости халифа. Тормозила развитие земледелия не только неуверенность во владении землей. Громадный отлив денег в центр, в резиденцию халифа и в большие города Савада, где царила торговая буржуазия, отнимал у провинции оборотный капитал и также задерживал развитие местных производительных сил.

В IX веке, начиная с преемников Мотасима, замечается в империи халифов резкое усиление темпов феодализации, и здесь восстание Бабека сыграло громадную роль.

Недостатки военной организации, сказавшиеся в царствование Мамуна, бессилие войск, состоящих из ополченцев арабской и иранской национальностей, подавить восстания крестьян и обуздать стремления эмиров к отпадению от халифата, особенно ярко обнаружились во время восстания Бабека. Потребовалась реорганизация военного дела и создание постоянного войска, составленного из иноземного элемента. Наиболее благодарный материал для организации новых войск доставляли турки и берберы — купленные рабы; привязанные не к государству, а лично к халифу, отпускавшему их на волю, расточавшему им всякие милости, деньги и земли. Это, в сущности, те же «верные»—личная дружина правителя, — которые были зерном феодального строя и в Западной Европе.

Но для такого войска требуются деньги и деньги, и халифам приходится всемерно усиливать обложение, напрягать все финансовые средства государства, возбуждая этим недовольство населения.

Своеволие и бесчинства этих полудиких воинов, которым потакают халифы, отталкивают от династии ее

главную классовую опору — буржуазию Савада, и скоро халифы оказываются полностью в руках своих вооруженных рабов, делаются игрушками в руках турецких военачальников. Рядовые воины более преданы своим командирам, вышедшим из их же среды, из тех же рабов, чем халифу, на которого смотрят лишь как на дойную корову. При каждом восшествии на престол нового халифа, возведенного волей его гвардии, он принужден раздавать преторианцам всю наличность казначейства, а если и этого мало для ненасытных требований солдат, приходится за бесценок отдавать на откуп доходы той или иной провинции, чтобы скорее выплатить подарки войску и спастись от грозящей смерти.

Не прошло и ста лет после смерти Мотасима, как почти все области халифата были уже разобраны откупщиками, которые становились одновременно и правителями провинций, сосредоточивая в своих руках и администрацию, и войско, и финансы. Доходы халифов падают с 400 миллионов дирхемов до 24 миллионов. Раздавши все провинции, халифы не в состоянии уже содержать большое войско; провинции начинают жить совершенно независимой жизнью. Правители их уже обходятся без назначения со стороны халифов. Смелый предводитель шайки вооруженных турок, массами проникающих из Средней Азии в пределы халифата, захватывает ту или иную область, прогоняет местные власти, а затем почтительнейше просит халифа утвердить его в звании правителя. Это так называемый в мусульманском праве «эмират по насилию»: мусульманский закон рекомендует непременно утверждать таких эмиров, во избежание кровопролития между мусульманами.

Наконец через двести лет после смерти Мотасима

вождь одного из турецких племен, потомок Сельджука, завладевает Багдадом, лишает халифа светской власти, оставляя за ним лишь роль духовного главы мусульман, покоряет отложившиеся области и вводит в воссозданной империи вполне феодальный строй, раздает своим воинам вместо денег земли с крестьянами, взамен чего новые помещики обязаны являться по первому требованию для службы в войске.

Развал халифата, создание провинциальных центров с своими наследственными правителями, окруженными двором, привлекающими к нему ученых и поэтов, стремящихся перещеголять друг друга роскошью, имел громадное значение в экономическом отношении. Обеднение халифата отразилось на торговле Багдада и Басры; торговая буржуазия Савада потеряла значительную часть своих доходов и уступила первое место в мировой торговле Александрии в Египте. В провинциальных центрах, куда теперь стекались деньги от налогов, развилась промышленная жизнь, начался мощный расцвет ремесл. В Бухаре, в Мерве, в Газне, в Испагани, в Рее и других городах создалась своя зажиточная буржуазия, возникли великолепные дворцы и мечети, начала развиваться торговля.

Создание Мотасимом постоянной армии из турецких рабов и вольноотпущенников приводит в X веке к завершению феодализационного процесса и одновременно к расцвету провинциальных городов, а одной из важнейших побудительных причин создания постоянной армии послужило восстание Бабека, подавить которое оказалось не под силу старой армии из ополченцев и добровольцев.

Каковы же были судьбы иранского крестьянства после гибели Бабека? Что сталось с хуремитским дви-

жением после подавления восстания азербайджанских крестьян?

Тяжелая доля иранского крестьянина в общем не стала легче; напротив, за исключением немногих местностей, она стала еще тяжелей. Крестьянин был единственным плательщиком налогов в мусульманских странах, и теперь, когда безумная роскошь багдадского двора сменилась не менее безумной роскошью бесчисленных провинциальных дворов — двора Саманидов в Хорасане, двора Газневидов в Газне, двора Гамданидов в Мосуле и Алеппо, двора Фатимидов в Каире, — ему пришлось платить гораздо больше, чтобы кормить бесчисленные стаи паразитов при дворах эмиров. Если ремесла в городах расцветали, то покупателями продукции промышленности являлись горожане, в первую голову эмиры и их придворные, и крестьяне должны были оплачивать эту продукцию непосильным трудом. Дворы эмиров не могли обходиться без заморских товаров — пряностей, дорогих тканей, благовоний. На этих товарах создавал свое благополучие городской торговый капитал, а на покупку их шли деньги, добытые трудом крестьян.

Но не только расцвет города тяжело ударил по крестьянству; его разоряли беспрерывные усобицы между правителями, постоянные передвижения по территории Ирана тех или иных войск; войны эмиров между собой из-за клочков земли, набеги турецких шаек, то и дело налетавших из-за Сыр-Дарьи, — все это падало на крестьянина и только на него. Горожане отсиживались за крепкими стенами или откупались от осаждающих, а у крестьянина уничтожались посевы, угонялся скот, сжигались постройки. Своеволие турецкой военщины не имело границ, не имели границ и страдания крестьянина.

Во многих местах крестьяне бросали свои земли и селения, бежали в города или сами поступали в отряды эмиров. Бывало, что и сами они становились предводителями отрядов и правителями провинций. Земледелие запускалось, оросительные каналы засорялись, земля стала давать все меньше и меньше. Расцвет городов приводил к упадку деревни, их питавшей; и неминуемо должно было наступить крушение всей системы. Это крушение, постепенно назревая, внезапно обрушилось на все государство под давлением мировой катастрофы — монгольской бури.

Стройные армии Чингиз-хана и Гулагу смели дворы эмиров с их роскошью и расточительностью, сравняли с землей города, истребили их жителей или увели их в далекие страны Востока, оставив лишь крестьян, как источник налогов новым повелителям.

Как же реагировали крестьяне на все бедствия, которые свалились на них, крестьяне, которые так часто восставали при первых Аббасидах и столь долго боролись под знаменем Бабека? Что сталось с их мечтаниями о пришествии царя Ширвина, о грядущем царстве божием на земле?

Известия о крестьянских восстаниях еще попадаются на страницах арабских исторических хроник, но их очень мало. Возглавляются эти восстания классово чуждыми элементами. Так, в том же Азербайджане в 848 году, невдалеке от театра действий Бабека, происходили жаркие бои вокруг города Меренда, где крестьянами руководил дехкан; восстание было быстро подавлено, дехкан взят в плен и казнен. На границах Азербайджана и Джезира в середине IX века имело место восстание курдов. В Табаристане восстали крестьяне под предводительством одного из потомков Али; восстание окончилось удачно; крайнее

ослабление халифата в эту пору, в связи с дворцовыми переворотами, не дало возможности подавить это восстание, и Табаристан отделился от империи, стал самостоятельным княжеством, где правил вождь восставших, а после него его потомки. Крестьяне остались у разбитого корыта и продолжали трудиться на новых господ.

В общем настроения крестьянства приняли иные формы и пошли по трем различным путям.

Неудачи восстаний, особенно восстания Бабека, много сулившего крестьянам, принесшим ему столько жертв, повергли большую часть их в глубокое уныние. Надежды на скорое пришествие обетованного мессии, царя Ширвина, которого они видели в Абу Мослиме, в Бабеке, — исчезли. И массами с нарастающей силой начал овладевать тот религиозный дурман, который обычно усиливает свое влияние на умы в эпохи реакций, в эпохи, следующие за неудавшимися восстаниями и революциями, в эпохи разбитых надежд. Повсюду в Иране появились бесчисленные братства суфи-дервишей, проповедывавших аскетизм, умерщвление плоти, отречение от мира, суливших за страдания на земле награды в потустороннем мире. Вступавший в братство отрекался от личной жизни, давал клятву беспрекословного повиновения руководителям, которые становились безграничными властителями над телами и умами братьев низших степеней и могли их неограниченно эксплоатировать. Они подвергали братьев разного рода физическим упражнениям, имевшим целью притуплять их ум, создавать из них безвольных кукол, рабов высших должностных лиц братства. Братья должны были по нескольку тысяч раз в день повторять имя божье, прыгать, вертеться на месте, пока не падали в изнемо-

жении. Все это должно было, по учению дервишей, приблизить братьев к божеству, заставить забыть земные горести, дать им предвкушение райского блаженства. С этого времени дервиши (в Средней Азии их называют ишанами) становятся виднейшими и наиболее влиятельными фигурами в жизни крестьянства Ирана. Крестьянин считает их святыми, божьими людьми, он отдает им все, чего они ни потребуют, из своего имущества, вплоть до своей жены. Влияние официального духовенства, мулл, ничтожно в сравнении с влиянием дервишей, и правительствам восточных государств приходилось, да и сейчас приходится, очень считаться с ними. По их наущениям, в результате их агитации случалось немало бунтов и переворотов, направленных против правителей, ставших почему-либо неугодными руководителям братств.

Другая часть крестьянства пошла по иному пути, пути тоже обычному для эпох реакций, пути заговоров и террора, глубокого подполья и тайных организаций.

Девятый век — эпоха после гибели Бабека — явился свидетелем массового перехода иранского крестьянства в ислам, и хуремитизм исчезает из истории Ирана. Этот переход давал некоторое облегчение от налоговых тягот (освобождал от подушной подати) и делал новообращенного равноправным по отношению к старым мусульманам: с тех пор как турки, сами недавно принявшие ислам, стали хозяевами халифата, отошло в далекое прошлое время, когда арабы обращались с новообращенными других национальностей как с низшими существами.

Но, принимая ислам чисто внешне, крестьяне свято хранили в сердце своем хуремитские верования, верования в переселение душ, в грядущее воплощение

царя Ширвина. И эти свои верования они приспособили к исламу. Наибольшее распространение между ними получила мусульманская секта измаилитов, появившаяся много раньше, но лишь теперь получившая широкое распространение. Эта секта, признававшая и Аллаха, и Мохаммеда, и божественность корана, признавала и пришествие в конце времен обетованного мессии, Махди, который должен уничтожить неправду, господствующую в мире, и водворить царство божие на земле. Это пришествие, обещанное, хотя в смутной форме, ученьем Мохаммеда, как нельзя лучше совпадало с хуремитскими верованиями в Ширвина: изменилось только имя обетованного мессии. Один из потомков Али, который, по учению измаилитов, был воплощением божества, Измаил, имел сына Мохаммеда, погибшего еще при жизни отца при таинственных обстоятельствах. Измаилиты учили, что дух божий, воплотившийся в Али и переселявшийся затем в тела его законных преемников, спас Мохаммеда ибн Измаила от гибели, скрыл его от глаз людей и, когда настанет час, вселится в него и появится перед людьми в качестве обетованного Махди. Ему надо беспрекословно повиноваться и теперь, а ввиду его невидимости, надо повиноваться его посланным. На основании этого учения была создана грандиозная тайная организация, опутавшая своими сетями все страны ислама. Под ее руководством происходили многие заговоры, террористические акты, подчас и опасные для халифата восстания.

Мы знаем, что Алиды выдвигались везде на территории халифата недовольными классами в качестве вождей, но восстания, руководимые потомками Али, были разрозненными и легко подавлялись халифами. Теперь энергичные и смелые люди, захватившие ру-

ководство измаилитскими организациями, делают попытку об'единить всех недовольных против халифата для его разрушения. В северной Африке они ищут приверженцев среди берберов — кочевников, угнетавшихся арабами; в Египте их опорой была торговая буржуазия Александрии, которая страдала от конкуренции Багдада, и туземное крестьянство. В Аравии к измаилитам примыкают торговые слои побережья Персидского залива, которых забивали торговцы Басры, Сирафа и других портов персидского берега. В северном Иране их приверженцами стали крестьяне, бывшие хуремиты.

Организация была хорошо продумана. Руководителем и пропагандистом в местных группах являлся присланный высшими должностными лицами организации миссионер — дай; он был единственным лицом, которого знали члены группы. Он сам знал только пославшего его, а верховные руководители были известны только немногим надежным помощникам.

Организация имела девять степеней, и прохождение степеней, переход из низшей в высшую, было обставлено таинственными обрядностями, грозными испытаниями, сильно действующими на умы сектантов.

Подпольная пропаганда шла чрезвычайно успешно в течение всего IX века, первые ее результаты сказались в X веке в западной половине халифата, где восстали берберы в северной Африке. Там образовалось независимое государство, возглавляемое верховным руководителем секты, выдававшим себя за обетованного Махди. Вскоре он завоевал Египет и подчинил своему влиянию почти всю Аравию. В восточной Аравии секта дала плоды в виде создания республики карматов, опиравшейся на арабских ко-

чевников, своими набегами наводивших ужас на города Ирака.

В северном Иране измаилитизм выступил активно лишь в половине XI века с появлением в Табаристане и Дейлеме Хасана ибн Сабаха, создавшего независимое княжество в неприступных горах этих провинций, откуда он рассылал убийц, таинственно поражавших всех мало-мальски выдающихся людей среди правителей халифата, министров и военачальников.

Наконец, та часть крестьян, которая не впала в отчаяние и сохранила активность, бросала землю, не дававшую им ничего, кроме непосильного труда и нищеты, и поступала в наемные войска разных авантюристов, стремившихся в конце IX и начале X века завладеть той или иной провинцией распадавшегося халифата. Они составили в конце IX века войска Якуба ибн Саффара, завладевшего Сейстаном, Керманом, Фарсом, Хузистаном, не раз обращавшего в бегство даже турецкие войска халифов и на короткое время добившегося от халифа утверждения в должности правителя этих провинций.

Крестьяне Дейлема и Табаристана в X веке образовали армию под предводительством сыновей Буйе, вышедших в свое время из рядовых воинов. Они захватили не только почти весь Иран, но и Багдад. Им удалось ограничить светскую власть халифов, взяв все управление халифата в свои руки. Непрерывные войны и междоусобицы этого периода дезорганизовали торговлю, породили отлив денег из оборота, и вместо денег Буиды платят своим дружинникам землей, точнее — предоставляют им самим собирать подати с крестьян на отведенном каждому имении или участке. Раздоры между членами правящего дома не дали этой феодальной организации раз-

виться в полной мере, и феодальный строй окончательно укрепился лишь с водворением в XI веке турок-сельджуков.

Крестьяне, бежавшие от земли, ставшие воинами, быть может и улучшили свою долю, но крестьяне, оставшиеся прикованными к земле, продолжали работать не для себя, но для господ, причем к старым паразитам присоединились новые — дервиши, даи и измаилитские вожди, и все это в обстановке постоянных передвижений шаек и отрядов воюющих между собой эмиров, которые не столько сражались, сколько грабили мирное население, в первую голову — крестьян.

Восстание Бабека потерпело крушение. Поскольку мы можем догадываться по скудным известиям арабских историков, мечты, которые он стремился осуществить, цели, к которым он стремился, состояли не только в том, чтобы свергнуть арабское иго. Бабек хотел создать в странах Ирана крестьянское царство, без помещиков, без паразитов, которые высасывали все соки крестьянина. Крестьянин должен был получать весь продукт своего труда, владеть землей, которую он обрабатывал, а править страной должен был он, Бабек, воплощение божества. И должна была настать та веселая, счастливая жизнь, которую он пытался создать уже с начала восстания. В его мечтах не было места аскетизму, отречению от мира, которые обыкновенно сопутствуют движению крестьян в средние века. Его самого и его единомышленников не тянуло к потустороннему миру, к раю в небесах. Рай должен был наступить на земле.

Конечно, в те времена мечты эти были неосуществимы, и такое движение было обречено на неудачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ад. Древнее арабское племя, которое упоминается в Коране как очень могущественный народ.

Азербайджан. Провинция халифата, которая соответствует провинции современного Ирана того же названия. Азербайджанская ССР не входила в прежний Азербайджан, а составляла во время халифата четыре провинции — Арран, Мукан, Гуштасфи и Ширван. Населен был Азербайджан во время халифата иранцами, позднее — тюркским племенем, которое теперь составляет коренное население провинции. То же племя населяет и Азербайджанскую ССР.

Александрия. Главный порт Египта на Средиземном море. Был всегда важнейшим торговым центром и посредником Египта в торговле Востока с Европой.

Алеппо. Город в северной Сирии. Древний важный центр на торговом пути из Багдада к Средиземному морю.

Аммория. Город в Малой Азии, родина императора Византии Михаила I и сына его Феофила.

Антропоморфизм. Термин, употребляемый для характеристики религиозных представлений, рисующих божество со свойствами человека.

Ардебиль. Древний город в северо-восточной части иран-

ского Азербайджана на реке Кара-Су. Во время халифата был не раз центром провинции.

Аристотель. Знаменитый древнегреческий философ, живший в IV веке до н. эры. Он работал и писал в области всех наук, известных древнему миру. Обосновал и систематизировал целый ряд отделов знания. Его философское учение господствовало в течение средних веков в Западной Европе, куда оно пришло через посредство арабов. Был учителем Александра Македонского.

Армения. Горная страна между Малой Азией и Каспийским морем; во время халифата большая часть ее принадлежала арабам.

Арран. Провинция халифата; теперь составляет часть Азербайджанской ССР; находился между реками Араксом и Курой.

Ахваз. Главный город в провинции халифата Хузистан; существует и теперь в провинции Ирана, которая тоже называется Хузистан, с главным городом Дизфуль.

Балх. Город в северном Афганистане; во время халифата был одним из важных городов тогдашней провинции Хорасан.

Басра. Крупный торговый город на правом берегу реки Шат эль Араб, в которую вливаются реки Тигр и Евфрат. Лежит в 90 километрах от Персидского залива. Город основан арабами в 637 году и во время халифата был важнейшим портом для торговли с Индией и Дальним Востоком. Морские суда могут свободно подходить к самой Басре ввиду глубины Шат эль Араба.

Берберы, или берберийцы. Названия племен так называемой Ливийской расы в северной Африке, живущих между Средиземным морем и пустыней Сахарой, Египтом и Атлантическим океаном.

Берзенд. Город халифата в Арране, недалеко от реки Аракс.

Б о г а́. В истории халифата известны двое, носивших имя Бога́ (Бога́-старший и Бога́-младший). Из рабов халифа Бога́-старший выдвинулся на первые должности государства; после смерти Мотасима участвовал во всех дворцовых переворотах.

Б о р д ж. Город в западном Иране. Во время халифата составлял владение знатного араба Абу Долафа, перешедшее потом к его детям. В отличие от других государственных земель, плативших казне халифа аренду в виде части урожая, земли Борджа были обложены определенной денежной суммой, которая не подлежала изменению.

Б р а м а н и з м, или б р а х м а н и з м. Термин, принятый европейской наукой для обозначения социальной и религиозно-философской системы древней Индии, легшей в основание современной господствующей религии Индии — индуизма. Возникновение браманизма связано с переходом завоевателей Индии — арийцев — от кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледелию. Браманизм устанавливал наследственность профессий, называвшихся кастами; переход из касты строго воспрещался, что обеспечивало привилегированное положение высших классов — жрецов-браминов, и кшатриев — воинов, представителей крупного землевладения.

Эта религиозная система включала всех богов и духов, в которых веровали до установления браманизма; она изображала их проявлениями всеоб'емлющего духа — мировой души Брамы. Большое значение имела в браманизме вера в переселение душ; души грешников, т. е преступивших законы браманизма, переходят, по этому учению, в тела других людей и даже животных, пока не искупят своих грехов; души же праведников переходят в тела людей высших каст и могут даже становиться богами. Боги же воплощаются в тела людей для спасения мира, когда миру угрожает гибель от злых духов, великанов и т. п.

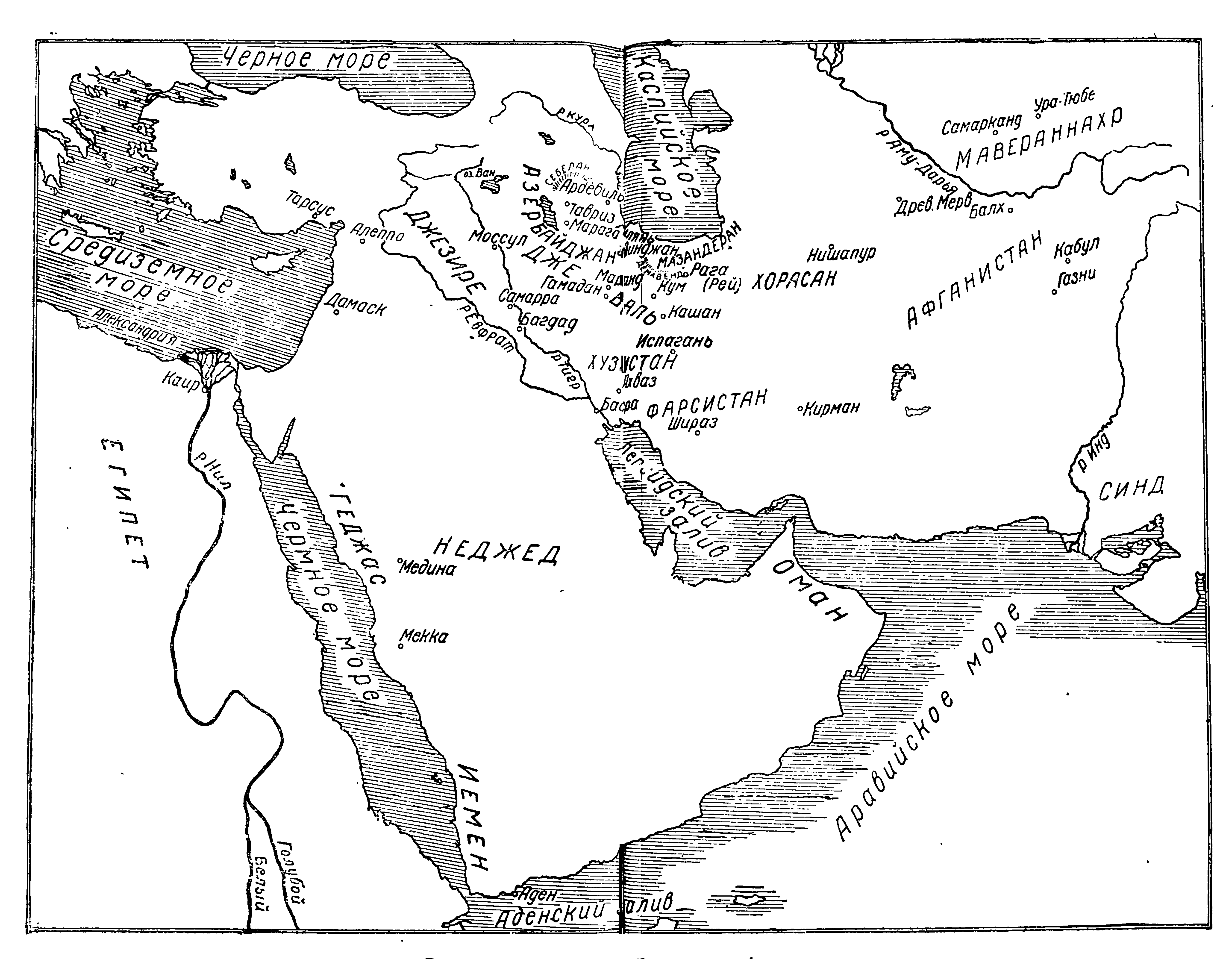
По учению браманизма, от цепи переселений человек может

освободиться только отречением от мира, самоистязанием, умерщвлением плоти; душа такого отшельника может после смерти прямо раствориться в мировой душе.

Буддизм. Религиозная идеология, появившаяся в конце VI и начале V века до н. эры и вытеснившая браманизм в Индии на несколько столетий. Основан буддизм, по преданию, царевичем Гуатамой, своим благочестием добившимся еще при жизни полного просветления, достигшим состояния Будды; это состояние, по учению буддизма, ставит человека выше богов и делает всеведущим и всемогущим. Учение, которое приписывается Гуатаме и легло в основу буддизма как религии, не знает бога-творца. Буддизм сохранил браманистскую веру в переселение душ, в возможность для человека, вследствие своего благочестия, возвыситься через ряд воплощений до состояния полубога, бога, стать выше богов, стать Буддой. Высшее же благо, которого может достичь человек, это погрузиться в нирвану — в ничто, где угаснут все страсти, все желания, прекратятся перевоплощения, словом, исчезнуть, как исчезает пламя свечи, когда его потушат. Религия буддизма исходит из мысли, что всякое бытие есть страдание.

Буддизм возник в переломный период истории Индии, период кровавых междоусобных войн феодальных князьков, принесший неисчислимые бедствия населению, которое искало утешения в мечтах о счастье в загробной жизни. Буддизм вел ожесточенную борьбу с браманизмом и продержался, как религия высших классов, более тысячи лет, затем он исчезает из Индии, держится еще в Средней Азии несколько столетий, уступив позже место исламу, зато широко распространяется в Китае, Тибете, Монголии, Индо-Китае и на Цейлоне, где господствует и до сих пор.

Буйе. Под именем буидов, т. е. потомков Буйе, известны иранские авантюристы, выходцы из крестьянства Табаристана, бросившие земледелие и поступившие в отряд одного искателя

Схематическая карта Западной Азии

приключений, который стремился создать себе самостоятельное княжество в X веке. Они выдвинулись на командные посты в его отряде, стали затем предводителями самостоятельных отрядов, завоевали одну за другой все провинции Ирана, затем завладели и Багдадом, отняли у халифов светскую власть и правили восточной половиной халифата. Халифу они оставили положение духовного главы ислама и отпускали довольно скудные средства на его содержание. Господство буидов продолжалось около ста лет. После смерти первых буидов начались междоусобные войны членов рода Буйе из-за престолонаследия; войны эти привели к развалу государства, и буиды были в конце концов свергнуты турками-сельджуками.

Вавилон. Древний город в нижнем Египте. На его развалинах арабы, завоевавшие Египет, устроили военный лагерь — Фостат (по-арабски — палатка). Из этого лагеря развился город Каир, ставший столицей Египта. В настоящее время Каир — главный город Египетского королевства.

Египетский Вавилон не следует смешивать с древнейшим городом Месопотамии, столицей древнего халдейского государства, вблизи реки Тигра.

Веспасиан. Римский император, царствовавший в середине I века н. эры. Известен осадой Иерусалима, которую закончил сын его, Тит, разрушивший город и подвергший население массовому избиению.

Византия. Древнее название города, переименованного в Константинополь после перенесения туда из Рима столицы Римской империи (326 г. н. эры). Название «Византия» осталось в употреблении и применялось, применяется и теперь, не только к городу, но и ко всей Римской империи, начиная с IV века н. эры.

Газна. Древний город в южном Афганистане.

Газневиды. Династия правителей, резиденция которых была в Газне.

Гамадан, или Хамадан. Древний город в иранском Курдистане. Во время халифата был главным городом западного Джебаля. Построен на развалинах города Экбатана, столицы древнего мидийского царства.

Гамданиды. Арабская династия потомков Гамдана, правителей (эмиров) разных городов Сирии и Месопотамии (Алеппо, Мосул). Играли большую роль в судьбах халифата в X веке, во время его развала. Прославились борьбой с Византией и покровительством поэтам и ученым.

Гарун. Халиф из династии Аббасидов, носивший титул аль Рашид (справедливый). Царствовал от 786 до 809 года н. эры. Известен в Европе главным образом как герой народных сказок («Тысяча и одна ночь»). Государственными делами не занимался, предоставляя управление государством своей матери Хейсуран и своим любимцам. Прославлялся поэтами вследствие чрезвычайной расточительности и щедрого покровительства поэтам и певцам.

Гашим. Предполагаемый прадед арабского законодателя Мохаммеда, из рода Корейш, населявшего Мекку. Впрочем, в последнее время найдено много данных, подвергающих сомнению мекканское происхождение Мохаммеда.

Геджаз, или Гиджаз. Область в средней Аравии, узкая полоса земли вдоль берега Красного моря. Главный город Мекка, место паломничества мусульман (см.).

Гилянь. Область Ирана на берегу Каспийского моря с очень теплым и сырым климатом. С юга ее окаймляют высокие горы, которые во время халифата составляли особую область — Дейлем.

Гимиар. Легендарный родоначальник ложноарабского племени Гимиаритов, населявших арабское побережье Индийского океана.

Гормузд. Имя нескольких царей из династии Сассанидов.

Дамаск. Древний город Сирии, известный еще в античное время. После завоевания Сирии арабами, в конце VII века, стал столицей всего халифата (при халифе Моавья). Ныне главный город Сирии, государства, подмандатного Франции.

Дейлем. Горная область к югу от Гиляни (см.).

День жертвоприношений. Большой мусульманский праздник. Этот день празднуется во всех мусульманских странах с большой торжественностью; состоятельные люди режут в этот день баранов или верблюдов, мясо которых раздают бедным. Особенно торжественно он празднуется в Мекке, куда к этому времени стекаются десятки тысяч паломников со всех концов мусульманского мира и где режут десятки тысяч верблюдов и баранов.

Джебаль. Провинция Ирана во время халифата, куда входили и Курдистан и Испагань, Кум, Кашан и другие города центрального Ирана. Очень гористая местность, откуда и название Джебаль (по-арабски — горы).

Джезира. Провинция халифата, ныне северная часть государства Ирак. Главный город Мосул. Лежит между реками Тигром и Евфратом, образуя между ними как бы остров, откуда и название «Джезира» (по-арабски — остров). Населена была еще до арабского завоевания Ирана, в VII веке, арабами, эмигрировавшими из Аравии. Во время халифата лежала на границе с Византией, и на ее территории происходили многие сражения между арабами и византийцами. Нередко называется Месопотамией (по-гречески — междуречье).

Занджан. Город в современном Иране по караванной дороге между Тавризом и Тегераном. Во время халифата был крупным торговым центром.

Зипетра. Крепость в южной части Малой Азии, в провинции Римской империи Киликии (теперь провинция Адана).

Зондские, или Малайские острова. Группа

островов в Индийском океане, лежащая на юг от Индо-Китая, населенная малайскими племенами. Родина многих пряностей— мускатного ореха, гвоздики и др.

Зороастр, или Заратустра (у арабов — Зердушт). Мифический пророк древнего Ирана, положивший, по преданию, начало маздеизму (см.) за семь веков до н. эры.

Ибн. По-арабски — сын; в соединении с собственным именем равняется русскому отчеству: ибн Али — сын Али, ибн Хусейн — сын Хусейна. Множественное число от ибн — бену, присоединенное к собственному имени, является именем рода или племени: бену Тамим — племя Тамимитов, бену Аббас — род Аббасидов.

Император Западной Европы. Французский король Карл, прозванный Великим. Карл завоевал Италию, большую часть Германии и был коронован в Риме императорской короной в 800 году. Начиная с этого времени, появляется Западная Римская империя, получившая позднее название Священной Римской империи.

Ирак. Современное арабское государство, расположенное по берегам Тигра и Евфрата. Во время халифата Ираком называлась только южная его часть, которая называлась также Савад (см.). Главный город Багдад.

Испехбед. Древнеиранское наименование главнокомандующих армиями, а также правителей окраинных провинций.

Ифрикия (арабское слово для обозначения Африки). Под этим именем понимался не весь материк Африки, а северная его область, современные Алжир и Тунис.

Кааба. Древнее святилище арабов в городе Мекке. Место паломничества мусульман. Обряд поклонения Каабе состоит из семикратного обхода вокруг здания Каабы и целования камня. Поклонение камню является пережитком древнейших

времен, когда поклонение священным камням и священным деревьям было повсеместно распространено в Аравии.

Кадезия. Город на берегу Евфрата, где произошла решающая битва между арабами и войском Сассанидов (в 37 г.). Арабы обратили в бегство противников, заняли весь Ирак и столицу царства Сассанидов — Ктезифон (см.).

Кади. Должность судьи у мусульманских народов.

Каир. Столица современного Египта, основанная в 970 году на месте арабского военного лагеря Фостат, лежащая на низовьях Нила.

Карадж. Город в провинции халифата Джебаль, входивший во владения представителя арабской родовой знати Абу Долафа вместе с городом Борджем (см.).

Кахтан. Легендарный родоначальник всей южной ветви арабского племени.

Кедживе. Род ящика или корзины; подвешивается с двух сторон седла на верблюде для перевозки путешественников, особенно женщин или больных.

Керман. Провинция халифата и ныне провинция Ирана; лежит в юго-восточной части Ирана. Главный город Керман.

Кифа. Арабизированное слово «Хозрой», имя двух царей из династии Сассанидов — Хозроя Нуширвана и Хозроя Парвоза. Этим именем арабы обозначали всякого царя Ирана.

Ктезифон — см. Мадаин.

Куфа. Город на берегу нижнего течения Евфрата. Имел огромное торговое значение как посредник между Востоком и Европой в торговле индийскими и дальневосточными товарами. В Куфу эти товары привозились на судах, отсюда отправлялись караванной дорогой в порты Средиземного моря.

Лев V Армянин. Император Византии (813—820).

Маад. Имя легендарного родоначальника северной ветви арабского племени.

Мавераннахр — по-арабски значит: «что по ту сторону реки». Область, лежащая на север от Аму-Дарьи, теперь Узбекская ССР. В античное время носила название Согдианы.

Мавритания. Страна мавров на северо-западе Африки, современный Марокко.

Мадаин, или Ктезифон. Столица Сассанидского государства, лежавшая у Тигра, вблизи места, на котором потом был выстроен Багдад. Мадаин был разрушен арабами после битвы при Кадезии.

Мазандеран. Провинция современного Ирана между Каспийским морем и горой Демавент. Во время халифата называлась Табаристаном. Главные города Амоль и Сара.

Маздеизм. Древнеиранская религия, основание которой приписывается легендарному пророку Зороастру. Название религии взято от имени доброго бога Агура-Мазды (Ормузда), который борется с злым богом Ангра-Маинию (Ориманом). Некоторые секты этой религии учили, что борьба двух начал: добра и зла — будет продолжаться вечно; другие — что она в будущем закончится победой доброго бога. Огонь — по учению маздеизма — лучшее творение Агура-Мазды, и ему поклонялись приверженцы маздеизма; в храмах горел священный огонь, и на жрецах (мобедах) лежала обязанность постоянно его поддерживать. Одной из особенностей маздеизма было учение, что мертвые нечисты, почему ни погребение, ни сожжение трупов не допускалось, дабы не осквернять творения Агура-Мазды — землю и огонь. Вблизи городов были выстроены так называемые башни молчания, без крыш; в них сносили трупы умерших, и там их поедали хищные птицы.

Мандр. Второй халиф из династии Аббасидов, игравший

главную роль и в царствование своего брата и предшественника Абу ли Аббаса (царствовал от 754 до 775 г.). Чрезвычайно одаренный, он умело лавировал между противоречиями, уже в его царствование начинавшими резко проявляться между иранскими феодалами и торговой буржуазией городов, лежавших на берегах Тигра и Евфрата — Багдада, Басры и других.

Махди. Третий халиф династии Аббасидов, сын Мансура (775—785). Известен своей расточительностью и щедростью.

Медина. Город в Геджазе (см.) в его плодородной части В Медине жил и умер пророк Мохаммед. Гробница его привлекает множество паломников мусульман.

Мекка. Главный город Геджаза, место ежегодного паломничества со всех концов мусульманского мира. По законам ислама посещение Мекки обязательно для каждого мусульманина, имеющего на то средства. Сведения о том, что Мохаммед родился в Мекке, долгое время в ней жил и проповедывал, по последним изысканиям подвергаются большому сомнению.

Мерв. Во время халифата был попеременно с Нишапуром главным городом Хоросана. Был разрушен во время монгольского нашествия. Неподалеку от него вырос новый Мерв, который существует до сих пор. Один из крупнейших городов Туркменской ССР.

Мерван. Имя двух халифов династии Оммайядов. Здесь имеется в виду Мерван II, последний халиф династии. Был до вступления на престол правителем Азербайджана и Армении, царствовал от 744 до 750 г. н. эры. Был разбит войсками восставших иранцев на берегу Заба — притока Тигра, бежал в Египет, где был убит.

Минарет. Высокая башня с балконом наверху. С этого балкона муэдзин (см.) призывает пять раз в день мусульман к молитве. Этот призыв заменяет колокольный звон у христиан.

М и х а и л. Имя нескольких византийских императоров; здесь говорится о Михаиле I Рангабе (царствовал от 811 до 813) и о Михаиле II Косноязычном (820—829), основателе Аморийской династии и отце Феофила.

М о б е д. Священнослужитель религии Зороастра.

М о н б л а н. Самая высокая гора в Европе на границе Франции и Швейцарии, 4 500 метров над уровнем моря.

М о х а м м е д. По общепринятому мнению — арабский «пророк», создатель мусульманской религии, родился в Мекке и жил в ней, проповедуя свое учение и призывая мекканцев бросить идолопоклонство и уверовать в единого бога — Аллаха. Так как проповедь Мохаммеда имела мало успеха и он подвергся гонениям, он покинул Мекку и переселился в Медину, где жители уверовали в божественность его послания. С их помощью Мохаммед покорил многие арабские племена, обратил их в ислам и завоевал Мекку, основав таким образом арабское государство, которое при его преемниках (халифах) обратилось в мировую державу.

Новейшие изыскания заставляют сомневаться в мекканском происхождении Мохаммеда и вообще в мекканском периоде его жизни; сомнительно и то, что он является основателем мусульманской религии. Что же касается его роли основателя арабского государства, то таковая подтверждается сведениями, сообщаемыми писателями неарабскими — армянскими и греческими, и повидимому не подлежит сомнению.

Мохаммед умер в 682 году н. эры. Год его бегства из Мекки в Медину арабская историография относит к 622 году н. эры; с этого года мусульмане начинают свое летосчисление.

М о щ и. Город в северном Ираке (современном); во время халифата был главным городом провинции Джезиры. Лежит на берегу Тигра. Невдалеке от него находятся нефтяные источники.

М о т а з и л и т ы. Одна из мусульманских сект, появившаяся в конце VII века и получившая наибольшее распространение в больших торговых центрах Савада — Баже и Куфе, среди буржуазных слоев. «Мотазила» по-арабски значит «отделившиеся», так как правоверные считали, что мотазилиты своим учением отделились от них. Главным пунктом догматического расхождения было учение мотазилитов о свободе человеческой воли и о сотворенности корана в противоположность правоверному исламу, который учит, что 1) все поступки людей, и добрые и злые, предопределены божеством, как предопределены заранее и награды и наказания за эти поступки, и 2) что коран не сотворен, а существует предвечно в уме бога. Мотазилитизм был идеологией прогрессивных слоев городской буржуазии, поддерживавших первых Аббасидов, и получил со стороны Мамуна официальное признание как единственно правильное учение. Аббасиды вернулись к правоверию при сыне Мамуна, халифе Мотовакиле (847—861 г. н. эры), когда буржуазия больших городов стала в оппозицию к халифам.

М у к а н. Провинция халифата в теперешней Азербайджанской ССР — Мугань.

М у э д з и н. Должностное лицо ислама, на обязанности которого лежит пять раз в день призывать мусульман к молитве.

Н а б а т е я н е. Народ, принадлежащий к семитическому племени, живший в Сирии и Саваде; занимался земледелием. Кочевые арабы, презиравшие земледельцев, употребляли это название как бранное слово.

Н и к и ф о р. Римский император (802—811), низвергший императрицу Ирину, восстановившую почитание икон; погиб в битве с болгарами.

Н и ш а п у р. Во время халифата большой город в Хорасане, не раз бывший его столицей.

О м а р I и б н а л ь Х а т т а б. Второй преемник Мохаммеда (634—644 г. н. эры). Организатор арабского государства, при

нем поглотившего большую часть Ирана, Сирию, Палестину, Египет. Личность необыкновенная по своей одаренности, энергии и твердости характера.

Ошрусна. Город халифата, ныне Ура-Тюбе в Средней Азии.

Рей. Древнеиранский город, известный еще по библии, ныне в развалинах. Вблизи его — современный Тегеран. Во время халифата был крупным городом с значительно развитой промышленностью (ремесленной) и торговлей.

Рум. Арабское название Рима, а также и Римской империи, позднее перенесенное на Малую Азию.

Савад. Название провинции халифата, лежавшей по нижнему течению Тигра и Евфрата. Называлась также Ирак. Название Савад (по-арабски — черный) дано вследствие черной почвы, нанесенной этими реками.

Саманиды. Династия правителей восточной части халифата, которой они управляли совершенно независимо, лишь сохраняя номинально подчинение верховной власти халифа.

Сассаниды. Династия царей Ирана, основанная Ардеширом и управлявшая Ираном до арабского завоевания (226—241).

Сафа и Мерва. В числе обрядов, предписанных исламом во время торжеств в Мекке, имеется обряд бега между двумя возвышенностями — Сафа и Мерва, недалеко от Каабы. Паломники должны семь раз пробежать расстояние между ними (около 170 метров).

Сеистан, или Седжестан. Провинция халифата и современного Ирана в восточной его части.

Сельджуки. Тюркское племя Гузов; переселилось в XI веке из степей Средней Азии в Хорасан. Под предводительством внуков Сельджука — Тогрульбега и Чакирбега — сельджуки разбили буидов и завладели всей азиатской частью

халифата. В половине XI века они заставили халифа вручить им всю полноту светской власти и правили неограниченно в течение столетия. Внутренние раздоры между потомками Сельджука подорвали в конце XII века их силу и привели к полному развалу мусульманской империи, которую в начале XIII века без труда разгромили монголы.

Синд. Провинция халифата, образованная из завоеванных арабами областей северо-западной Индии.

Синоп. Древний город в Малой Азии на берегу Черного моря.

Тарс. Город в Малой Азии в его южной части, в теперешней турецкой провинции Адана. Во время халифата принадлежал Византии. Провинция называлась Киликией.

Тиана. Город в провинции Киликии (теперь Адана), входивший во время халифата в состав Византийской империи.

Фатимиды. Потомки дочери Мохаммеда Фатимы и мужа ее Али. Под этим именем известна в истории династия потомков некоего Абдалла ибн Меймун, бывшего главой секты измаилитов. Один из его потомков стал выдавать себя не только за потомка Али, но именно за того из них, пришествия которого ждали измаилиты, как обетованного Махди (см. текст стр. 177).

Фландрия. Провинция современной Бельгии. В средние века была одной из самых промышленных стран Европы, славилась своими шерстяными тканями.

Форс. Провинция халифата, а также современного иранского государства на юге Ирана. Главный город Шираз. От имени этой провинции происходит употребительное в Европе название: персы, Персия.

Хазары. Народ; обитавший в III веке н. эры в области на север от Кавказа. В VI веке хазарское царство доходит до Аракса, позднее хазары завладевают и Крымом. С VIII века

вели беспрерывные войны с халифами, которые оттеснили их из Закавказья. Разрушено хазарское царство в 966 году русскими.

Хакан. Титул верховного главы турецкого государства, существовавшего в средние века в Средней Азии (современном Казахстане), ему подчинены были низшие правители — ханы

Хузистан. Провинция халифата и современного Ирана вдоль реки Карун и побережья Персидского залива. Главный город прежде Ауваз, ныне Дизфуль.

Цейлон. Остров в Индийском океане, отделенный от Индии Палкским проливом. Известен богатством тропической растительности, месторождением драгоценных камней (рубина, сапфира, граната) и ловлей жемчуга на западном побережье.

Ширван. Область халифата, главный город Шемаха. Входит в Азербайджанскую ССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Abu Jusuf. Le livre du Charadj.
Agathias. De regne Justiniani.
Abulfeda. Annales moslemici.
Beladhori. Liber expugnationis regionum.
Cedrenus. Compendium historiae.
Fragmenta hist rícorum arabicorum — Kitab el Oyoun u Ibn. Mashkowei.
Gennesios.
Ibn al Fakih al Hamadani. Kitabal boldun.
Ibn Haukal.
Ibn Khallikan. Biographical Dictionary.
Ibn Khordadbeh. Kitabal Masalik.
Istakhri.
El Macinus. Historia Saracena.
Masoudi. Le livre de l'avertissement et de la revision.
Masoudi. Les prairies d'or.
Michel le Grand. Chronique.
Nizam oul Moulk. Siasset Nameh
Schahrastani. Die Religionsparteien und Philosophenschulen.
Svmeon Logothetes.
Shea and Troyer. The Dabistan,

Tabari. Chronique, изд. Zotenberg.
„ изд. de Goeje.
„ „ Geschichte der Perser und Araber (Nöldeke)
Theophanes continuatus.
Jahia ibn Adam. Kital ab Charadj.
Zonaras Compendum historiae.

ПОСОБИЯ

Barbier de Meynard. Dictionnaire géographique.
Van Berchem. De la propriété territoriale sous les premiers caliphes.
Flügel. Babek, seine Abstammung und erstes Auftreten.
Goldzieher. Mohammedanische Studien.
Грен. Династия Багратидов в Армении.
Kremer. Kulturgeschichte des Orients.
„ Kulturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams.
Lestrange. The lands of the Eastern Caliphate.
Muir. The Caliphate.
Müller A. Der Islam im Morgen-und Abendlande.
De Tacy. Mémoires sur diverses antiquités de la Perse.
Van Vloten. Recherches sur la domination arabe, le chiitisme et les croyances messianiques sous le Khalifat des Ommayades.
Weil. Geschichte der Chalifen.
Wellhausen. Reste des arabischen Heidentums.
„ Das arabische Reich und sein Sturz.
„ Mohammed in Medina.
Энгельс. Крестьянская война в Германии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Хуремиты	7
Бабек	30
Колосс на глиняных ногах	47
Мамун	70
Путь победы	84
Перелом	100
Осада Базза	120
Последний бой	137
Предательство	143
Казнь	150
Заключение	162
Примечания	180
Библиография	198

Цена 1 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА СЕРИЮ
„ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ“

на 1936 г.
24 выпуска

на год 25 р. 20 к.
на 6 мес. 12 р. 60 к.
на 3 мес. 6 р. 30 к.

Журнально-газетное
об'единение
Москва
1936